

ISSN 2408-9338

НАУЧНЫЙ РЕЗУЛЬТАТ

СОЦИОЛОГИЯ И УПРАВЛЕНИЕ

RESEARCH RESULT. SOCIOLOGY AND MANAGEMENT

9(3) 2023

16+

Сайт журнала:
rrsociology.ru

сетевой научный рецензируемый журнал
online scholarly peer-reviewed journal

НАУЧНЫЙ РЕЗУЛЬТАТ. СОЦИОЛОГИЯ И УПРАВЛЕНИЕ RESEARCH RESULT. SOCIOLOGY AND MANAGEMENT

ТЕМА НОМЕРА: Проблема социальной незащищенности и неравенства
THEME OF THE ISSUE: The problem of social vulnerability and inequality

Свидетельство о регистрации средства массовой информации Эл. № ФС77-69096 от 14 марта 2017 г.

журнал включен в библиографическую базу данных научных публикаций российских ученых РИНЦ

Журнал включен в перечень рецензируемых научных изданий, рекомендуемых ВАК

Mass media registration certificate El. № FS 77-69096 of March 14, 2017

Included into bibliographic database of scientific publications of Russian scientists registered in the Russian Science Citation Index

The journal is included in the list of peer-reviewed scientific publications recommended by the Higher Attestation Commission

Том 9, № 3. 2023

СЕТЕВОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Издается с 2014 г.

ISSN 2408-9338

Volume 9, № 3. 2023

ONLINE SCHOLARLY PEER-REVIEWED JOURNAL

First published online: 2014

ISSN 2408-9338

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР ВЫПУСКА:

Черныш М. Ф., доктор социологических наук, первый заместитель директора по координации научной и научно-образовательной работы Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Россия.

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР: Шاپовалова И. С., доктор социологических наук, доцент, заведующая кафедрой социологии и организации работы с молодежью Института общественных наук и массовых коммуникаций Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия.

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА: Лебедев С. Д., кандидат социологических наук, профессор кафедры социологии и работы с молодежью Института общественных наук и массовых коммуникаций Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия.

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ: Ковальчук О. В., кандидат философских наук, доцент кафедры социологии и организации работы с молодежью Института общественных наук и массовых коммуникаций Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия.

РЕДАКТОР АНГЛИЙСКИХ ТЕКСТОВ: Ляшенко И. В., кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации Институт межкультурной коммуникации и международных отношений Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия.

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ:

Абдираймова Г. С., доктор социологических наук, профессор, заведующая кафедрой социологии и социальной работы Казахского Национального университета им. аль-Фараби, Казахстан.

Благоевич М., доктор социологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник и руководитель Форума по религиозным вопросам (ФОРЕЛ) Института общественных наук Белграда, Сербия.

Василенко Л. А., доктор социологических наук, профессор кафедры общественных связей и медиаполитики в Российской академии государственной службы при Президенте Российской Федерации, заместитель Председателя правления автономной некоммерческой организации «Евразийское содружество», Россия.

Вишневский Ю. Р., доктор философских наук, профессор Уральского государственного технического университета, Россия.

Гаджимурадова Г. И., кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник Института социально-политических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, доцент кафедры демографической и миграционной политики Московский государственный институт международных отношений МИД Российской Федерации, Россия.

Джорджевич Д. Б., доктор философских наук, профессор Нишского университета, Сербия.

Зубок Ю. А., доктор социологических наук, профессор, заведующая отделом социологии молодежи Института социально-политических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Россия.

Кублицкая Е. А., кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник Института демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской Академии наук, Россия.

Мартинювич В. А., доктор теологии Венского Университета, доцент, заведующий кафедрой апологетики Минской Духовной Академии, Беларусь.

CHIEF EDITOR OF THE ISSUE:

Michael Chernysh, Doctor of Sociological Sciences, First Deputy Director for the Coordination of Scientific, Scientific and Educational Work of the Institute of Sociology of the Federal Center for Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences, Russia.

MANAGING EDITOR: Inna Shapovalova, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of Sociology and Organization of work with youth, Institute of Social Sciences and Mass Communications Belgorod State National Research University, Russia.

DEPUTY EDITOR-IN-CHIEF: Sergey Lebedev, Ph.D. in Sociological Sciences, Professor of the Department of Sociology and Organization of work with youth, Institute of Social Sciences and Mass Communications, Belgorod State National Research University, Russia.

EXECUTIVE SECRETARY: Olga Kovalchuk, Ph.D. in Philosophical Sciences, docent the Department of Sociology and Organization of work with youth, Institute of Social Sciences and Mass Communications, Belgorod State National Research University, Russia.

ENGLISH TEXT EDITOR: Igor Lyashenko, Ph.D. in philology, Associate Professor, Department of English Philology and Intercultural Communication, Institute of Intercultural Communication and International Relations, Belgorod State National Research University, Russia.

EDITORIAL BOARD:

Gulmira Abdiraimova, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of Sociology and Social work, al-Farabi Kazakh National University, Kazakhstan.

Mirko Blagoevich, Doctor of Sociological Sciences, a leading researcher and Head of Forum of religion problems (FOREL), Institute for Social Researches of Belgrade, Serbia.

Ludmila Vasilenko, Doctor of Sociological Sciences, Professor of the Department of Public Relations and Media Policy at the Russian Academy of Public Administration under the President of the Russian Federation, Deputy Chairman of the Board of the Autonomous Non-profit Organization "Eurasian Commonwealth", Russia.

Yuri Vishnevsky, Doctor of Philosophy, Professor of the Ural State Technical University, Russia.

Gulnara Gadzhimuradova, PhD in Philosophy, Leading Researcher, Institute for Social and Political Studies of the Federal Center for Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences, Associate Professor, Moscow State Institute of International Relations of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Russia.

Dragoljub Djordjevic, Doctor of Philosophy, Professor of the University of Nis, Serbia.

Yuliya Zybok, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of Sociology of Youth, the Institute of Socio-Political Research of the Federal Center for Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences, Russia.

Elena Kublitskaya, Candidate of Sciences in Philosophy, Leading Researcher at the Institute of Demographic Research of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences, Russia.

Vladimir Martinovich, Doctor of Theology the University of Vienna, Associate Professor, Head of Department apologetics Minsk Theological Academy, Belorussia.

Jaroslav Mihálik, Doctor of Sociology, Professor, Head of the department

Михалик Я., доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой политических наук, декан факультета социальных наук Университета святых Кирилла и Мефодия, Словения.

Моравчикова М., доктор теологии, директор Института правовых вопросов религиозной свободы Юридического факультета Трнавского университета, Словакия.

Мchedlova Е. М., доктор социологических наук, старший научный сотрудник Института социально-политических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Россия.

Мchedlova М. М., доктор политических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Центра «Религия в современном обществе» Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Россия.

Накова Албена, PhD, доцент, заместитель директора Института философии и социологии Болгарской академии наук, Болгария.

Островская Е. А., доктор социологических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета, Россия.

Рязанова С. В., доктор философских наук, профессор Пермского государственного университета, Россия.

Рикуччи Р., доктор социологических наук, доцент, Председатель программы «SAR – Социология и антропология религии» Американской антропологической ассоциации, Туринский университет, Департамент культуры, политики и общества Социология ислама и социология межнациональных отношений, Италия.

Руткевич Е. Д., кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Россия.

Сусунова И. С., доктор социологических наук, профессор, руководитель Центра социальной экологии и прикладной социологии Российского экологического федерального информационного агентства, Россия.

Тарабаева В. Б., доктор социологических наук, профессор, директор Педагогического института Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия.

Тощенко Ж. Т., доктор философских наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук, Россия.

Фрухманн Я., доктор социологических наук, профессор Бременского Университета им. Якобса, Германия.

Цвиткович И., доктор социологических наук, профессор, действительный член Академии наук и искусств Боснии и Герцеговины, Босния и Герцеговина.

Черныш М. Ф., доктор социологических наук, первый заместитель директора по координации научной и научно-образовательной работы Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук, Россия.

Чиприани Р., доктор социологических наук, почётный профессор социологии, Департамент образования, Университет Рим-3, Италия.

Шаронова С. А., доктор социологических наук, профессор, заместитель директора института иностранных языков Российского Университета Дружбы Народов, Россия.

Шмарион Ю. В., доктор социологических наук, кандидат технических наук, профессор кафедры философии, социологии и теологии Липецкого государственного педагогического университета имени П. П. Семенова-Тян-Шанского, Россия.

of Political Sciences, Dean of the Faculty of Social Sciences, University of Saints Cyril and Methodius, Slovakia.

Michaela Moravchikova, Doctor of Theology, Director of the Institute of Religious Freedom Legal Affairs Faculty of Law of the University of Trnava, Slovakia.

Elena Mchedlova, Doctor of Sociology, professor, senior researcher at the Institute of Social and Political Studies of the Federal Center for Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences, Russia.

Maria Mchedlova, Doctor of Political Sciences, Professor, Senior Fellow at the Center "Religion in Contemporary Society" Institute Sociology of the Federal Center for Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences, Russia.

Albena Nakova, PhD, Associate Professor, Deputy Director, Institute of Philosophy and Sociology, Bulgarian Academy of Sciences, Bulgaria.

Elena Ostrovskaya, Doctor of Sociology, Professor, St. Petersburg State University, Russia.

Svetlana Ryazanova, Doctor of Philosophy Science, professor of Perm State University, Russia.

Roberta Ricucci, Doctor of Sociology, Associate Professor, Programme Chair "SAR – Society of Anthropology of Religion", American Anthropological Association, Dept. Of Culture, Politics and Society Sociology of Islam & Sociology of Interethnic relations, University of Turin, Italy.

Elena Rutkiewicz, Ph.D. in Philosophy Sciences, a leading researcher at the Institute of Sociology of the Federal Center for Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences, Russia.

Irina Sosunova, Doctor of Social Sciences, Professor, Head of the Center of Social Ecology, and Applied Sociology of the Russian Environmental Federal Information Agency, Russia.

Victoria Tarabaeva, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Director of Pedagogical Institute, Belgorod State National Research University, Russia.

Jean Toshchenko, Doctor of Philosophy Sciences, professor, corresponding member of the Federal Center for Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences, Russia.

Jakob Fruhmann, Doctor of Sociology, Professor of the Bremen University. Jacobs, Germany.

Ivan Czvirkovich, Doctor of Sociology, Professor, member of the Academy of Sciences and Arts of Bosnia and Herzegovina, Bosnia and Herzegovina.

Michael Chernysh, Doctor of Sociological Sciences, First Deputy Director for the Coordination of Scientific, Scientific and Educational Work of the Institute of Sociology of the Federal Center for Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences, Russia.

Roberto Cipriani, Doctor of Sociology, Emeritus Professor of Sociology, Department of Education, University of Rome-3, Italy.

Svetlana Sharonova, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Deputy Director of the Institute of Foreign Languages of the Russian University of Friendship of Peoples, Russia.

Yuri Shmarion, Doctor of Sociology, Candidate of Technical Sciences, Professor of the Department of Philosophy, Sociology and Theology of Lipetsk State Pedagogical University named after P. P. Petrov Semenova-Tian-Shansky, Russia

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

Черныш М. Ф. Проблема социальной незащищенности и неравенства: вступительное слово редактора	5	Michael F. Chernysh The problem of social vulnerability and inequality: Editor's Introduction	5
СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ И ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ		SOCIOLOGY OF CULTURE AND SPIRITUAL LIFE	
Юсупов М. М. Социальное выживание в условиях регионального вооруженного кон- фликта	9	Musa M. Yusupov Social survival in a regional armed conflict	9
Набиулин И. Р. Особенности адаптации иностранных студентов мусульманского вероиспо- ведения в республике Татарстан	21	Islam R. Nabiulin Peculiarities of adaptation of foreign students of the muslim faith in the Republic of Tatarstan	21
СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА, СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ		SOCIAL STRUCTURE, SOCIAL INSTITUTES AND PROCESSES	
Ковальчук О. В. Профессиональные жизненные стра- тегии детей-инвалидов как индикатор благополучия региона	37	Olga V. Kovalchuk Professional life strategies of disabled children as an indicator of the well-be- ing of the region	37
Пронин А. Ю., Дробышевская Е. В., Жукова Е. В., Шилова В. А. Связь информированности о ВИЧ-ин- фекции с установками здоровьесбе- рагающего и рискованного поведе- ния жителей Московской области	49	Alexander Yu. Pronin, Elena V. Drobyshevskaya, Evgenia V. Zhu- kova, Valentina A. Shilova Relationship of HIV awareness with health-saving and risk behaviour atti- tudes of residents in the Moscow region	49
Сигарева Е. П., Сивоплясова С. Ю. Влияние пандемии COVID-19 на репродуктивное поведение населения России: статистический и социологический анализ	69	Evgenia P. Sigareva, Svetlana Yu. Sivoplyasova The impact of the COVID-19 pandemic on the reproductive behaviour of the Rus- sian population: statistical and sociologi- cal analysis	69
Честюнина Ю. В., Куба Е. А., Забелина Е. В., Задорожная А. В. Структура удовлетворенности жиз- нью в пенсионном возрасте (на мате- риале исследования пациентов, нахо- дящихся на реабилитации после пе- ренесенного COVID-19)	89	Yuliya V. Chestyunina, Elena A. Kuba, Ekaterina V. Zabelina, Alena V. Zadorozhnaya Structure of satisfaction with life in retirement (on the sample of patients in rehabilitation after COVID-19)	89

СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ И СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ		SOCIOLOGY OF MANAGEMENT AND SOCIAL TECHNOLOGIES	
Давыдов А. П. «Власть-собственность» и неравенство в России как социальная проблема	110	Alexey P. Davydov “Power-property” and inequality in Russia as a social problem	110
Демьяненко В. И. Оценка субъектности участников взаимодействия по сокращению неравенства в российских регионах	123	Vasiliy I. Demyanenko Assessing the subjectivity of participants in interaction to reduce inequality in Russian regions	123
Мерзляков А. А. Моделирование регулирования региональных неравенств	138	Andrey A. Merzlykov Regional inequality management modelling	138
Петровская Ю. А. Информатизация социальной работы: анализ практики в Республике Карелия	154	Yuliya A. Petrovskaya Informatization of social work: analysis of practice in the Republic of Karelia	154
Савельев И. А. Управление регионом в контексте преодоления негативных последствий неравенств по данным контент-анализа сайтов	168	Ivan. A. Savelyev Regional management in the context of overcoming the negative consequences of inequalities according to website content analysis	168

УДК 316.4

DOI: 10.18413/2408-9338-2023-9-2-0-1

Редакторская статья

Черныш М. Ф.

Проблема социальной незащищенности и неравенства:
вступительное слово редактора

Информация для цитирования: Черныш М. Ф. Проблема социальной незащищенности и неравенства: вступительное слово редактора // Научный результат. Социология и управление. 2023. Т. 9, № 3. С. 5-8, DOI: 10.18413/2408-9338-2023-9-3-0-1.

Michael F. Chernysh

The Problem of Social Vulnerability and Inequality:
Editor's Introduction

Institute of sociology of the Federal center for theoretical and applied sociology,
Russian academy of sciences
bld. 24/35 Krzhizhanovskogo str., Building 5, Moscow, 117218, Russia

Information for citation: Chernysh M. F. (2023), "The Problem of Social Vulnerability and Inequality: Editor's Introduction", *Research Result. Sociology and Management*, 9 (3), 5-8, DOI: 10.18413/2408-9338-2023-9-3-0-1.

Для российских социологических журналов характерны две основные стратегии выбора публикаций. Первая из них предполагает предпочтения статьям, которые четко соответствуют тематике издания, при сохранении критерия качества. Вторая акцентирует ограничения, налагаемые, прежде всего, той областью знаний, на которую ориентирован журнал притом, что тематический выбор имеет широкий разброс. Похоже, хотя возможно это и преждевременный вывод, большинство российских журналов, даже тех, которые создавались со строгой тематической направленностью, эволюционирует в сторону второго подхода. Можно предположить, что причины этой эволюции лежат как внутри дисциплины, так и во вне её. Внутренние факторы, побуждающие к широкой тематической ориентации, связаны с расширением методологических оснований социологии, изменениями, которые коснулись её метапарадигмальных основ. В российской социологии приняты и получили признание

качественные и количественные исследования с относительно новыми акцентами – биографические интервью, исследования культуры в разных формах, экспертные опросы, сфокусированные на узкой тематике, онлайн опросы, ставящие целью преодолеть кризис недостижимости, с которым все чаще сталкиваются социологи. Речь идет о проектах, использующие иные, чем прежде методы сбора данных, но, поскольку методы накрепко привязаны к определенному набору тем, то и о проектах со специфической тематической направленностью.

Ко внешним факторам, побуждающим к тематической широте, относятся отчетливо просматривающиеся тенденции ослабления некоторых из направлений отечественной социологии. В последнее время обозначился тренд «усыхания» таких направлений как история и теория социологии, методика и методология социологических исследований. Журнал, который по-

ставил бы целью заниматься только историей и теорией дисциплины, скорее всего набрал нужного количества статей даже, если бы ограничился всего двумя выпусками в год. Подобное положение современной российской науки вряд ли можно назвать нормальным. Дисциплина, которая не занимается собственными теоретическими основаниями, методами исследований, рано или поздно должна будет констатировать, что её научный фундамент теряет прочность, а реальные практики отходят от строгих «лабораторных» критериев и движутся в сторону поп-социологии, серфингующей по волнам сиюминутной актуальности. Дальнейшему нарастанию этого тренда немало поспособствовали критерий «эффективности», внешним образом диктуемые научному и образовательному сообществам. Если надо отчитываться перед регулятором количеством статей, то рефлексивные сюжеты должны отступить на второй план, а на первом должно быть то, что интересует широкую публику.

Одним из признаков подобного тренда стала эволюция самого понятия «социология», которое в устах политиков или медиа комментаторов все чаще означает процентные распределения политической поддержки или распространения неких повседневных практик. Респондентов спрашивают, что они предпочитают утром – кофе или чай, и полученные распределения представляются как социологические данные. Задаются вопросы об уровне беспокойства, который испытывает респондент, а далее строятся временные ряды, якобы фиксирующие разные уровни беспокойства и озабоченности, характеризующие общество в целом. Попытки объяснить фиксируемые данные, как правило, привносятся извне, из наития интерпретатора, никак не опирающиеся на показатели самого исследования. Такая подмена научной логики интуицией, сведения социологии к поверхностным массовым опросам не приемлема для сообщества ученых, считающего, что дисциплина должна развиваться именно

как наука, следующая принципам доказательности получаемых результатов.

Несмотря на явный тренд в сторону расширения тематического диапазона, научные журналы призваны выполнять важную функцию – сохранять баланс между теоретическими изысканиями и публикациями, базирующимися на эмпирических данных, воспроизводить научную логику объяснения получаемых результатов. В текущем номере журнала этот принцип соблюдается в полной мере. В области социологической теории находится, к примеру, публикация А. П. Давыдова, обсуждающая проблема отношений между властью и собственностью (имеется в виду крупная собственность) в России. Надо сказать, что это не первая попытка исследователь эту масштабную проблему. В западной социологической литературе давно обсуждается специфический характер российского комплекса «власть-собственность», который мыслится как традиционный для российского общества и одновременно создающий немалые проблемы для его развития. Под этим углом зрения рассматривал российское общество, к примеру, известный американский историк Ричард Пайпс. Схожие идеи можно отыскать и в современных статьях, посвященных состоянию российской экономики и общества. В заслугу А. П. Давыдову можно поставить то, что он анализирует эту проблему не как «критик культуры», не как «обличитель нравов», а как исследователь, полагающий любые из возникающих в России «связок» как функциональные, коренящиеся в необходимости общественного воспроизводства. С точки зрения Давыдова, само упоминавшееся слияние это, продиктовано самой действительностью, необходимостью развивать громадные пространства России, концентрировать капитал и властную силу принуждения на определенных направлениях, важных с точки зрения защиты государственных интересов. Давыдов признает, что «симфония» власти и собственности имеет серьезные непреднамеренные, нега-

тивные последствия. Это – коррупция, которая, в России выглядит как неодолимое явление, неизбежные ограничения свободы, варьирующееся в разные периоды степенью жесткости, цинизм чиновничества, уверенного в своем всевластии. Однако, полагает Давыдов, «слияние» – это не приговор, а общие тенденции эволюции, необходимости глобальной конкуренции приведут, в конечном итоге, к более выгодным с точки зрения развития состояниям властных институтов и института собственности.

Теоретические подходы с выходами на управленческие практики заявлены и в статье А. А. Мерзлякова. В региональном разрезе, полагает он, можно и нужно регулировать уровень неравенства и, опираясь на создаваемые на научной основе модели, можно использовать как нормативную базу для смягчения социальных различий. Подобная точка зрения далеко не бесспорна, не всё можно регулировать на региональном уровне, если ключевые нормы функционирования экономики задаются «сверху» и отражают реальные возможности сегодняшнего бюджета. Однако сам по себе факт смещения акцента в рассмотрении проблем неравенства на региональный уровень имеет право считаться и легитимным, и многообещающим. Дело в том, что российское общество построено «фрактально», макропаттерны неизменно воспроизводятся в локальных масштабах и, если изменять институты, воспроизводящие сегодняшний, неприемлемый уровень неравенства, в стране в целом, то аналогичные меры должны быть осуществлены и на уровне региона.

В материале, который дал в номер В. И. Демьяненко, делается попытка рассмотреть в теоретическом, модельном плане проблему субъектности в решении социально-экономических проблем региона. Может порой казаться, что проблема имеет очевидное решение: субъектом решения социально-экономических проблем в регионе является региональная власть. Од-

нако подобный, поверхностный подход обходит стороной тот факт, что сама власть в любом из российских регионов рассредоточена и по уровню, и по ветвям, каждая из которых имеет собственные социальные и экономические приоритеты. Субъектностью (или, выражаясь социологическим языком, агентностью) обладают и другие игроки в поле принятия решений – организации гражданского общества, сетевые акторы, формирующие временные коалиции по интересам в зависимости от текущей ситуации и характера решаемой проблемы и – как же без этого – федеральные структуры, пристально наблюдающие за тем, чтобы локальные игроки соблюдали нормы, заданные сверху. Каждый из названных игроков имеет как собственный интерес, так и инструменты политической мобилизации, способные существенно влиять на процесс принятия решений. В. И. Демьяненко предлагает рассматривать субъектность как динамическую переменную, меняющую свои значения в процессе принятия решений. Элиты формируют коалиции с разным уровнем устойчивости, но при этом опираются на поддержку социальных групп, разных по численности и уровню влияния. Демьяненко не дает готовых решений, но предлагает поразмышлять на тему субъектности, полагаясь на данные эмпирического исследования.

Ряд статей номера представляют разные формы адаптации населения в текущей ситуации. В статье О. В. Ковальчук, к примеру, рассматриваются профессиональные стратегии, выбираемые детьми-инвалидами, и те барьеры, которые затрудняют их профориентацию. В России эта проблема безусловно должна быть отнесена к числу самых острых. Дети инвалиды имеют меньшую мобильность и, как показывает практика, меньше возможности применить себя в экономике. Эта «пониженная стоимость» на рынке труда должно компенсироваться более продвинутой системой профессиональной подготовки с участием как госу-

дарственных учреждений, так и родительской семьи. В противном случае локальные сообщества рискуют усилить эксклюзивность социальной группы и так испытывающей немалый социальный стресс, но кроме того сделать видимым негативный опыт отчуждения семей с детьми-инвалидами. Этот опыт – можно говорить об этом с уверенностью – скажется на желании семей обзаводиться детьми, станет понижающим фактором в том, что касается рождаемости.

В статье И. Р. Набиулина рассматривается проблема адаптации иностранных студентов мусульманского вероисповедания в Татарстане. Казалось бы, республика Татарстан – это то место, где иностранцы мусульмане должны чувствовать себя комфортно. В ней созданы самые благоприятные условия для активной религиозной жизни мусульман, существуют сообщества, готовые вобрать в себя иностранцев-единоверцев. Однако, как справедливо, отмечает автор, освоить эти возможности иностранцам непросто: недостаточное знание языка, незнание локальной культуры делает их адаптацию затруднительной. Всё-таки многое зависит от того, как реагируют на иностранцев местные сообщества, коренные татарстанцы, ближайшее окружение. Необходимо сделать так, чтобы иностранцы в этой среде не ощущали отчуждения, чтобы они сохранили самые теплые чувства, положительные впечатления от пребывания в республике.

Данный номер «Научного Результата» содержит, как явствует из обзора, статьи разной направленности и содержания. Заинтересованный читатель отыщет в нём то, что наиболее близко его или её интересам. Многие из предложенных материалов носят дискуссионный характер, поддерживают интерес к той тематике, которая актуальна для современного российского общества. Именно в этом возможно и состоит одна из самых важных задач современной общественной науки.

Статья поступила в редакцию 10 сентября 2023 г. Поступила после доработки 15 сентября 2023 г. Принята к печати 20 сентября 2023 г.

Received 10 September 2023. Revised 15 September 2023. Accepted 20 September 2023.

Конфликты интересов: у автора нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the author has no conflicts of interest to declare.

Черныш Михаил Федорович, член-корреспондент Российской академии наук, доктор социологических наук, директор Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Москва, Россия.

Michael F. Chernysh, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences in Sociology, Director of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ И ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ SOCIOLOGY OF CULTURE AND SPIRITUAL LIFE

Исследовательская статья

УДК 316.3

DOI: 10.18413/2408-9338-2023-9-3-0-2

Юсупов М. М.

Социальное выживание в условиях регионального
вооруженного конфликта

Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова
улица Шерипова, дом 32, Грозный, 364024, Россия
musa_y17@hotmail.com

Аннотация. В статье рассматриваются особенности социального выживания в условиях регионального конфликта. В качестве объекта анализа выступают социально-демографические группы разных национальностей и вероисповедания. Предметом исследования являются формы и способы социального выживания в экстремальной конфликтной ситуации. В исследовании применен подход социокультурный и деятельный, использовался метод социологического наблюдения, измерения переменных, характеризующих источники выживания, социальное самочувствие, ощущение безопасности, ценностные ориентации. *Результат:* в исследовании выявлено, что социальное выживание имеет свою специфику в разные этапы протекания конфликта. Установлено, что в ситуации дезорганизации, разрыва привычных социальных связей, выживание требует в местах локации людей самоорганизации, определения норм и правил поведения, мер безопасности, выстраивания культуры общежития адекватно экстремальной военной обстановке. Отмечается разное восприятие кризиса, позитивное ожидание и негативное опасение в региональной общности, ухудшение жизни за время конфликта трех четверти населения, острота потребности в пище и безопасности в зоне боевых действий, роль в самосохранении солидарности и взаимопомощи. Выясняется значение религии в укреплении самообладания и надежды, мотивации на самосохранение и самозащиту. Формулируется вывод о перерастании посттравматических стрессов в культурные травмы. В перспективе считается необходимым отслеживать социальное выживание и социальные настроения в условиях поствоенного возрождения и развития региона.

Ключевые слова: конфликт; война; выживание; безопасность; потребности; самосохранение; самоорганизация

Информация для цитирования: Юсупов М. М. Социальное выживание в условиях регионального вооруженного конфликта // Научный результат. Социология и управление. 2023. Т. 9, № 3. С. 9-20, DOI: 10.18413/2408-9338-2023-9-3-0-2.

Musa M. Yusupov

Social survival in a regional armed conflict

A. A. Kadyrov Chechen State University
32 Sheripov St., Grozny, 364024, Russia
musa_y17@hotmail.com

Abstract. The article discusses the features of social survival in the context of a regional conflict. The object of analysis is the socio-demographic groups of different nationalities and religions. The subject of the study is the forms and methods of social survival in an extreme conflict situation. The study applied a sociocultural and active approach, used the method of sociological observation, measuring variables characterizing the sources of survival, social well-being, a sense of security, and value orientations. Result: The study revealed that social survival has its own specifics at different stages of the conflict. It has been established that in a situation of disorganization, rupture of habitual social ties, survival requires self-organization in places where people are located, the definition of norms and rules of behavior, security measures, building a culture of community life adequately in accordance with the military situation. There is a deterioration in life during the conflict of three-quarters of the population, the acute need for food and security in the war zone, the role of solidarity and mutual assistance in self-preservation. The importance of religion in strengthening self-control and hope is revealed. In the future, it is considered necessary to monitor social survival and social moods in the context of the post-war revival and development of the region.

Keywords: conflict; war; survival; security; needs; self-preservation; self-organization

Information for citation: Yusupov, M. M. (2023), "Social survival in conditions of regional armed conflict", *Research Result. Sociology and Management*, 9 (3), 9-20, DOI: 10.18413/2408-9338-2023-9-3-0-2.

Введение (Introduction). Со времен древности человек, общины, общества выживали первоначально, находясь в сильной зависимости от природы и природной стихии. В последующем по мере культурной адаптации к природной среде складывается социальная зависимость, которая менялась с изменением формации, способа производства, трансформации аграрного общества в индустриальное и информационно-технологическое.

В современную эпоху трудности и угрозы социальному выживанию не уменьшились, особенно в развивающихся и транзитных странах. В мире растет дифференциация по уровню технологического развития, доходов на душу населения, углубля-

ется социальное неравенство, периодически вспыхивают в разных регионах внутригосударственные и межгосударственные конфликты. Они влекут тяжелые социальные, культурные и гуманитарные последствия, формируется травмированная память о конфликтных событиях.

Длительный период возникновения и развития регионального конфликта пережили на территории Чеченской Республики. На разных этапах протекания конфликта существовали разные условия социального выживания.

Проблема состоит в том, что в период развития конфликта истощаются экономические ресурсы региона, материальные возможности семей, наблюдается социальная

дезорганизация, резкое ослабление функциональной роли этических и правовых норм, разрываются социокультурные связи, обесценивается противоборствующими силами жизнь человека. В то же время испытывается недостаток эффективных механизмов урегулирования кризисной ситуации, отсутствие действенных способов оказания неотложной помощи пребывающим в экстремальной обстановке, в зоне военных действий.

В данной статье предпринята попытка осветить некоторые аспекты социального поведения индивидов и групп в кризисной ситуации. Объектом исследования были определены социально-демографические и национальные группы населения, предметом изучения являлись формы и способы выживания в военных и поствоенных условиях возрождения региона. Цель – раскрыть способ выживания через специфику социальной адаптации к экстремальной ситуации и самоорганизации в чрезвычайной военной и поствоенной обстановке. Научная новизна исследования состоит в изучении форм и способов социального выживания, ценностной предопределенности действий, поступков в конфликтной и постконфликтной ситуации.

В основной гипотезе предполагается, что потребность самосохранения и выживания в военной обстановке активизирует проявления солидарности и взаимопомощи среди мирных граждан, но возможны ситуативные конфликты по причине разного восприятия военного события в зависимости от национальной принадлежности и политических взглядов.

Многие исследователи понимают «выживание» (survival) как активную деятельность человека, направленную на сохранение жизни, здоровья и работоспособности в экстремальных условиях. Социальное выживание представляет собой комплекс мероприятий, направленных на жизнеобеспечение, демографической и культурной преемственности, сохранение здоровья и трудоспособности в чрезвычайных

обстоятельствах, самоорганизацию и саморегулируемое поведение в экстремальных местах локализации.

Методология и методы (Methodology and methods). Проблема выживания человека и общностей рассматривалась в работах Э. Дюркгейма, А. Вебера, Р. К. Мертон, Дж. Г. Мида и других классиков социологии. Они видели основной фактор выживания в адаптации к изменяющимся природным и социальным условиям. На взгляд Т. Парсонса человеку помогает выжить в социуме: адаптация, интеграция, поддержка, достижение цели (Парсонс, 1998). Во второй половине XX в. и начале XXI в. стали появляться немало публикаций, касающиеся социального поведения человека и групп во время кризиса, катастроф, стихийных бедствий и вооруженных конфликтов.

Выживание понимают, как сохранение человека в качестве целостного биологического и социального образования в трудных условиях. В этом важное значение имеет «мотивация на самосохранение» (Дружилов, 2012). В данном явлении М. Ш. Магомед-Эминов выделяет два аспекта: самосохранение индивида (биология) и самосохранение личности (этика, самоуважение, честь и т.п.) (Магомед-Эминов, 1998).

Выживание рассматривают как социальную жизнеспособность, продолжение человеческого общества, в котором нормы выступают высшим арбитром, регулятором отношений (Fisk, 2016). В выживании человека значимо ощущение связи с другими, своей целостности, идентичности (Соловьева, 2018). Взаимодействие естественных инстинктов выживания и интернализованных социальных норм исследованы на примере бедствий кораблей «Титаник» (1912) и Лузитании (2015) (Freya, Savage, Torgler, 2010).

В отдельных работах анализируются способы и стратегии выживания в различных изменяющихся условиях (Быстрова, Евдокимова, 1995: 145-146). В ряд изысканиях достижение консенсуса в мировом обществе, мирное решение социальных

конфликтов видят в утверждении глобальной справедливости (Marinković, Lazić, 2019). Итальянские исследователи, изучая последствия Второй мировой войны в стране, пришли к выводу, что выдержать испытание на выживание помогли три фактора: опора на «остатки былого», то есть прежнего жизненного уклада с его ценностями и признание «различных позиций и подходов», готовность постоянно перестраиваться и изменяться (Джузеппе, Джованни, 2013).

Проблема социального выживания заслуживает изучения, конечно, не только в контексте экстремальной обстановки, но и в системе социальных отношений, общественно-политического устройства государства. На выживание, состояние здоровья и смертности оказывают влияние социальные отношения, уровень социальной интеграции (Soares, Facchini, 2021). Всеобщую озабоченность вызывает неравенство в развивающихся и транзитных странах, с одной стороны, растут возможности в сфере потребления и образования, с другой – углубляется неравенство между богатым и остальным населением (Черныш, 2022: 7). Причем межрегиональное неравенство может быть не менее масштабным, чем различия между странами (Тощенко, 2022: 6).

В свою очередь изменение ценностей людей влияет на экономическое развитие, становление демократии и качество жизни граждан в разных странах мира (Локшин, 2020).

В исследовании были применены социокультурный и деятельный подходы, использовались методы социологических исследований. Социокультурный подход позволил учесть взаимосвязь социальных и этических норм, формы самоорганизации в кризисной обстановке, роль ценностей и норм в продуцировании модели и стратегии социального поведения и социального взаимодействия. В этом контексте выявлено влияние религии на поддержание самочувствия и вселение надежды на благополучие, разрешение ситуации. Деятельный подход

предусматривал изучение проявлений активности индивидов и групп, способов жизнеобеспечения, принятия мер самосохранения в ограниченном пространстве военных действий. Информация о социальном выживании черпалась из непосредственного наблюдения за повседневностью, поведением людей в быту, общественных местах и во время военных действий.

Операционализация понятия «социальное выживание» была произведена через выстраивание блока переменных, характеризующих источники выживания, социальное самочувствие, ощущение безопасности, ценностные ориентации.

В 2003 г. проведено социологическое исследование «Интересы, нормы, ценности в условиях регионального конфликта». Объем репрезентативной выборки чеченцев – 1096 человек, русских и других национальностей опрошено по 100 человек, доверительный интервал соответственно – 2,96% и 9,8%. Создание трех самостоятельных выборок и баз данных было обусловлено отсутствием полной информации об изменении этнодемографической структуры во время вооруженного конфликта. Массовый опрос проводился по месту жительства в форме индивидуального интервью. Вопросы об уровне жизни, настроении, безопасности, ценностной ориентации включались и в периодически проводимые мониторинговые социологические опросы в 2009-2022 годы.

Научные результаты и дискуссия (Research Results and Discussion). Социальное выживание характеризуется своей спецификой в разные этапы протекания конфликта. В структуре рассматриваемого конфликта можно выделить период предконфликтной ситуации (1988-1991), развития конфликта (сентябрь 1991-2002), который включает относительно мирную фазу (сентябрь 1991-ноябрь 1994), военную фазу (декабрь 1994-август 1996), мирную фазу (сентябрь 1996-август 1999), военную фазу (сентябрь 1999-2002), постконфликтной ситуации (2003 – 16 апреля 2009). В этот пост-

конфликтный период велись восстановительные работы и одновременно сохранялось партизанское сопротивление вооруженных групп преимущественно в горной местности.

В предконфликтной ситуации наблюдается ожидание позитивных изменений, значительного улучшения благополучия у одной части населения, и неопределенность, боязнь негативных последствий у других. С переходом конфликта в открытую форму внутривосстановительного противостояния и обострения противоречий между федеральным центром и новой региональной властью возникают ограничения в функционировании промышленных предприятий, транспортных организаций. Разрыв производственно-экономических связей, социальная дезорганизация, ослабление общего правопорядка формирует нисходящую тенденцию снижения жизненного уровня населения. Следствием этого процесса явились рост преступности, массовая миграция в другие российские регионы.

К изменившейся социальной обстановке с начала конфликта постепенно происходила адаптация, но к лишениям полностью адаптироваться трудно и скорее проявлялось вынужденное терпение. Чрезвычайными становятся обстоятельства с перерастанием обстановки в экстремальную ситуацию в виде военных действий. В таких условиях гражданское население оказывается «между двух огней», поэтому существует необходимость научить его защищаться и правильно действовать в подобных ситуациях (Черников, Мельник, Меремьянин, 2016: 218).

Население в регионе не было готово к войне, во-первых, не делались продуктовые запасы, никто не верил, что возможно масштабное военное событие. Во-вторых, с жителями не проводились просветительские беседы с привязкой к местности на случай перерастания политической напряженности в вооруженный конфликт. И лишь наличие в тех или иных кварталах рабочих, инженеров, знакомых с азами гражданской

обороны облегчало поиск бомбоубежищ, больших подвалов, емкостей с многолетней устоявшейся водой для пожарной безопасности, которую приходилось кипятить и использовать для питья, приготовления пищи.

Исследование показывает, что социальное выживание нужно рассматривать в органической связи с культурой выживания, когнитивной и организационно-рациональной активностью мирного населения. В канун штурма (31.12.1994) в Грозном находилось не менее 60 тысяч мирных жителей. Во время военных действий в городе происходила точечная локализация домовых и квартальных групп жителей в подвалах и бомбоубежищах. Их отличала в момент артиллерийских атак и бомбовых ударов чрезвычайно высокая плотность. Пребывание в этой ситуации делало жизнь людей крайне примитивной в части соблюдения санитарно-гигиенических, этических норм общежития.

При этом практика общежития складывалась по-разному в разных частях города, в одних случаях люди были рассредоточены в квартирах и домах, а на момент бомбежек собирались вместе в подвальных и иных укрытиях. Прибегали и к другим формам выживания, длительное время жили коллективно в подвальных помещениях, организуясь в «общины», «коммуны». В них совместными усилиями, путем распределения обязанностей обеспечивали жизнестойкость, продумывались вопросы защиты от опасностей, поиска воды, продуктов питания.

Во всех отношениях просчитывались действия «экспедиции» за средствами существования, как правило, такие целевые выходы из укрытия предусматривали отправление не более двух человек разных национальностей, чаще русского и чеченца, с белыми повязками на рукавах. Это могло обезопасить от случайных инцидентов при встрече с представителями федеральных военных подразделений или групп вооруженного сопротивления.

С появлением в 2003 году возможности перемещения по населенным пунктам был проведен массовый опрос по месту жительства. Социологические данные свидетельствуют, все национальные и социальные группы вступили в военную экстремальную ситуацию в состоянии крайней

бедности. За 12 лет (1991-2003) отметили ухудшение материального положения чеченцы – 71%, русские – 57,6%, другие национальности – 34,4%, респондентами были указаны следующие источники доходов (Юсупов, 2012: 81).

Таблица 1

Источники социального выживания (2003, %)

Table 1

Sources of social survival (2003, %)

Источники / Sources	Чеченцы / Chechens	Ранг / rank	Русские / Russians	Ранг / rank
Личные сбережения / Personal savings	17,9	10	0	
Гуманитарная помощь / Humanitarian assistance	20,9	8	15	7
Помощь родственников / Help from relatives	35,8	3	25,1	4
Благотворительность бизнесменов / Charity of businessmen	1,2	13	0	
Работа в организации / Work in an organization	29,4	5	69,9	1
Пособие по безработице / Unemployment benefit	26,7	6	7,6	9
Временные работы по найму / Temporary work for hire	18,9	9	16,7	6
Коммерция, предпринимательство / Commerce, entrepreneurship	7,3	11	2,4	10
Индивидуальный труд / Individual work	21,4	7	37,2	3
Подсобное хозяйство / Subsidiary farm	46,3	1	22	5
Пенсия / Pension	39,8	2	65,6	2
Детское пособие / Child benefit	30,4	4	14,3	8
Другое / Other	4	12	0	

*Допускались 1-3 ответа

У чеченцев средством жизнеобеспечения являлись, прежде всего, подсобное хозяйство, пенсии, помощь родственников и детские пособия, русских – работа в организации, пенсии, индивидуальный труд и помощь родственников. Гуманитарная помощь по значимости у опрошенных русских и чеченцев на 7 и 8 месте. Благотвори-

тельность бизнесменов в качестве источника выживания русские не указали, а среди чеченцев отметили – 1,2%.

Индекс уровня жизни чеченцев составил – 2,49, русских – 2,52, других национальностей – 2,74¹. Самооценки уровня жизни ниже среднего, но несколько завышены, так как свое материальное положение респонденты сравнивали скорее не с

¹ Индекс рассчитан присвоением вариантам ответов баллов по пятибальной шкале.

жизнью в сопредельных территориях и других субъектах РФ, а с недавно пережитым состоянием в регионе.

Следует отметить, что на институциональном уровне оперативно принимались меры восстановления коммунальной инфраструктуры, электролиний, водоснабжения, сразу после освобождения территорий от вооруженных групп сопротивления. Так, в середине февраля, до полного освобождения Грозного, в его северной части был открыт Центр гуманитарной помощи, людям раздавались одежда, продукты питания.

С воссозданием органов муниципального управления и установлением социально-правового порядка начинали функционировать объекты жизнеобеспечения, мелкий бизнес в сфере торговли и быта, выплачивались населению пенсии, детские пособия, а работающим зарплата.

В результате начала военных действий в регионе произошла трансгрессия, из нормальной повседневной жизни люди оказались вдруг, в ночь 31 декабря 1994 года на утро в ненормальной, кажущейся невозможной, опасной для жизни экстремальной военной ситуации. Однако не было впавших в прострацию, но все испытывали шок, мобилирующий на сохранение жизни, принятие мер самозащиты. Темпоральность обстановки состояла во взаимосвязи временно сложившихся обстоятельств и особенностей выстраивания организационных форм и норм устройства жизни в ограниченном локализованном пространстве.

Наблюдения и результаты исследования показывают, физическое выживание в условиях вооруженного конфликта, особенно в зимний период, напрямую связано с наличием продовольствия, воды, тепла, так как в первые же сутки начала военных действий разрушается коммунальная инфраструктура, водопроводные и электрические линии, здания оказываются без стекол.

В принципе правильно утверждение Абрахам Маслоу о том, что человек, который нуждается в пище, безопасности, любви и уважении, скорее всего, будет желать пищи сильнее всего остального (Маслоу, 2008: 61).

Однако в реальности картина военной экстремальной ситуации не столь однозначна, потребность в пище и безопасности как бы чередуется в зависимости от обстоятельств. В условиях Грозненского военного быта попеременно актуализировалась острота потребности, то в пище, то в безопасности. В момент массированных обстрелов пропадает чувство голода, людей одолевает чувство страха, мысли «уцелею», «останусь в жизни».

В 2003 году испытывали опрошенные чеченцы тревогу (64,4%), усталость (53,0%), страх (41,8%), обиду (18,5) унижение (18,3). Русские – тревогу (65,0), усталость (48,0%) страх (33,0%), отчаяние (22,0%)². Эти чувства безысходности и обреченности нейтрализуются проявлением солидарности, которую Э. Фром рассматривает как лучшую гарантию безопасности (Фром, 2011). Экстремальная ситуация составляет фундаментальную угрозу, тревогу и бедствие, но она также представляет испытание воли, стойкости, духовности, мужества, человечности (Магомед-Эминов, 2009: 16).

Таким образом, наряду с материальными ресурсами, самоорганизации исключительно важен социокультурный и эмоционально-психологический компонент. На происходящее событие были разные взгляды у русских и чеченцев, в свою очередь и среди чеченцев. Но в данной обстановке главным признавалось всеми самосохранение через единение и взаимопомощь. По результатам позже проведенного социологического опроса в жизни очень часто и часто проявляется взаимопомощь (74,2%), сотрудничество (59,3%)³. Характерно, что по истечении 9 лет эти показатели не

² Результаты социопроса «Интересы, нормы, ценности в условиях регионального конфликта», 2003.

³ Результаты социопроса «Социокультурные проблемы в период восстановления и развития региона», 2009.

уменьшились, а возросли и составили соот-ветственно 82,9% и 66,7%⁴.

Словом, люди, качество их человеческого капитала, определяют жизненные шансы и характер настоящего и крайне важно иметь в ментальности оптимизм, человеколюбие (Кравченко, 2021:160). Возможность единения и выживания совместными усилиями объясняется и тремя решающими причинами, во-первых, солидарность, интеграция, взаимопомощь универсальные ценности, присущие индивидам и группам, независимо от их национальной, социально-профессиональной принадлежности и вероисповедания, во-вторых, локализующиеся в зоне боевых действий группы людей были старожилками, многие знали друг друга по соседским отношениям или по работе в одних организациях и предприятиях. В-третьих, в региональном пространстве не было межэтнических и межрелигиозных противоречий, протекающий конфликт был не межэтнический, а территориально-политический (национально-политический), в котором не участвовали представители местных русских и других национальностей.

В организационном отношении уместно подчеркнуть, что в локализованных группах запрещалось стихийно определившимися лидерами вслух высказываться пессимистически, пресекались любые проявления панических настроений. Отрицательные эмоции можно было выплескивать, критикуя власть, но сложившийся «формат» предполагал, что русский, возмущаясь Д. Дудаевым, должен называть ответственным за происходящее и Б. Ельцина. И наоборот, чеченец, критикуя Б. Ельцина называл в качестве виновного и Д. Дудаева. Нарушение в этом баланса могло внести в «общину» дискомфорт, нервозность, дезорганизацию.

В исследовании выяснялась роль религии в выживании в экстремальной военной ситуации. По итогам опроса 2003 года верующий и соблюдаю религиозные обряды отметили опрошенные чеченцы – 87,0%, русские – 21,0%, верую, но не соблюдаю религиозные обряды соответственно – 11,9% и 61,0%. В беседах некоторые русские говорили, что в жизни были неверующими, коммунистами, но в военной обстановке неоткуда было ждать помощи, полагались на Бога. Религиозная обращенность к высшей силе выражала ожидание благополучного исхода военного события. В роли аттрактора выступали такие ценности, как надежда и мысли о будущем для чеченцев соответственно 78,9% и 67,2%, русских – 51,0% и 54,0%⁵.

Бытует мнение, что в регионе вооруженного конфликта не ценят жизни, она обесценивается. Это можно отнести с некоторым допуском к противоборствующим силам. Среди населения, напротив, возрастает осознание жизни как высшей ценности и всей бессмысленности разрешения проблем устройства общества ценою разрушений и огромными человеческими потерями. Данные опроса свидетельствуют, что после пережитого в иерархии ценностей ядро образуют ценности: жизнь, жертвенность, семья, традиции⁶.

В исследовании выяснялась устойчивость памяти о военном событии. Так, о войне говорили в семьях, чеченцы и русские постоянно и часто соответственно 73,0% и 57,0%, иногда 23,0% и 38%. Несмотря на то, что в 2003 г. не было масштабных военных действий, а лишь возникали локальные вооруженные столкновения, правда, проводились «зачистки» с задержанием молодых людей, война и безопасность присутствовали в сознании респондентов как вызывающие наибольшее беспокой-

⁴ Результаты социологического опроса «Социокультурные ценности в контексте социальных изменений в регионе», 2018.

⁵ Результаты соцопроса «Интересы, нормы, ценности в условиях регионального конфликта». 2003.

⁶ Результаты социологического опроса «Социокультурные проблемы в период восстановления и развития региона», 2009.

ство. Это фиксировалось также при социологическом опросе в 2009. Что позволяет сделать вывод о том, что перенесенные угрозы жизни по инерции могут сохраняться в сознании людей длительное время и после прекращения подобных угроз опасностей, посттравматические стрессы постепенно трансформируются в культурные травмы.

В этом смысле справедливо утверждение о том, что социальная и культурная травма возникает на теле общества как совокупный результат событий и процессов, грубо и деструктивным образом вторгающихся в жизненно важные для его здорового функционирования сферы (Волков, 2022:17). В чеченском сознании наблюдается не замена, а оттеснение на второй план старых травм свежей травмой, ранее называлась депортация как оказавшая сильное отрицательное влияние на развитие народа, теперь, чаще молодежь, называет прошедшие в регионе две войны.

Во время военных действий люди почти не болели, произошла внутренняя мобилизация на биопсихологическом уровне, но после, как и предсказывали врачи, произошел всплеск различных, заболеваний, особенно нервно-психического характера. С военными последствиями не все справлялись психологически и это стало проявляться в ходе восстановления мирной жизни. Мобилизованные в экстремальных обстоятельствах организмы людей расслабляясь обнаруживали недуги, обострялись хронические, происходит вспышка заболеваний инсульта, сердечно-сосудистых. Так, в группе больных инсультом, с артериальной гипертонией по сравнению с группой здоровых лиц чаще встречались респонденты, у которых во время войны погибли, умерли, тяжело заболели родственники (Юсупова, 2015:78).

Другим следствием войны является длительность восстановления экономики и

обеспечения социально-трудовой занятости. В канун и во время военных действий в состоянии выживания находилось totalmente все население. С наступлением мирного строительства, восстановление объектов жизнеобеспечения и социально-экономической сферы, обеспечение трудовой занятости многих, приводит к заметному улучшению благополучия жителей, но не менее трети и в настоящее время социально выживают.

Прожиточный минимум в 2018 году в расчете на душу населения составлял в стране 10 328 руб., в ЧР – 10197 рублей, а по результатам социологического опроса этого же года ежемесячные доходы из всех источников на 1 человека были 1000-5000 руб. у 40,7% респондентов. Причем отметили, что денег не хватает на повседневные затраты – 13,2% (очень бедные), на повседневные затраты уходит вся зарплата – 27,4% (бедные)⁷.

Заключение (Conclusions). Социальное выживание индивидов и групп в регионе конфликта характеризуется особенностями протекания его в разные фазы и стадии. В предконфликтный и предвоенный период происходит изменение социально-экономических условий, рост миграции, адаптация части населения к новым реалиям, привыкание к конфронтационной и враждебной идеологической риторике. В военной обстановке (1994-1996, 1999-2002) складывается территориальная дезорганизация, перестают существовать социальные и административные институты управления, в социально-региональном и городском пространстве образуется хаотическое состояние. Однако, как показывает исследование, и в этих условиях необходимы в местах локализации групп населения самоорганизация, структурирование и определение функциональной роли членов группы, установление и следование нормам социального поведения адекватно экстре-

⁷ Результаты соцопроса «Социокультурные ценности в контексте социальных изменений в регионе», 2018.

мальным обстоятельствам. Первоочередным фактором выживания выступает потребность в продуктах питания и безопасности от внешних угроз разрушений и человеческих потерь. Причем актуальность в пище и безопасности может чередоваться в зависимости от хода военного события. Гипотеза о том, что солидарность и взаимопомощь являются средством выживания в зоне военных действий, подтвердилась, но ошибочным оказалось предположение о возможности ситуативных конфликтов в подвалах и бомбоубежищах из-за разных политических взглядов и ориентаций, неодинакового восприятия вооруженного конфликта. Такие вербальные проявления не допускались самостоятельными организаторами групп выживания.

В ограниченном и локализованном пространстве под перекрестным огнем верующие и неверующие обращались с мольбой к Всевышнему и это вселяло в них надежду на самосохранение и продолжение жизни.

В коллективном и индивидуальном выживании вначале прослеживается преимущественно эмоционально-психологическая реакция на происходящее вокруг, в дальнейшем люди начинают придерживаться чаще когнитивного и рационально-прагматического подхода к ситуации. Со временем многие оказываются, включая женщин и детей, информированными о разрушительных свойствах различных снарядов, мерах предосторожности в местах локаций.

Послевоенное мирное строительство, восстановление социокультурных объектов, развитие коммунальной и транспортной инфраструктуры укрепляет жизнестойкость региональной общности, стимулирует мотивацию на труд и учебу, предпринимательскую активность. В совокупности это служит наряду со специальными мероприятиями здравоохранения важным фактором социально-психологической и медицинской реабилитации населения. В перспективе целесообразно социологически

отслеживать процесс социального выживания, сокращения категорий бедных, социальной, культурной, гражданской и политической идентификации, особенно молодежи, корреляции миграционных намерений с материальным положением и состоянием правопорядка.

Список литературы

Быстрова А., Евдокимова Е., Игнатова С., Серебренникова А., Еремичева Г., Соловьева Н., Травин И. Стратегия выживания населения в изменяющихся условиях // Мир России. 1995. № 2. С.143-176.

Волков Ю. Г. Общество травмы: поиск пути исцеления (приглашение к дискуссии) // Социологические исследования. 2020. № 9. С.16-27.

Де Рита Д., Рома Дж. Итальянцы в условиях кризиса: испытание на выживание // Уровень жизни населения регионов России. 2013. № 10. С.25-28.

Дружилов С. А. Психология выживания личности // Успехи современного естествознания. 2012. № 11-2. С. 54-57.

Кравченко С. А. Интегральное изучение общества: диагностика, лечение, парадигма будущего// Социологические исследования. 2021. № 5. С.157-161.

Магарил С. А. Социальное качество как ресурс выживания государственности // Мир России. 2011. № 3. С.43-66.

Магомед-Эминов М. Ш. Определение экстремальной ситуации // Российский психологический журнал. 2009. Т. 6, № 1. С.13-24.

Магомед-Эминов М. Ш. Трансформация личности. М.: Психоаналитическая Ассоциация, 1998. 496 с.

Маслоу А. Мотивация и личность. 3-е изд. / Пер.с англ. СПб.: Питер, 2008. 352с.

Парсонс Т. Система современных обществ. М., 1998. 270 с.

Соловьева С. Л. Идентичность как ресурс выживания // Медицинская психология в России. 2018. Т. 10, № 1. С. 5. DOI:10.24411/2219-8245-2018-11050.

Тощенко Ж. Т. Социальные проблемы жизненного мира россиян в современном обществе // Научный результат. Социология и управление. 2022. Т. 8, № 4. С. 5-8. DOI: 10.18413/2408-9338-2022-8-4-0-1.

Локшин И. Карта культурных ценностей Рональда Инглхарта. 2020. URL: <https://postnauka.ru/wtf/154916> (дата обращения 02.02.2023).

Фромм Э. Здоровое общество. М.: «Издательство АСТ», 2011. 482 с.

Черников Д. Н., Мельник К. А., Меремьянин А. В. Особенности выживания мирного населения в угрожающих ситуациях (зоне вооруженного конфликта) // Международный научный журнал «Символ науки». 2016. № 2. С. 218-219.

Черныш М. Ф. Социальные сети и неравенство // Научный результат. Социология и управление. 2022. Т. 8, № 2. С. 4-15. DOI: 10.18413/2408-9338-2022-8-2-0-1.

Юсупов М. М. Социально-ценностный аспект постконфликтной реконструкции региона // Теория и практика общественного развития. 2012. № 2. С.80-84.

Юсупова М. Социальные факторы риска инсульта (по материалам Чеченской Республики) [монография]. М.: АНО Изд. дом «Научного обозрения», 2015. 188 с.

Freya B. S., Savage D. A., Torgler B. Interaction of natural survival instincts and internalized social norms exploring the Titanic and Lusitania disasters. 1 March 2010. Proceedings of the National Academy of Sciences 107(11):4862-5. DOI: 10.1073/pnas.0911303107/www.pnas.org/cgi/doi/10.1073/pnas.0911303107 (дата обращения 27.01.2023).

Marinković S, Lazić D, Tomić I. and Bolyanović J. The Biological and Social Survival of Humankind. A Review. Austin Anthropol. 2019. № 3(1), P. 1005. URL: <https://www.researchgate.net/publication/366622458> (дата обращения 28.01.2023).

Milton F. Ethics and Social Survival // Routledge. 2016. 236 p. ISBN 9781138646551. URL: <https://ndpr.nd.edu/reviews/ethics-and-social-survival/> (дата обращения 27.01.2023).

Soares M. U., Facchini L. A., Nedell F. B., Wachs L. S., Kessler M., Thumé E. Social relationships and survival in the older adult cohort // Rev. Latino-Am. Enfermagem 29. 2021. URL: <https://doi.org/10.1590/1518-8345.3844.3395> (дата обращения: 27.01.2023).

References

Bystrova, A., Evdokimova, E., Ignatova, S., Serebrennikova, A., Eremicheva, G., Solovieva, N., Travin, I. (1995), "Strategy of survival of the population in changing conditions", *Universe of Russia*, (2), 143-176. (In Russian)

Volkov, Yu. G. (2020), "Trauma Society: Finding a Path to Healing (Invitation to Discussion)", *Sociological Research*, (9), 16-27. (In Russian)

De Rita, G., Roma, G. (2013), "Italians in a Crisis: A Test of Survival", *Living Standards of the Population of Russian Regions*, (10), 25-28. (In Russian)

Druzhilov, S. A. (2012), "Psychology of personality survival", *Successes of modern natural science*, (11-2), 54-57. (In Russian)

Kravchenko, S. A. (2021), "Integral study of society: diagnostics, treatment, paradigm of the future", *Sociological researches*, (5), 157-161. (In Russian)

Magaril, S. A. (2011), "Social quality as a resource for the survival of statehood", *World of Russia*, (3), 43-66. (In Russian)

Magomed-Eminov, M. Sh. (2009), "Definition of an extreme situation", *Russian Psychological Journal*, 6 (1), 13-24. (In Russian)

Magomed-Eminov, M. Sh. (1998), *Transformatsiya lichnosti* [Personality transformation], Psychoanalytic Association, Moscow, Russia. (In Russian)

Maslow, A. (2008), *Motivatsiya i lichnost'* [Motivation and Personality], 3-rd ed. Transl. from English, Piter, St. Petersburg, Russia. (In Russian)

Parsons, T. (1998), *Sistema sovremennykh obshchestv* [The system of modern societies], Moscow, Russia. (In Russian)

Solovieva, S. L. (2018), "Identity as a resource for survival", *Medical psychology in Russia*, 10 (1), 5. DOI: 10.24411/2219-8245-2018-11050. (In Russian)

Toshchenko, Zh. T. (2022), "Social problems of the life world of Russians in modern society", *Research Result. Sociology and Management*, 8 (4), 5-8. DOI: 10.18413/2408-9338-2022-8-4-0-1. (In Russian)

Lokshin, I. (2020), *Karta kul'turnykh tsennostey Ronal'da Inglekharta* [Map of Cultural Values by Ronald Inglehart], [Online], available at: <https://postnauka.ru/wtf/154916> (Accessed 2 February 2023). (In Russian)

Fromm, E. (2011), *Zdorovoye obshchestvo* [Healthy society], "AST Publishing House", Moscow, Russia. (In Russian)

Chernikov, D. N., Melnik, K. A., Meremyanin, A. V. (2016), "Features of the survival of the civilian population in threatening situations (zone of armed conflict)", *International scientific journal "Symbol of Science"*, (2), 218-219. (In Russian)

Chernysh, M. F. (2022), "Social networks and inequality", *Research Result. Sociology and Management*, 8(2), 4-15. DOI: 10.18413/2408-9338-2022-8-2-0-1. (In Russian)

Yusupov, M. M. (2012), "Social and value aspect of the post-conflict reconstruction of the region", *Theory and practice of social development*, (2), 80-84. (In Russian)

Yusupova, M. (2015), *Sotsial'nyye faktory riska insulta (po materialam Chechenskoj Respubliki)* [Social risk factors for stroke (based on the materials of the Chechen Republic)], monograph, ANO Ed. House of "Scientific Review", Moscow, Russia. (In Russian)

Freya, B. S., Savage, D. A., Torgler, B. (2010), Interaction of natural survival instincts and internalized social norms exploring the Titanic and Lusitania disasters. *Proceedings of the National Academy of Sciences*, 107 (11): 4862-5, DOI: 10.1073/pnas.0911303107.

Marinković, S, Lazić, D, Tomić, I. and Bolyanović, J. (2019), The Biological and Social Survival of Humankind. A Review. *Austin Anthropol*, 3 (1): 1005, [Online], available at: <https://www.researchgate.net/publication/366622458> (Accessed 28 January 2023).

Milton, Fisk, (2016), *Ethics and Social Survival*, Routledge, [Online], available at: <https://ndpr.nd.edu/reviews/ethics-and-social-survival/> (Accessed 27 January 2023).

Soares, M. U., Facchini, L. A., Nedell, F. B., Wachs, L. S., Kessler, M., Thumé, E. (2021), Social relationships and survival in the older adult cohort, *Rev, Latino-Am, Enfermagem* [Online], DOI: 10.1590/1518-8345.3844.3395.

*Статья поступила в редакцию 01 июня 2023 г.
Поступила после доработки 20 августа 2023 г.
Принята к печати 15 сентября 2023 г.
Received 01 June 2023. Revised 20 August 2023.
Accepted 15 September 2023.*

**Конфликты интересов: у автора нет конфликта интересов для декларации.
Conflicts of Interest: the author has no conflicts of interest to declare.**

Юсупов Муса Мовлиевич, кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры теории и технологии социальной работы Чеченского государственного университета им.А.А.Кадырова, Грозный, Россия.

Musa M. Yusupov, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Department of Theory and Technology of Social Work, A.A. Kadyrov Chechen State University, Grozny, Russia.

УДК 316.473

DOI: 10.18413/2408-9338-2023-9-3-0-3

Набиулин И. Р.

**Особенности адаптации иностранных студентов
мусульманского вероисповедания в республике Татарстан**

Государственное научное бюджетное учреждение
Академия наук Республики Татарстан,
улица Баумана, дом 20, Казань, 420111, Россия
Islamnab@mail.ru

Аннотация. Адаптация иностранных студентов (в т.ч. мусульманского вероисповедания) и их обучение в Татарстане неразрывно связаны между собой. Стоит учитывать, что, как правило, большинство студентов в группах, где обучаются иностранные студенты, являются гражданами России. Их взаимодействие в ходе учебы и вне ее рамок, является одним из важнейших критериев успешности адаптации. В ходе обучения иностранцы знакомятся с местными обычаями, нормами, ценностями и готовность их одноклассников (или иных студентов) принять их в свой коллектив, является неотъемлемой частью усвоения местной культуры. Ключевой составляющей успешного обучения иностранных студентов является их эмоционально-психологическое состояние, которое формируется под воздействием различных факторов: удовлетворенность жилищными условиями, взаимодействие с одноклассниками, преподавателями и местным населением, возможность удовлетворять свои религиозные потребности и т.д. Все это является одновременно и важным фактором адаптации студентов. Проживая в Татарстане, иностранные студенты сталкиваются с различными проблемами в ходе адаптации. Это и проблема с владением русским языком, и трудности в понимании российской культуры (что особенно актуально для студентов, приехавших не из стран постсоветского пространства). Кроме того, трудности могут возникнуть из-за негативного отношения принимающей стороны (т.е. местного населения). Все это, а также ряд других факторов, влияет на успех адаптации иностранных студентов. К чему же может привести провал адаптации? Вариативность здесь значительная: они могут пополнить ряды различных деструктивных групп (начиная от криминальных и заканчивая религиозными экстремистами), другой вариант стратегии – отторжение и ограничение связей только с представителями своей общины. Не найдя себе место в принимающей общине, они могут, покинув пределы Татарстана и вернувшись к себе на родину, оказать влияние на формирование негативного образа Татарстана и России, что имеет далеко идущие негативные последствия как региона, так и для страны в целом. Наоборот, успешная адаптация и коммуникативная открытость будет способствовать формированию положительного образа Татарстана и России за рубежом. В ходе исследования использовался массовый анкетный опрос. Опрос проводился в 4 крупнейших по количеству иностранных студентов вузах: К(П)ФУ (Казанский (Приволжский) федеральный университет), КНИТУ-КАИ (Казанский национальный исследовательский технический университет имени А. Н. Туполева), КНИТУ-КХТИ (Казанский национальный исследовательский

технологический университет) и КГМУ (Казанский государственный медицинский университет). Было опрошено 843 студента из ряда стран: Туркменистан, Узбекистан, Таджикистан, Казахстан, Киргизия, Азербайджан, Турция, Иран, а также из арабских стран (Египет, Сирия, Алжир и т.д.). Результаты исследования показали, что после переезда в Татарстан, религиозная жизнь респондентов незначительно претерпела изменения. Изменилась частота посещений религиозных учреждений, активность проведения религиозных обрядов (в т.ч. чтение намаза). В целом студенты удовлетворены мусульманской инфраструктурой и отношением к ним в регионе, однако, отдельные группы принимающего сообщества вызывают меньшее доверие у опрошенных. При этом, большинство респондентов не сталкивались с проблемой притеснений в сфере религии в Татарстане, и с доверием относятся к религиозным институтам и священнослужителям.

Ключевые слова: студент; адаптация; ислам; мусульманин; мечеть; намаз; халляль; религия

Информация для цитирования: Набиулин И. Р. Особенности адаптации иностранных студентов мусульманского вероисповедания в республике Татарстан // Научный результат. Социология и управление. 2023. Т. 9, № 3. С. 21-36. DOI: 10.18413/2408-9338-2023-9-3-0-3.

Research article

Islam R. Nabiulin

Peculiarities of adaptation of foreign students of the muslim faith in the Republic of Tatarstan

State scientific budgetary institution
Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan
bld. 20, Bauman st., Kazan, 420111, Russia
Islamnab@mail.ru

Abstract. The adaptation of foreign students (including those of Muslim faith) and their studies in Tatarstan are inextricably linked. It should be borne in mind that, as a rule, the majority of students in groups where foreign students study are citizens of Russia. Their interaction during study and outside of it is one of the most important criteria for successful adaptation. During their studies, foreigners get acquainted with local customs, norms, values and the willingness of their classmates (or other students) to accept them into their team is an integral part of mastering local culture. The key component of successful training of foreign students is their emotional and psychological state, which is formed under the influence of various factors: satisfaction with housing conditions, interaction with classmates, teachers and the local population, the ability to satisfy their religious needs, etc. All this is at the same time an important factor in the adaptation of students. While living in Tatarstan, foreign students face various problems in the course of adaptation. This is both a problem with the command of the Russian language, and difficulties in understanding Russian culture (which is especially important for students who came not from the post-Soviet countries). In addition, difficulties may arise due to the negative attitude of the host party (i.e. the local population). All this, as well as a number of other factors, affect the success of the adaptation of foreign students. What can the failure of adaptation lead to? The variability here is significant: they can join the ranks of various destructive groups (ranging from criminal to religious extremists), another strategy option is to reject and

limit ties only with representatives of their community. Having failed to find a place in the host society, they can, after leaving Tatarstan and returning to their homeland, influence the formation of a negative image of Tatarstan and Russia, which has far-reaching negative consequences both for the region and for the country as a whole. On the contrary, successful adaptation and communicative openness will contribute to the formation of a positive image of Tatarstan and Russia abroad. The study used a mass questionnaire survey. The survey was conducted in 4 largest universities by the number of foreign students: K (P) FU (Kazan (Volga Region) Federal University), KNITU-KAI (Kazan National Research Technical University named after A. N. Tupolev), KNITU-KHTI (Kazan National Research Technological University) and KSMU (Kazan State Medical University). 843 students from various countries were interviewed: Turkmenistan, Uzbekistan, Tajikistan, Kazakhstan, Kyrgyzstan, Azerbaijan, Turkey, Iran, as well as from Arab countries (Egypt, Syria, Algeria, etc.). The results of the study showed that after moving to Tatarstan, the religious life of the respondents slightly changed. The frequency of visits to religious institutions, the activity of conducting religious rites (including the reading of prayer) has changed. In general, students are satisfied with the muslim infrastructure and the attitude towards them in the region, however, some groups of the host community cause less trust among the respondents. At the same time, the majority of respondents have not faced the problem of harassment in the sphere of religion in Tatarstan, and they have confidence in religious institutions and clergy.

Keywords: student; adaptation; islam; muslim; mosque; namaz; halal; religion

Information for citation: Nabiulin, I. R. (2023), "Peculiarities of adaptation of foreign students of the muslim faith in the Republic of Tatarstan", *Research Result. Sociology and management*, 9 (3), 21-36, DOI: 10.18413/2408-9338-2023-9-3-0-3.

Введение (Introduction). В современном российском обществе мигранты влияют на различные аспекты жизни общества. Татарстан является привлекательным регионом для иностранных студентов из многих стран. В первую очередь это актуально для иностранных студентов, приехавших из стран, где самой распространенной религией является ислам. Согласно статистическим данным за 2020 года, наибольшее количество иностранных студентов прибыло из стран с преимущественно мусульманским населением: Туркмения, Узбекистан, Казахстан, Таджикистан, Египет, Киргизия, Алжир, Ирак.

Стоит отметить, что обучение иностранных студентов в немалой степени зависит от успешной адаптации. Получая качественные знания, удовлетворение от учебы и проживания в Татарстане, они в определенной степени осваивают культуру

и ценности местного населения, что способствует созданию привлекательного образа Татарстана как места, где можно получить хорошее образование и где комфортно жить. Пренебрежение этим повлечёт обратный эффект, создав негативный образ республики. Все это является важной составляющей образовательного процесса.

Методология и методы (Methodology and methods). Американский социолог Дж. Берри во второй половине XX века разработал широко известную концепцию «стресса аккультурации», согласно которой социокультурная адаптация тесно связана с выбором и следованием индивидом той или иной стратегии аккультурации. Автор выделил четыре основных стратегии аккультурации: ассимиляция, сепарация, маргинализация и интеграция (Берри, 1997: 5-56).

По мнению В. И. Мукомеля, уровень образования позитивно влияет на процесс

интеграции: чем более образован респондент, тем ему проще влиться в местный социум (Мукомель, 2018: 238-243). Зачастую, студенты, пребывающие из Среднеазиатских стран, выросли в достаточно образованных семьях с высокими доходами.

Согласно точке зрения А. В. Дмитриева, во внешней миграции значительную роль играют теневые структуры. Так же рассматривает непосредственное воздействия миграции на социальные отношения в РФ и делит на два уровня и выделяет следующие тенденции: рост анти-иммигрантских настроений в принимающем обществе и в иммигрантской среде развиваются две тенденции: одна – это фундаментализм, сопровождающийся отчуждением, другая, более цивилизованная, – это мобилизация «внутри» во имя достижения равноправия и признания самобытности культуры группы (Дмитриев, 2011).

Процесс адаптации американский социолог Э. Тоффлер изучал в своей ключевой научной работе – «Шок будущего» (Тоффлер, 2002). Исследователь рассматривает адаптацию как основной механизм, который запускает все другие процессы, она является неким переходным этапом между влиянием среды и ответной реакцией индивида.

Новый этап в изучении процесса адаптации ознаменовал появление теории культурного шока, автором которой является американский антрополог К. Оберг (Оберг, 2015). С вхождением данной концепции в научную среду исследования адаптации в новой социокультурной среде стали более практико-направленными и стремились не просто описать процесс адаптации, но и эмпирически, с помощью различных методик выявить степень/уровень адаптированности тех или иных индивидов. В последствии были разработаны другие теории адаптации, которые отталкиваются от теории культурного шока.

Так, американским социологом Триандисом была разработана U-образная

адаптационная кривая, в которой он выделил пять ступеней, проходящих мигрантов в процессе адаптации в новой среде (Триандис, 2015).

По мнению Н. А. Полихиной и И. Б. Тростянской, увеличение количества иностранных студентов в российских вузах, с одной стороны, свидетельствует о росте привлекательности российского высшего образования на мировой арене, с другой – требует более серьезной работы по их адаптации. Российские университеты справляются с данной работой на достаточно высоком уровне (Полихина, Тростянская, 2020: 149-156). Об этом свидетельствует эффективное взаимодействие вузов на стадии привлечения и поступления иностранных граждан, и высокая удовлетворенность обучением в российском вузе, и созданные достаточно благоприятные бытовые условия, и желание значительной части иностранных студентов в дальнейшем трудоустроиться на территории Российской Федерации.

При этом, в процессе адаптации иностранных студентов И. О. Кривцова отмечает противоречие между необходимостью быстрого вхождения в новое для каждого студента-иностранца образовательное пространство высшей школы и неразработанностью системы психолого-педагогической поддержки студентов на начальных этапах их профессиональной социализации и социокультурной адаптации (Кривцова, 2011: 284-288). Большинство исследователей называют следующие черты иностранного студента в этот сложный период: крайняя информационная перегруженность, эмоциональная перенасыщенность, низкая адаптированность на бытовом уровне, потеря привычных социальных ориентиров (Шевелев, Кабанова, Михальченко, 2012: 134-138).

Одной из существенных причин, влияющих на выбор Татарстана, является этноконфессиональная специфика Татарстана.

По данным Всероссийской переписи населения 2010 года, татары составляют 53,15% от всего населения Татарстана¹.

Г. Ф. Габдрахманова, Э. А. Сагдиева, Н. И. Оморова в своих исследованиях выявили, что одними из основных причин выбора студентами из Средней Азии является этноконфессиональная специфика Татарстана (Габдрахманова, Сагдиева, Оморова, 2014: 62-76). В работе были приведены следующие цитаты, которые ярко отображают этот выбор: «...татары, туркмены народ почти... можно сказать одинаковые. У них корни одинаковые, все они тюркоязычные» (студент из Туркменистана, 21 год, КНИТУ, 4 курс). «Татарский язык – он похож же с кыргызским» (студент из Кыргызстана, 21 год, КФУ, 4 курс). «Почему именно Казань? Потому что население – татары, мусульмане. И я выбрал это» (студент из Кыргызстана, 20 лет, КГЭУ, 4 курс). «...у нас тоже татары жили ... они вот так рекомендовали – здесь лучше ... потому что ... больше мусульман» (студент из Туркменистана, 19 лет, КГМУ, 2 курс).

Среди российских и, в частности, татарстанских социологов так же уделяется внимание миграции. Так, Л. Р. Низамовой был проведен социологический опрос населения Республики Татарстан, возраст респондентов составляет 18 лет и старше (Низамова, 2015: 69-98). Выборка 1590 респондентов, ошибка выборки 3,3%. Для анкеты были использованы вопросы, являющиеся модификацией подхода Богардуса. Отношение местного населения к мигрантам можно свести к уровню готовности принятия: близкий круг (готовность принять в качестве близких родственников), средний круг (готовность принять в качестве друзей, соседей и коллег), дальний круг (готовность принять в качестве жителей одного города/региона/государства). Наименее привлекательным вариантом для населения является принятия в близкий круг, что в принципе соответствует общепринятому

мнению, что касается среднего и дальнего, то разница между ними не существенная, однако некоторый перевес идет в сторону более негативного принятия среднего круга и более положительный дальнего, что идет в разрез с общепринятым. Отношение к мигрантам так же варьируется в зависимости от размера населенного пункта. Казанцы более негативно относятся к мигрантам, представители сельских районов менее негативно и остальные города наиболее терпимо. Так же было отмечено, что более лояльно к мигрантам относятся те, кто имеет опыт взаимодействия с мигрантами, в противовес тем, кто не взаимодействует с ними.

Также, Л. Р. Низамовой были проанализированы 12 общественно-политических изданий. Было выявлено, что в данных изданиях образ мигрантов чаще негативный и имеющий следующие марки: нелегал, преступник, экстремист, дешевая рабочая сила и т.д. В статьях, затрагивающих мигрантов, часто звучат такие высказывания как: пресечение нарушений, проведение проверок, рейдов и операций, зачистка, административный протокол, штрафование, дактилоскопирование, проверка по базам данных розыска, привлечение к ответственности, амнистия, выдворение/депортация и т.д. Стоит отметить, что к разным группам мигрантов разное отношение, к примеру, к студентам более лояльное отношение.

Для выявления особенностей адаптации иностранных студентов мусульманского вероисповедания был использован метод массового анкетного опроса. Статистических данных о вероисповедании студентов нет, в связи с чем весьма затруднительно выбрать студентов для опроса. Было решено провести опрос среди студентов, прибывших из стран, где наиболее распространенной религией является ислам. В рамках анкетирования было опрошено 843 респондента. Ввиду малочисленности и не-

¹ Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года в отношении демографических и социально-

экономических характеристик отдельных национальностей.

возможности сформировать репрезентативные группы по национальной принадлежности студентов, прибывающих из стран, где большинство населения составляют арабы, все они были объединены в одну группу. При этом, несмотря на первоначально заданную цель проведения опроса среди мусульман, было решено, что если в целевой группе (иностранные студенты, приехавшие из «мусульманских» стран) окажутся представители иных вероисповеданий/атеисты, то подобные студенты допускаются к опросу, и их можно анализировать в рамках сравнительного анализа с мусульманами.

Опрос был проведен среди студентов 4 высших учебных учреждений (КФУ, КНИТУ-КАИ, КНИТУ-КХТИ, КГМУ), где обучается большая часть студентов целевой группы.

Научные результаты и дискуссия (Research Results and Discussion). Частью адаптационного процесса иностранных студентов, приехавших из среднеазиатских и арабских стран, является религия. При этом важно понять, насколько велика роль религии в жизни респондентов, когда они осознали себя верующими, где молятся, насколько часто посещают религиозные учреждения, соблюдают ли каноны собственной религии. Немаловажной целью является определить удовлетворенность инфраструктурой для мусульман и доверие к местным прихожанам и священнослужителям.

Стоит отметить, что мы изначально решили провести опрос среди студентов из ряда стран без привязки к этничности и религии по причине отсутствия сведений о национальной и религиозной принадлежности прибывающих иностранных студентов.

В опросе приняли участие представители разных религиозных конфессий и атеисты.

Если рассматривать распределение респондентов по половому признаку, то более половины всех опрошенных (57,2%) мужского пола, а 42,8% женского. В целом это соответствует различным исследованиям, в соответствии с которыми, большинство пребывающих мигрантов – представители мужского пола. Однако, ситуация со студентами несколько иная, т.к. мужчины не составляют значительного большинства, и доля женщин весьма значительна.

Большинство респондентов – это молодые люди до 25 лет. Больше всего в опросе приняли участие студенты 20 лет (18,8%). Студенты восемнадцати, девятнадцати, двадцати одного, двадцати двух, двадцати трех и двадцати четырех лет составляют более 5% (каждая группа). Студентов иных возрастов существенно меньше (считанные проценты или доли процентов).

Более четверти от всех респондентов (27,5%), принявших участие в опросе – туркмены. Высока доля арабов (16,2%) и узбеков (13%) (Рисунок 1). Иные группы студентов представлены в меньшей степени: русские (8,9%), татары (8,4%), таджики (7,7%), казахи (6%), киргизы (1,2%). Доля остальных от генеральной совокупности не превышает 1%. Стоит отметить, что, несмотря на тот факт, что рассматриваются страны, где титульными нациями не являются русские и татары, доля последних весьма значительная, что отображает демографическую ситуацию в Средней Азии, где немалую часть населения составляют русские и татары.

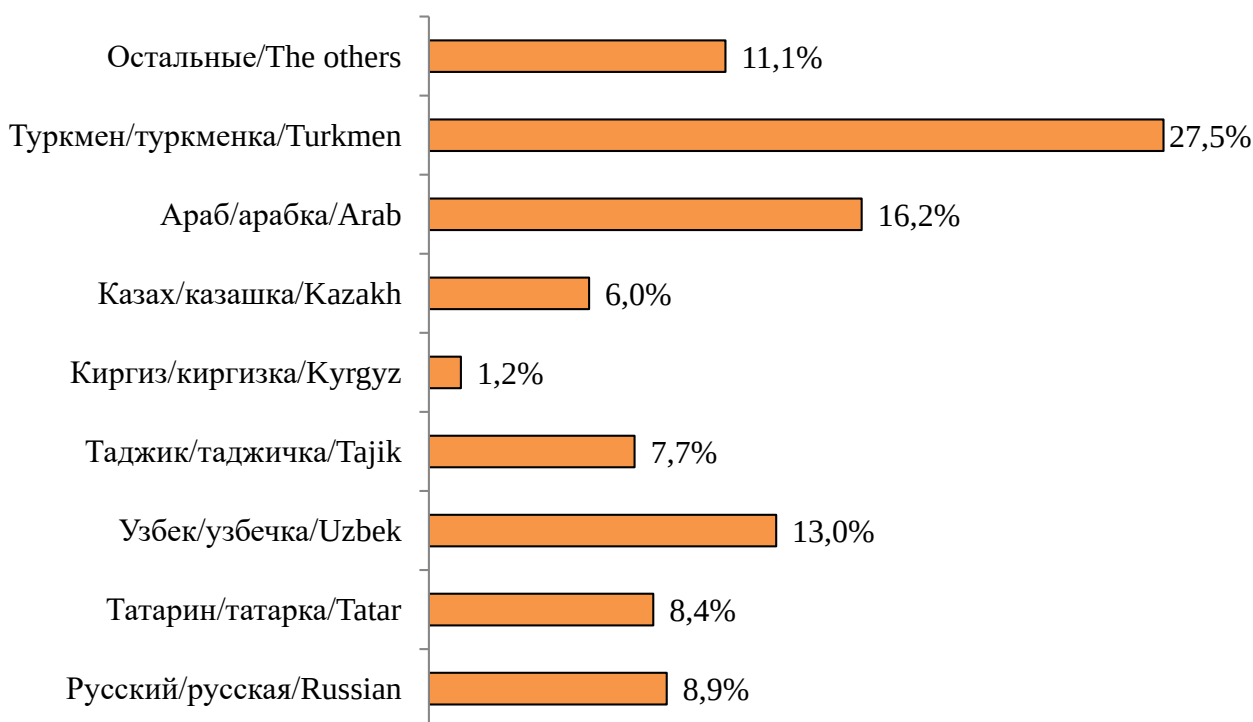

Рисунок 1. Национальность
Figure 1. Nationality

Почти две трети от опрошенных считают себя мусульманами-суннитами (65,8%), представители остальных религиозных направлений представлены в меньшей степени: мусульмане-шииты (4,4%), христиане-православные (6,8%), христиане-католики (1,6%), христиане-протестанты (0,5%). Немалая часть респондентов считает себя атеистами (15,2%).

Следующий блок вопросов касался только студентов, относящих себя к тем или иным конфессиям. Почти половина студентов (44,8%) помнят себя мусульманами всю свою жизнь (Рисунок 2). Примерно равное соотношение тех, кто осознал себя верующим в детстве (до 10 лет) и в подростковом возрасте (10-18 лет): 15,1% и 16,3% соответственно. Лишь незначительная часть респондентов (4,5%) осознали себя верующими будучи взрослыми. Почти пятая часть от опрошенных (19,2%) затруднилась дать ответ.

Проживая у себя на родине, многие студенты совершали молитвы. При этом кто-то выполнял данные религиозные действия дома, а кто-то в религиозных учреждениях. Более половины от опрошенных (60%) молились дома и чуть менее трети (31,3%) в мечетях/церквях/ и т.д. При этом, чуть меньшей десятой части респондентов (8,7%) не молилась вовсе.

Приехав в Татарстан, ситуация несколько изменилась. Почти столько же респондентов продолжает молиться дома (62,5%), однако, существенно реже студенты начали совершать молитвы дома (20,8%) (Рисунок 3). Доля тех, кто не выполняет указанные религиозные действия, увеличилась до 16,8%. Можно сделать вывод, что, приехав в Татарстан, опрошенные реже молятся, в особенности в религиозных учреждениях.

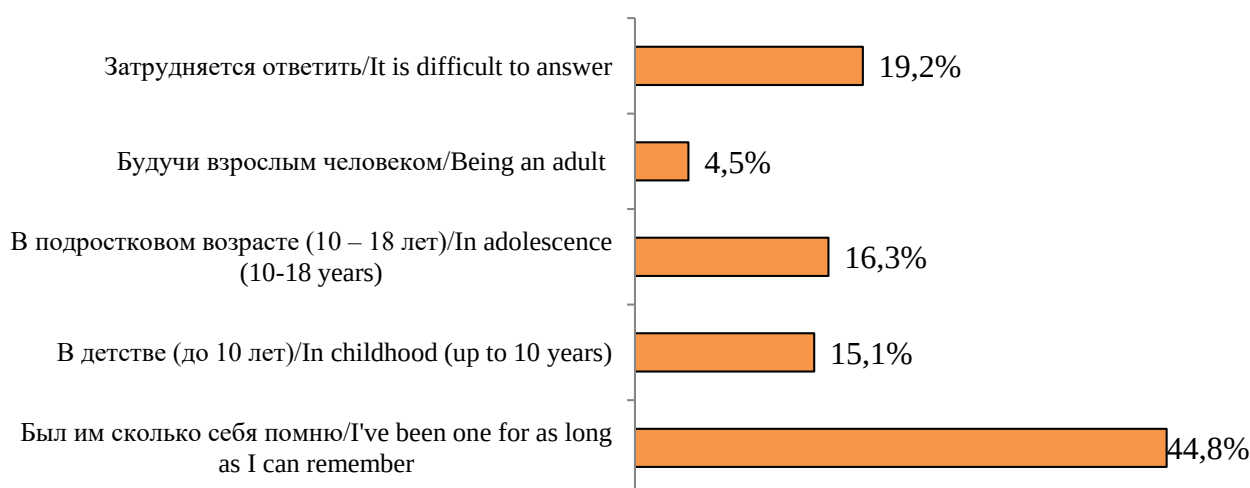

Рисунок 2. Возраст осознания себя верующим
Figure 2. The age of self-awareness as a believer

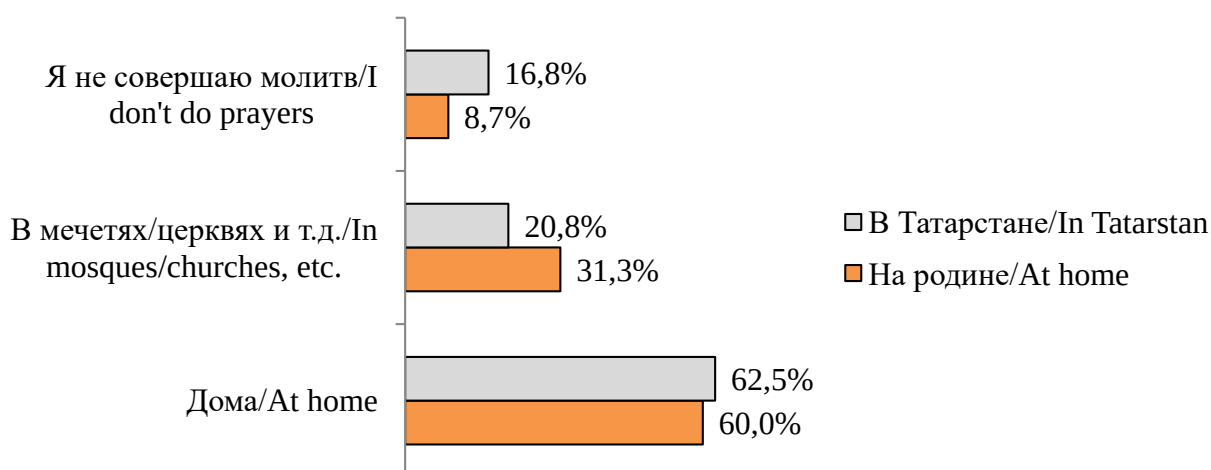

Рисунок 3. Где в основном совершали молитвы
Figure 3. Where prayers were mostly performed

Если рассматривать посещение религиозных заведений респондентами, то чуть более половины опрошенных (51,5%) не посещают вовсе. Менее трети (29,4%) ходит реже одного раза в неделю, несколько раз в неделю посещает 11,9% от опрошенных респондентов. Гораздо реже студенты ходят несколько раз в день (4,7%) и один раз в день (2,5%). В целом, посещаемость религиозных учреждений студентами ниже, чем у трудовых мигрантов.

Подавляющее большинство респондентов (84,4%) не сталкивалось с оскорблениями религиозных чувств, можно выбрать несколько вариантов ответа). Незначительное количество студентов имело такой опыт: в быту, на улице (7,3%), на работе (5,7%), со стороны должностных лиц (3,5%), со стороны полиции (2%). В целом большинство опрошенных не имели подобного опыта, однако, сам факт того, что некоторые студенты сталкиваются с такой, говорит об имеющихся проблемах адаптации.

Оценивая отношение окружающих к потребностям религии респондентов, более двух трети от опрошенных (71,2%) отмечают, что «религиозные потребности уважаются, соблюдать все необходимые религиозные обряды удобно» (Рисунок 4). Пятая часть утверждает, что окружающие рав-

нодушны (20,8%). Более негативные варианты были выбраны несколько реже: «окружающие невнимательны к нуждам, соблюдать религиозные обряды трудно (4,9%)» и «окружающие негативно относятся, многие религиозные обряды соблюдать невозможно» (3,1%).

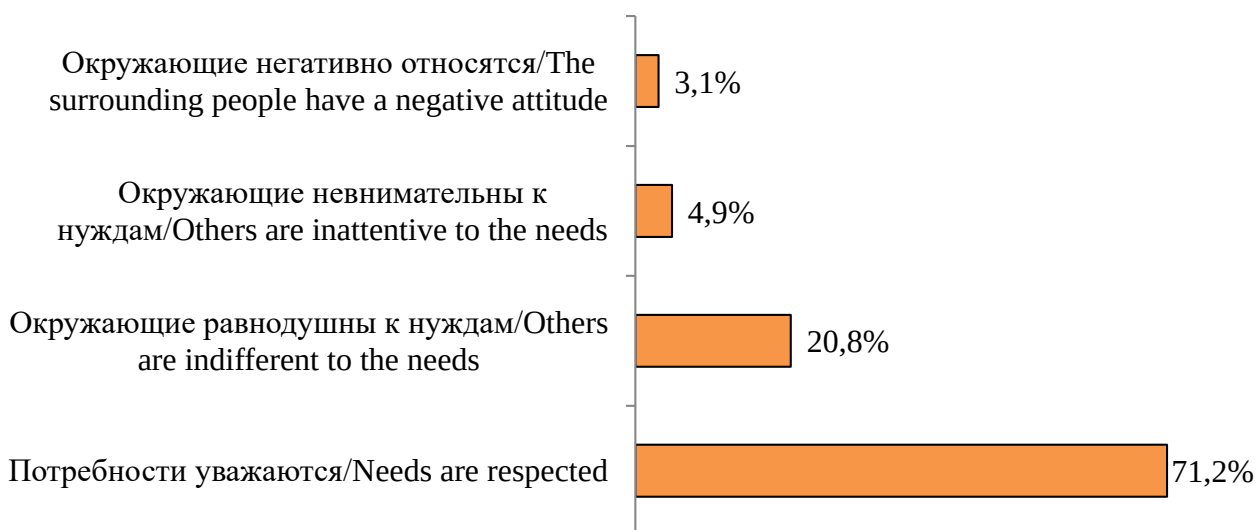

Рисунок 4. Отношение окружающих к потребностям Вашей религии
Figure 4. The attitude of others to the needs of your religion

Многие респонденты (67,1%) выросли в семьях, где большинство членов семьи верующие. У более четверти опрошенных только некоторые члены семьи верующие (27%). Лишь незначительная часть студентов выросли в семьях, где все неверующие.

Следующий блок вопросов был задан только студентам мусульманского вероисповедания (независимо от течений, мазхабов и т.д.). Оценивая ситуацию для мусульман в России в целом, две трети из них (67%) уверены в том, что мусульмане России не сталкиваются с проблемой религиозного неравенства (Рисунок 5). При этом, 13,2% респондентов уверена в обратном,

утверждая, что существует проблема религиозного неравенства. Пятая часть студентов затруднилась дать ответ (19,8%).

Проживая в Татарстане, многие мусульмане читают намаз. Так, в частности, почти четверть студентов читает намаз регулярно (23,7%), 15,1% иногда пропускает, 5,6% пропускает часто, 5,4% читает только утренний и 2,3 читает только пятничный (Рисунок 6). Менее половины от опрошенных (44,4%) не читает вовсе, а 3,6% пока учится читать намаз. Можно резюмировать, что так или иначе более половины респондентов (52%) читают намаз.

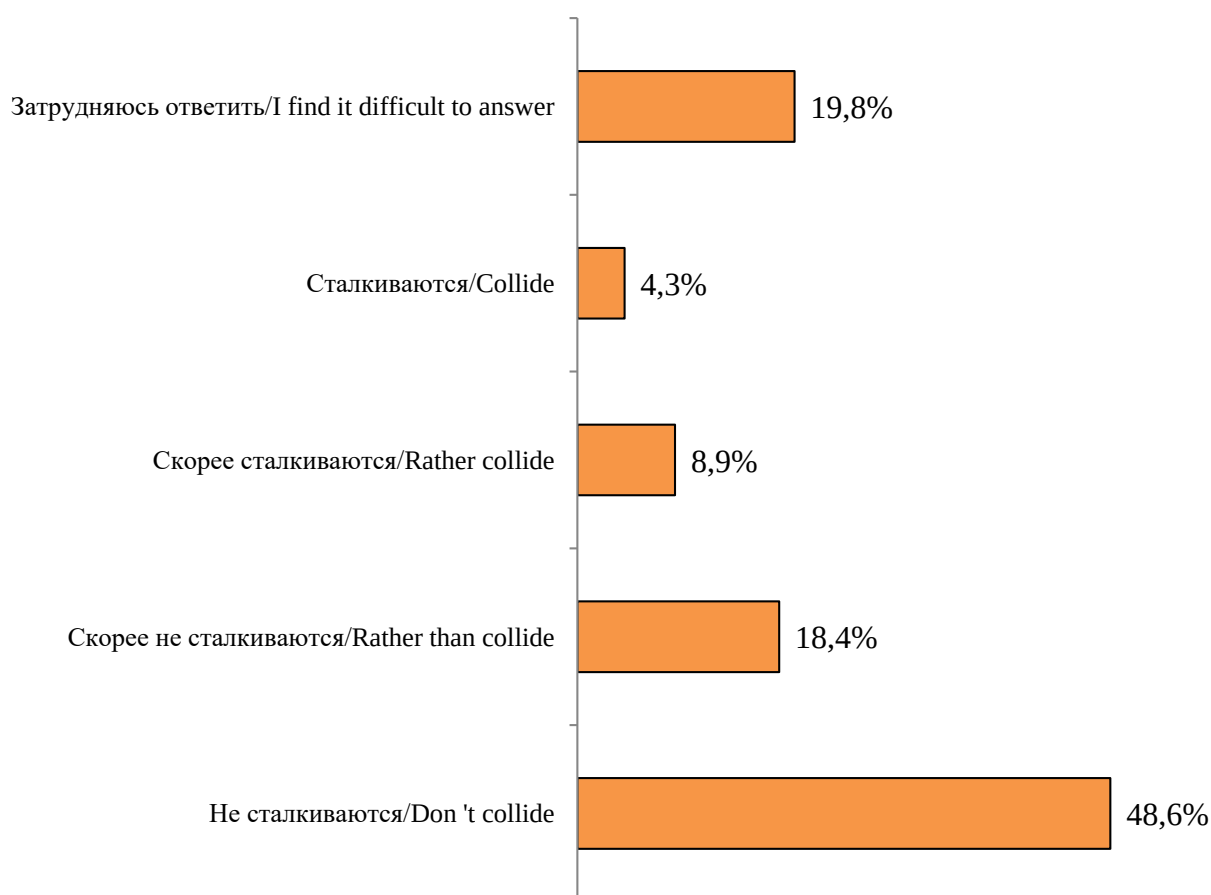

Рисунок 5. Сталкиваются ли мусульмане России с проблемой религиозного неравенства
Figure 5. Do Russian Muslims face the problem of religious inequality

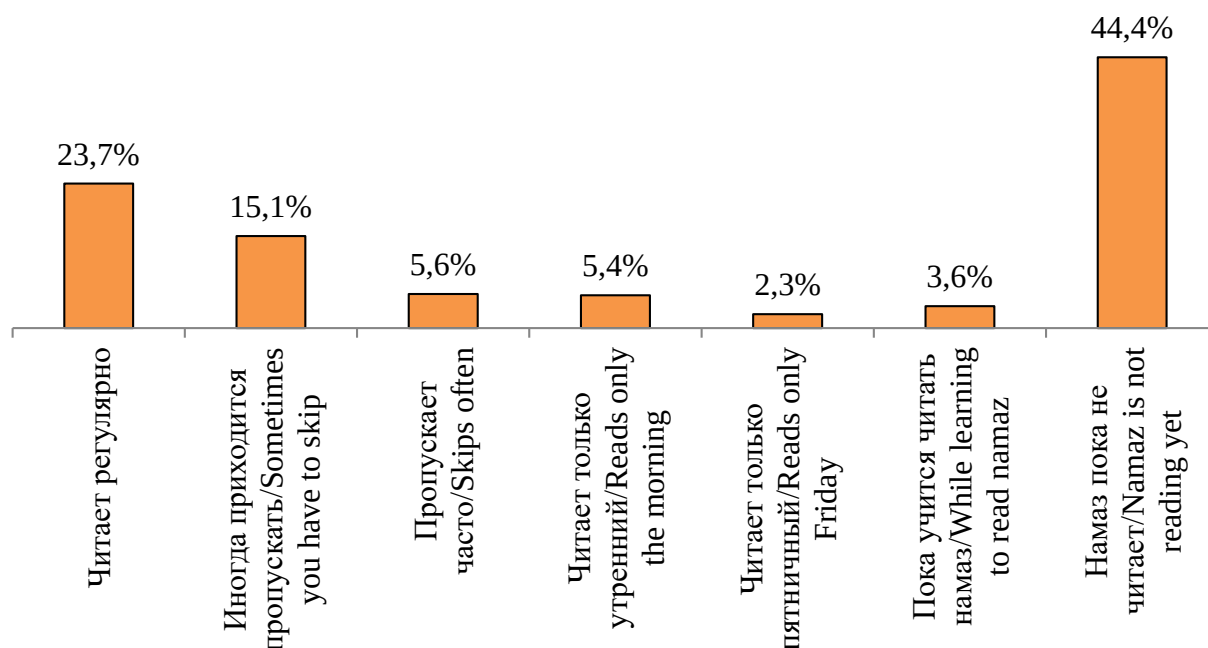

Рисунок 6. Всегда ли удастся читать намаз
Figure 6. Is it always possible to read the prayer

Для получения информации об исламе, респонденты используют различные источники. Можно выделить несколько основных: исламские книги (51,6%), беседы с

родственниками (48,2%), беседы с другими (знающими) мусульманами (21,7%), а также интернет и социальные сети (21,3%) (Рисунок 7).

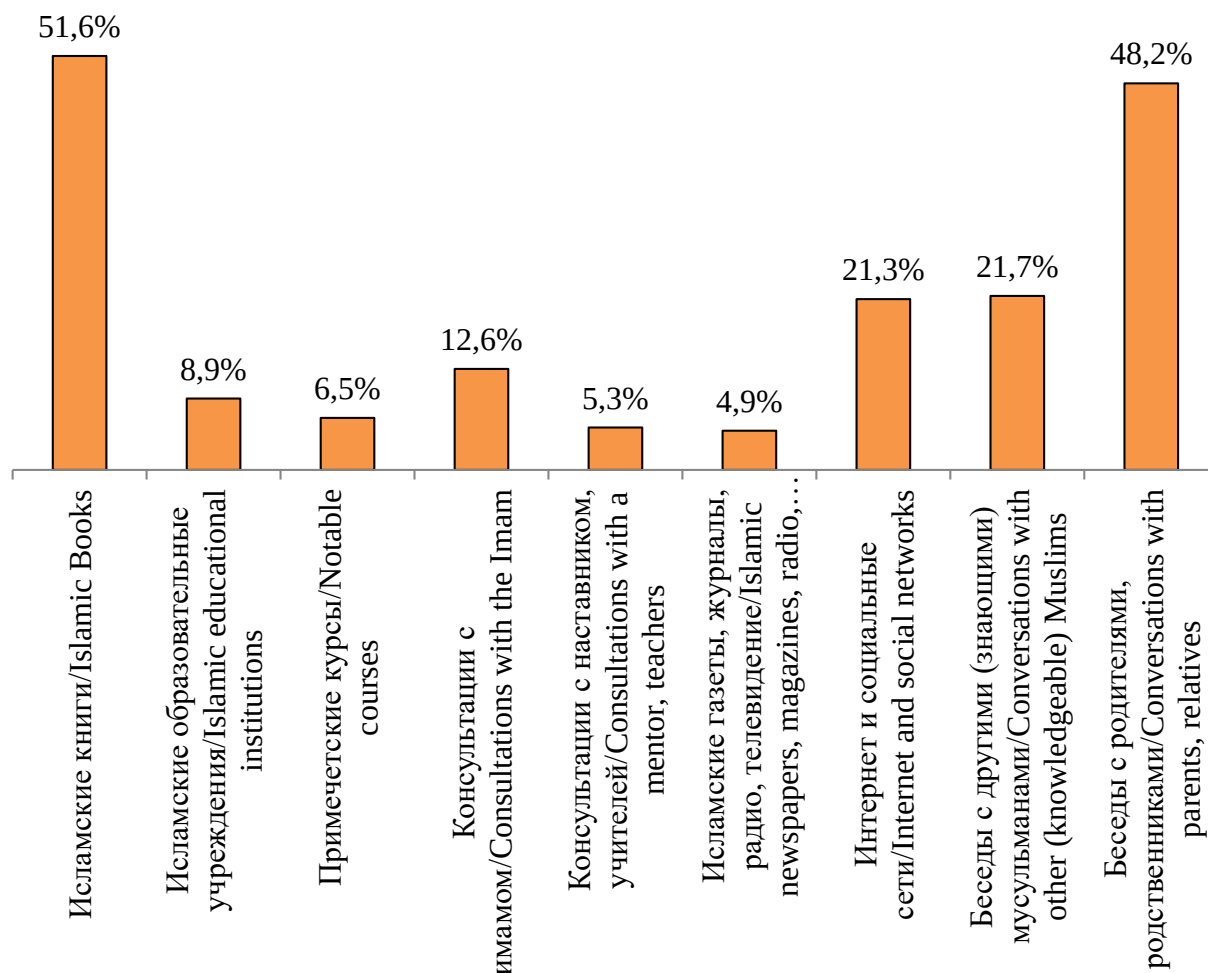

Рисунок 7. Наиболее полезный источник об исламе
Figure 7. The most useful source about Islam

Важной составляющей нашего исследования было определить, насколько респонденты удовлетворены развитостью инфраструктуры для мусульман в Татарстане. Большая часть опрошенных студентов

(77,5%) удовлетворена такой важной составляющей для религиозной жизни как мечети, 5,5% выбрали вариант «и да, и нет». Лишь незначительная доля (1,8%) респондентов не удовлетворена (см. Таблица).

Удовлетворенность инфраструктурой для мусульман, в %

Таблица

Table

Satisfaction with infrastructure for Muslims, in %

	Мечети/ mosques	Халяль-продукция/ Halal products	Организация досуга для мусульман/ organization of leisure for Muslims	Товары для мусульман/ goods for Muslims	Мусульманские СМИ/ muslim media	Мусульманская литература/ muslim literature	Интернет сайты и сообщества мусульман/ Internet sites and muslim communities	Образовательные учреждения для мусульман/ educational institutions for Muslims
Совершенно удовлетворен(а) / Completely satisfied	66	49	44,5	46,1	28,1	34,9	32,4	38,1
Скорее удовлетворен (а) / Rather satisfied	11,	22,1	21,2	21	20,1	24,4	20,2	21,1
И да, и нет / Both yes and no	5,5	11	9,3	11,7	15,1	10,8	12,9	10,5
Скорее не удовлетворен (а) / Rather not satisfied	1,4	3,3	2,5	2,1	4,2	2,7	3,5	2,2
Совершенно не удовлетворен (а) / Not satisfied at all	0,4	1,6	1,6	1,6	2,5	1,6	2	1,8
Затрудняется ответить / It is difficult to answer	15,2	13	20,9	17,4	29,9	27,4	29	26,4

Более половины студентов (71,1%) удовлетворены халяль-продукцией в Татарстане. При этом, в отличие от состояния мечетей, где абсолютное одобрение («совершенно удовлетворен(а)») составляло 66%, халяль-продукцией совершенно удовлетворены 49% от респондентов. Не удовлетворены халяль-продукцией 4,9%.

Две трети от опрошенных удовлетворены (66,2%) состоянием инфраструктуры

организации досуга для мусульман в Татарстане 4,1% респондентов не удовлетворены, и почти десятая часть (9,3%) выбрали вариант «и да, и нет». Также две трети от опрошенных удовлетворены (67%) состоянием инфраструктуры товаров для мусульман. 3,7% респондентов не удовлетворены, и чуть более десятой части от принявших участие в опросе студентов (11,7%) выбрали вариант «и да, и нет».

Общая картина существенно меняется, если рассмотреть удовлетворенность развитием мусульманской инфраструктуры СМИ в Татарстане. Менее половины от опрошенных (48,1%) удовлетворены состоянием мусульманских СМИ. Вариант «и да, и нет» выбрали 15,1% респондентов. Не удовлетворены инфраструктурой 6,7% студентов. При этом доля тех, кто затруднился дать ответ, составила почти треть от опрошенных (29,9%).

Несколько более одобрительно респонденты оценивают инфраструктуру мусульманской литературы. Более половины респондентов (57,4%) удовлетворены состоянием инфраструктуры. 4,3% от опрошенных не удовлетворены инфраструктурой.

Почти схожим образом респонденты оценивают развитость интернет-пространства в Татарстане. Более половины от опрошенных (52,2%) удовлетворены инфраструктурой. Немногим более десятой части студентов выбрали вариант «и да, и нет» (12,9%). 5,5% от опрошенных не удовлетворены инфраструктурой. При этом, высока доля тех, кто затруднился дать ответ (29%).

Оценивая качество существующих в Татарстане образовательных учреждений для мусульман, более половины от опрошенных (59,1%) удовлетворены инфраструктурой. Немногим более десятой части студентов выбрали вариант «и да, и нет» (10,5%). 4% от опрошенных не удовлетворены инфраструктурой.

В целом, оценивая удовлетворенность инфраструктурой для мусульман в Татар-

стане, респонденты положительной оценивают различные сферы жизни мусульман в регионе. При этом, несмотря на общее удовлетворение, некоторые аспекты у студентов вызывают большее одобрение, а какие-то меньше. Так, к примеру, очень высокое одобрение функционирования мечетей в Татарстане. Диаметрально противоположная ситуация с мусульманскими СМИ: менее половины респондентов удовлетворены работой мусульманских СМИ.

Для нашего исследования важно понять не только удовлетворенность инфраструктурой, но и на сколько респонденты доверяют представителям той же религии что и они, духовным лицам и мусульманским СМИ.

Более чем две трети от опрошенных (68,9%) доверяют людям той же религии что и они (Рисунок 8). Десятая часть респондентов (11,7%) не доверяет.

Не последнюю роль в жизни мусульманского сообщества занимают представители духовенства. Почти две трети от опрошенных респондентов (64,95) доверяют представителям мусульманского духовенства. При этом 14,3% студентов придерживаются противоположной точки зрения. Ранее мы уже упоминали, что немалая часть опрошенных видит несовершенство работы мусульманских СМИ Татарстана. Говоря о доверии мусульманским СМИ России, ровно половина респондентов доверяет им, а почти четверть (23,1%) придерживается противоположной позиции. При этом, высока доля тех, кто затруднился дать ответ (26,8%).

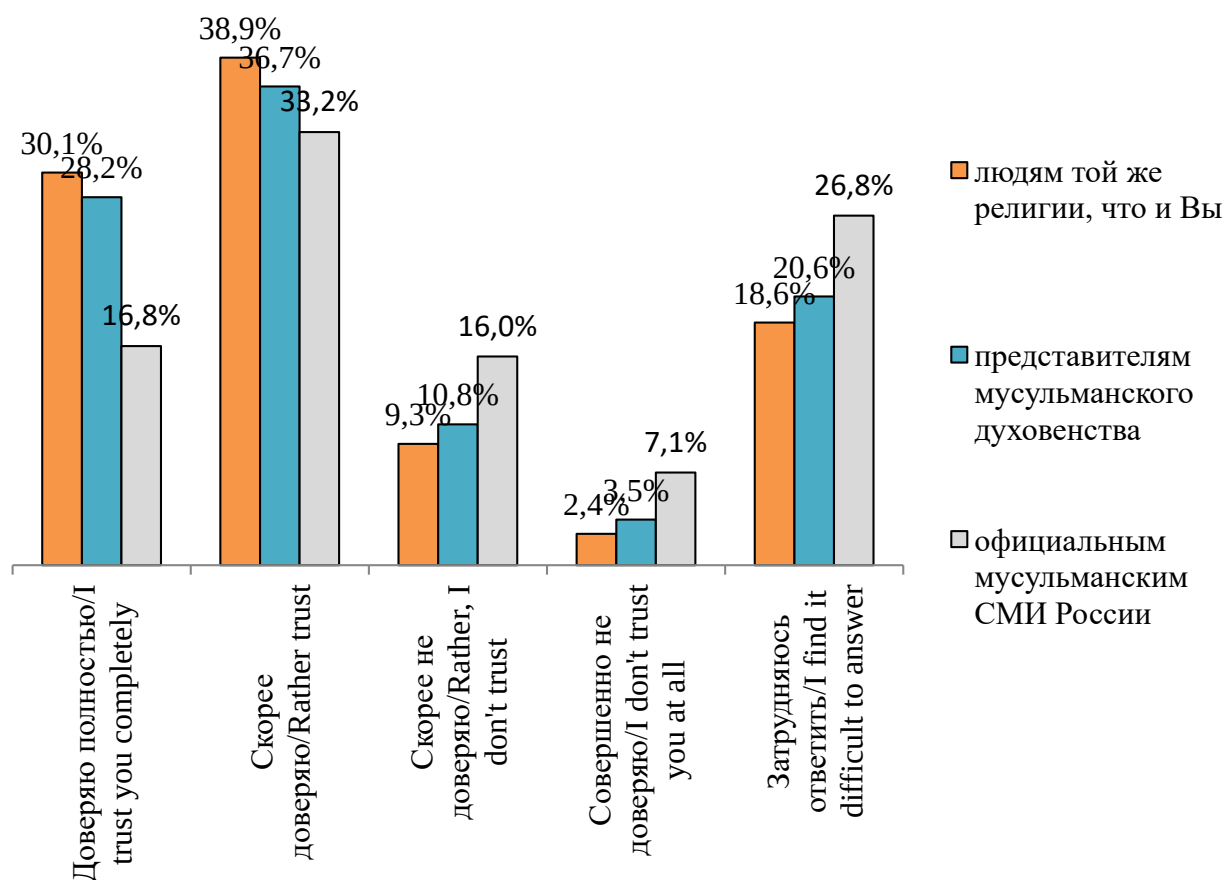

Рисунок 8. Доверие различным группам
Figure 8. Trust in different groups

Заключение (Conclusions). Резюмируя все вышеизложенные особенности адаптации, можно сделать ряд выводов.

После переезда в Татарстан произошли изменения в религиозной жизни студентов. Если у себя на родине они чаще посещали религиозные учреждения для совершения религиозных обрядов, то после переезда активность снизилась, и часть респондентов вовсе перестала совершать молитвы где-либо (даже дома). Стоит отметить, что для немалой части опрошенных религия не играет существенной роли в их адаптации.

Существующая в Татарстане мусульманская инфраструктура удовлетворяет потребности студентов. Значительная часть опрошенных положительно оценивает работу религиозных и социальных учреждений, а также коммерческий сектор в сфере

ислама. Однако в меньшей степени респонденты доверяют местным мусульманским СМИ и сообществам в интернет-пространстве. Этот фактор может говорить о недостаточно эффективной работе в вышеуказанных сферах. При этом, зачастую именно через социальные сети происходит распространение идей деструктивных религиозных сообществ.

Важная составляющая успешной адаптации – взаимодействие с местным населением. Значительная часть с доверием относится к местному населению и духовенству, и достаточно редко сталкивалась с притеснениями в свой адрес. При этом, около 15% в той или иной степени не удовлетворено степенью взаимодействия с местным населением, и с недоверием относится к принимающему сообществу. От общего массива респондентов это не столь

значимый показательно, но говорит о некоторых недостатках.

Список литературы

Габдрахманова Г. Ф., Сагдиева Э. А., Оморова Н. И. Учебная миграция в Республике Татарстан: адаптация и интеграция студентов из государств Центральной Азии: монография / под ред. Г. Ф. Габдрахмановой. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ; Изд-во «Артифакт», 2014. С.62-76.

Гусейнова О. И. Социокультурная адаптация иноэтнических мигрантов в зарубежных социологических концепциях // Философия права. 2015. № 6 (73). С.97-101.

Дмитриев А. В. Мигранты в новой среде: практики взаимодействия / А.В. Дмитриев, Г.А. Пядухов. М.: Альфа-М, 2011. 96 с.

Кривцова И. О. Социокультурная адаптация иностранных студентов к образовательной среде российского вуза (на примере Воронежской государственной медицинской академии им. Н. Н. Бурденко) // Фундаментальные исследования. 2011. № 8 (1). С. 284-288.

Мукомель В. И. Трудовые мигранты в России: проблемы интеграции и идентичности // Миграционные процессы и их влияние на демографическое и социально-экономическое развитие Дальнего Востока: сборник трудов II Междунар. научно-практич. конф., 4-5 июня 2018 г. / [под общ. ред. С. В. Рязанцева, М. Н. Храмовой, Л. А. Савинкиной; ред. кол.: Н. Хорие, М. Митигами, Б. Даве, С. Мусикавон, С. Рязанцев, М. Храмова, В. Белкин, Е. Гаффорова]. Владивосток: Изд-во Дальневост. федерал. ун-та, 2018. С. 238-243.

Низамова Л. Р. Межкультурные отношения и миграционные процессы в массовом сознании татарстанцев и дискурсе региональных массмедиа // Полиэтнический регион в XXI веке: демографические и социокультурные процессы / Под ред. С. А. Ахметовой, Ф. Ф. Ишкинеевой. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2015. С. 69-98.

Полихина Н. А., Тростянская И. Б. Проблемы адаптации иностранных студентов в России // Социологические исследования. 2020. № 11. С. 149-156.

Тоффлер Э. Шок будущего; [Пер. с англ.: Е. Руднева]. Москва: АСТ, 2003. 557 с.

Шевелев Г. Е., Кабанова Л. И., Михальченко Е. В. Информационная система для

оценки адаптации иностранных студентов // Вестник науки Сибири. 2012. № 1 (2). С. 134-138.

Berry J. W. Immigration, acculturation, and adaptation // Applied Psychology: an International Review. 1997. № 46 (1). Pp. 5-68.

References

Gabdrakhmanova, G. F., Sagdieva, E. A., Omorova, N. I. (2014), *Uchebnaya migraciya v Respublike Tatarstan: adaptaciya i integraciya studentov iz gosudarstv Central'noj Azii* [Educational migration in the Republic of Tatarstan: adaptation and integration of students from Central Asian states], monograph, ed. by G.F. Gabdrakhmanova. Sh. Marjani Institute of History of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan; Publishing house "Artifact", Kazan, Russia, 62-76. (In Russian)

Huseynova, O. I. (2015), "Socio-cultural adaptation of non-ethnic migrants in foreign sociological concepts", *Philosophy of Law*, 6 (73), 99. (In Russian)

Dmitriev, A. V. (2011), *Migranty` v novoj srede: praktiki vzaimodejstviya* [Migrants in a new environment: interaction practices], by A. V. Dmitriev, G. A. Pyadukhov, Alfa-M, Moscow, Russia. (In Russian)

Krivtsova, I. O. (2011), "Socio-cultural adaptation of foreign students to the educational environment of a Russian university (on the example of the Voronezh State Medical Academy named after N. N. Burdenko)", *Fundamental Research*, 8 (1), 284-288. (In Russian)

Mukomel, V. I. (2018), "Labor migrants in Russia: problems of integration and identity", *Migracionnye process i ih vliyanie na demograficheskie i socialno-ekonomicheskoe razvitie Dalnego Vostoka* [Migration processes and their impact on demographic and socio-economic development of the Far East], Vladivostok, Russia, 238-243. (In Russian)

Nizamova, L. R. (2015), "Intercultural relations and migration processes in the mass consciousness of Tatarstan citizens and the discourse of regional mass media", *Polie`tnichny`j regione v XXI veke: demograficheskie i sociokul`turny`e processy`* [Polyethnic region in the XXI century: demographic and socio-cultural processes], ed. by

S. A. Akhmetova, F. F. Ishkineeva, Kazan Publishing House, Kazan, Russia, 69-98. (In Russian)

Polikhina, N. A., Trostyanskaya, I. B. (2020), "Problems of adaptation of foreign students in Russia", *Sociological research*, (11), 149-156. (In Russian)

Toffler, E. (2002), *Shok budushchego* [Shock of the future], translated by Rudneva E., AST, Moscow, Russia. (In Russian)

Shevelev, G. E., Kabanova, L. I., Mikhachenko, E. V. (2012), "Information system for assessing the adaptation of foreign students", *Bulletin of Science of Siberia*, 1 (2), 134-138. (In Russian)

Berry, J.W. (1997), Immigration, acculturation, and adaptation, *Applied Psychology: an International Review*, 46 (1), 5-68. (In Russian)

*Статья поступила в редакцию 17 августа 2023 г.
Поступила после доработки 28 августа 2023 г.
Принята к печати 15 сентября 2023 г.
Received 17 August 2023. Revised 28 August 2023.
Accepted 15 September 2023.*

Конфликты интересов: у автора нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the author has no conflicts of interest to declare.

Набиулин Ислам Ринатович, младший научный сотрудник, Государственное научное бюджетное учреждение Академия Наук Республики Татарстан, Казань, Россия.

Islam R. Nabiulin, junior researcher, State scientific budgetary institution Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Kazan, Russia.

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА, СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ SOCIAL STRUCTURE, SOCIAL INSTITUTIONS AND PROCESSES

Исследовательская статья

УДК 316.44

DOI: 10.18413/2408-9338-2023-9-3-0-4

Ковальчук О. В.

**Профессиональные жизненные стратегии детей-инвалидов
как индикатор благополучия региона**

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
улица Преображенская, дом 78, Белгород, 308000, Россия
kovalchuk@bsu.edu.ru

Аннотация. На основе результатов опроса родителей детей-инвалидов Белгородской области рассматриваются проблемы, связанные с профессиональными жизненными стратегиями детей-инвалидов региона. В качестве индикаторов проблем выступают востребованность сопровождаемой занятости, оценка условий ее оказания, востребованность профориентационной деятельности, оценка условий осуществления профориентации для детей-инвалидов, оценка ресурсов для ее организации, оценка доступности профессиональной ориентации для семей с детьми-инвалидами, актуальные проблемы в реализации деятельности по профессиональной ориентации детей-инвалидов. Исследование проводилось методом массового онлайн опроса родителей детей-инвалидов (N=1021). Делается вывод, что профессиональные жизненные стратегии детей-инвалидов зависят от нескольких факторов, включая тип и степень инвалидности, индивидуальные способности и интересы ребенка, поддержка семьи и доступность ресурсов и услуг для инвалидов. Поддержка со стороны родителей может включать выбор подходящих образовательных программ, получение специализированного обучения или доступ к программам профессиональной ориентации. Задача региональных властей – значительно повысить доступ семей, воспитывающих детей-инвалидов, к профориентационной деятельности, увеличив ресурсы в регионе для организации и проведения профориентации для детей-инвалидов, а также усилив информационную деятельность в данном направлении.

Ключевые слова: дети-инвалиды, молодежь, жизненные стратегии, профессиональные стратегии, профориентация, благополучие, Белгородская область

Благодарность: Статья подготовлена в рамках выполнения Государственного задания FZWG-2023-0016, тема «Жизненные стратегии молодежи в условиях геополитической трансформации российского пространства», 2023-2025 гг.

Информация для цитирования: Ковальчук О. В. Профессиональные жизненные стратегии детей-инвалидов как индикатор благополучия региона // Научный результат. Социология и управление. 2023. Т. 9, № 3. С. 37-48. DOI: 10.18413/2408-9338-2023-9-3-0-4.

Olga V. Kovalchuk

Professional life strategies of disabled children as an indicator of the well-being of the region

Belgorod State National Research University
78 Preobrazhenskaya St., Belgorod, 308000, Russia
kovalchuk@bsu.edu.ru

Abstract. Based on the results of a survey of parents of disabled children in the Belgorod region, the problems related to the professional life strategies of disabled children in the region are considered. The indicators of the problems are the demand for accompanied employment, assessment of the conditions for its provision, the demand for career guidance, assessment of the conditions for vocational guidance for disabled children, assessment of resources for its organization, assessment of the availability of vocational guidance for families with disabled children, current problems in the implementation of vocational guidance for disabled children. The study was conducted by a mass online survey of parents of disabled children (N=1021). It is concluded that the professional life strategies of disabled children depend on several factors, including the type and degree of disability, individual abilities and interests of the child, family support and availability of resources and services for disabled people. Parental support may include choosing appropriate educational programs, receiving specialized training, or access to vocational guidance programs. The task of the regional authorities is to significantly increase the access of families raising disabled children to career guidance by increasing resources in the region for organizing and conducting career guidance for disabled children, as well as strengthening information activities in this direction.

Keywords: disabled children; youth; life strategies; professional strategies; career guidance; well-being; Belgorod region

Acknowledgment: Research was supported by a state assignment: «Life strategies of youth in the context of the geopolitical transformation of the Russian space», FZWG-2023-0016, 2023-2025.

Information for citation: Kovalchuk, O. V. (2023), "Professional life strategies of disabled children as an indicator of the well-being of the region", *Research Result. Sociology and Management*, 9 (3), 37-48, DOI: 10.18413/2408-9338-2023-9-3-0-4.

Введение (Introduction). Жизненные стратегии молодежи в условиях геополитической трансформации российского пространства являются актуальным объектом для социологических исследований. Изучение поведенческих моделей молодежи, их жизненных целей и ценностных смыслов в принятии жизненного выбора позволяет получить данные для анализа социализации молодежи (Шаповалова, Заводян, 2021; Шаповалова, 2021b), а также способствует прогнозированию целого ряда показателей всех социально-экономических систем.

Одними из важнейших социальных стратегий в этом плане являются профессиональные жизненные стратегии молодежи, которые не только тесно связаны с экономическим ростом и развитием региона и нашей страны, но и определяют тренд в изменении менталитета по отношению к ценности труда и профессионального развития (Шаповалова, 2021a).

Изучение профессиональных жизненных стратегий молодежи актуально потому, что их результатом, в том числе, яв-

ляется и благополучие отдельного человека, и социума в целом, как материального, так и нематериального плана: и уровень занятости, и уровень доходов, и уровень жизни, а также удовлетворенность ею, качество и доступность медицины, доступность жилья, качество экологических ресурсов, качество образования, качество культурной среды. Иными словами, социальное благополучие отражает уровень и качество жизни человека в соответствии с определенными социально-нормативными показателями.

Одной из основных задач функционирования социума является благополучие всех его членов. В ситуациях кризиса и нестабильности (политической, экономической, культурной и пр.) данная задача актуализируется, поскольку благополучие общества, социальных групп отражает уровень и качество жизни человека в соответствии с существующими социальными нормами. Иными словами, профессиональные жизненные стратегии молодежи можно назвать одним из важных индикаторов социального благополучия.

При этом благополучие общества напрямую зависит от того, какие условия жизни фиксируются у его проблемных групп, одной из которых являются дети-инвалиды. По данным Росстата, доля детей и молодежи до 18 лет, имеющих инвалидность, общая численность которых на 1 января 2023 года составляет 722 тыс. человек (приблизительно 74,7 на 1000 человек). Молодежь в возрасте 18-30 лет на 1 января 2022 года составляла 490 тыс. человек. Численность детей-инвалидов в Белгородской области составляет более 6 тысяч человек¹. Дети-инвалиды, их проблемы и нужды, требуют, как постоянного внимания со стороны соответствующих социальных служб, так и включения в стратегическое планирование всех регионов в качестве зоны постоянного совершенствования и одновременно риска.

Изучение основных профессиональных потребностей детей-инвалидов позволит определить нуждаемость семьи, воспитывающей ребенка-инвалида, в помощи в формировании профессиональных стратегий со стороны в том числе региональной власти.

Методология и методы (Methodology and methods). Вопросы формирования жизненных стратегий молодежи поднимаются российскими исследователями с регулярной периодичностью (Зубок, 2003; Чупров, 1999). Наиболее распространенные типы жизненных стратегий представлены в работе Ю. М. Резник и Е. А. Смирнова (2002). Рассмотрение профессиональных стратегий молодежи осуществляется, как правило, в рамках рассмотрения профориентационного выбора (Агафонова, 2020; Голиусова, Ключарев, 2017; Казенов, 2019). Различным аспектам профессионального выбора детей с инвалидностью посвящена работа Л. М. Низовой, Е. А. Андреевой (Низова, Андреева, 2017).

В контексте нашей статьи актуальным является исследование авторского коллектива А. П. Чернявской, Е. Н. Шипковой, П. А. Егоровой, в котором проведен анализ условий профессионального самоопределения детей-инвалидов на основе опроса их родителей (Чернявская, Шикова, Егорова, 2022). В данной статье, в частности, установлено, что от позиции родителя зависит сформированность характеристик профессиональной зрелости. Информированность родителей, их представление о спектре допустимых профессий дают возможность наиболее полно реализовать возможности ребенка с инвалидностью.

В целях изучения жизненных стратегий молодежи в условиях геополитической трансформации российского пространства в 2023 году Международным центром социологических исследований Белгородского государственного национального ис-

¹ Данные Росстата о положении инвалидов в РФ.

URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13964> (дата обращения: 12.08.2023).

следовательского университета было проведено социологическое исследование «Профессиональные жизненные стратегии детей-инвалидов» в общем цикле изучения социальных стратегий молодежи региона. Исследование проводилось методом массового онлайн опроса родителей детей-инвалидов (N=1021), ошибка выборки составила 2,83%, исследование было репрезентативно (основными характеристиками становится представленность детей по нозологиям, местность проживания семей и район проживания. Дополнительные характеристики включают в себя статус респондента по отношению к ребенку и его возраст).

Научные результаты и дискуссия (Research Results and Discussion). Жизненные стратегии вообще, а также профессиональные в частности, молодые люди могут выстроить в социуме, предоставляющем для всех равные права и возможности. Сегодня многие социальные практики основаны на философии инклюзивности, которая возникла как часть серьезного сдвига в

понимании прав, достоинства и идентичности человека. Изменение в отношении к людям с инвалидностью стало лишь одним из проявлений данного подхода. Формирование инклюзивной среды для наиболее уязвимой социальной группы, к которой относятся семьи с детьми-инвалидами, – одна из приоритетных задач социальной политики регионального уровня.

Инклюзия представляет собой процесс включения людей с физической и ментальной инвалидностью в полноценную общественную жизнь, а также разработку и принятие конкретных управленческих решений для этого. Исследование показало, что родители детей-инвалидов в основном положительно оценили деятельность региона по формированию инклюзивного пространства (70,5%). Четвертая часть респондентов придерживается отрицательной оценки, при этом однозначно негативно оценили деятельность региональных властей только 1,8% респондентов (Таблица 1).

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос «Можно ли сказать, что в нашем регионе создана инклюзивное пространство (комфортная среда, позволяющая всем в равной степени получать и использовать блага цивилизации и услуг) для детей-инвалидов?»
(в % от общего числа опрошенных)

Table 1

Distribution of answers to the question “Can we say that an inclusive space has been created in our region (a comfortable environment that allows everyone to equally receive and use the benefits of civilization and services) for disabled children?” (% of total number of respondents)

Да, однозначно / Yes, definitely	19,5
Да, по крайней мере для этого много делается и результаты видны / Yes, at least a lot is being done for this and the results are visible	51,0
Нет, работа ведется, но результатов мало / No, the work is underway, but there are few results	27,7
Нет, не делается ничего в этом направлении / No, nothing is being done in this direction	1,8

Равенство прав и свобод всех граждан задекларированы в основном законе – Конституции РФ. При этом деятельность по реализации этих прав лежит не только на

государстве, образовательных и профессиональных институтах, структурах здравоохранения, но и на гражданском обществе. Иными словами, для соблюдения этих прав

необходима объединение усилий всего общества². Исследование показало, что на данном этапе в регионе целевая группа в основном положительно оценивает результат консолидированных усилий по обеспечению равных прав и возможностей детей ин-

валидов (74,1% респондентов), 23,2% говорят о серьезных усилиях со своей стороны для обеспечения равных прав своему ребенку, а 2,6% заявляют о том, что ребенок полностью ограничен в возможностях по сравнению со здоровыми детьми (Таблица 2).

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос «Можно ли сказать, что ваш ребенок имеет те же возможности (которыми он при желании может воспользоваться), что и здоровые дети?» (в % от общего числа опрошенных)

Table 2

Distribution of answers to the question “Is it possible to say that your child has the same opportunities (which he/she can use if he/she wants) as healthy children?” (% of total number of respondents)

Да, однозначно / Yes, definitely	32,3
Скорее да, исключая некоторые варианты, но здесь нет вины общества и государства / Rather, yes, excluding some options, but there is no fault of society and the state	41,8
Скорее нет, для этого приходится прилагать достаточные усилия / Rather not, you have to make sufficient efforts to do this	23,2
Нет, он во всем ограничен / No, he is limited in everything	2,6

Доступность прав и свобод для детей-инвалидов нарушается чаще всего в области права на труд и на жилища, а более доступны для данной категории населения являются права на свободу творчества, образование и на психологическую помощь (Таблица 3). Дефицитная доступность права на труд и на жилище должны являться приоритетными задачами в сфере региональной социальной политики.

Профессиональные жизненные стратегии детей-инвалидов зависят от нескольких факторов, включая тип и степень инвалидности, индивидуальные способности и интересы ребенка, поддержка семьи, а также доступность ресурсов и услуг для инвалидов. Одна из стратегий, которую дети-инвалиды могут применять, – это поиск и поддержка в себе своих сильных сторон и

уникальных способностей. Осуществить это возможно в рамках деятельности по профессиональной ориентации, которая представляет собой систему поддержки профессиональных стратегий молодежи. Она обеспечивает профессиональную социализацию молодых людей. Основная цель профориентации – это подготовка молодых людей к выбору профессии с учетом особенностей личности, а детей-инвалидов – с учетом особенностей их здоровья и возможностей в соответствии с этим. Профессиональная ориентация может помочь в дальнейшем выбрать детям-инвалидам подходящие образовательные программы и специализированное обучение, а в дальнейшем помочь с профессиональным самоопределением и трудоустройством.

² Имеется в виду прежде всего отсутствие стигматизации, негативно окрашенных стереотипов в отношении людей с инвалидностью, интерпретации их состояния как «отклоняющегося» «ненормального»,

«ущербного», а также отсутствие фактов дискриминационного поведения, связанного с убеждением в том, что люди с инвалидностью имеют более низкий социальный статус.

Таблица 3

Распределение ответов на вопрос «Как Вы считаете, соблюдаются ли в полной мере социальные права и свободы настоящего и будущего для вашего ребенка?»
(в % от общего числа опрошенных)

Table 3

Distribution of answers to the question “Do you think the social rights and freedoms of the present and future are fully respected for your child?” (% of total number of respondents)

Доступность прав и свобод / Accessibility of rights and freedoms	Да / Yes	Не в полной мере / Not fully	Нет / No
Право на труд / Right to work	57,8	33,8	8,4
Право на отдых / Right to rest	65,0	29,0	6,0
Право на социальное обеспечение / Right to social security	70,5	26,6	2,8
Право на охрану и помощь семье / Right to protection and assistance to the family	61,7	30,8	7,5
Право на жилище / Right to housing	52,0	31,4	16,6
Право на охрану здоровья и медицинскую помощь / Right to health protection and medical care	61,9	34,4	3,7
Право на благоприятную окружающую среду / Right to a favorable environment	64,1	31,1	4,8
Право на образование / Right to education	73,8	22,8	3,3
Свобода творчества / Freedom of creativity	75,9	20,3	3,8
Право на психологическую помощь / Right to psychological assistance	71,4	24,3	4,3

Наше исследование показало, что только большинство родителей детей-инвалидов беспокоит вопрос о будущей трудовой деятельности ребенка-инвалида, и

лишь четверть респондентов пока не думали о том, как будет осуществлять трудовую деятельность их ребенок (Таблица 4). 38,1% опрошенных респондентов задумываются об этом на регулярной основе.

Таблица 4

Распределение ответов на вопрос «Задумывались ли Вы о том, как будет организована и возможна ли полноценная трудовая деятельность для Вашего ребенка?»
(в % от общего числа опрошенных)

Table 4

Distribution of answers to the question “Have you ever thought about how a full-fledged work activity will be organized and possible for your child?” (% of total number of respondents)

Регулярно / Regularly	38,1
Периодически / Periodically	28,7
Очень редко / Very rarely	7,9
Никогда или практически никогда / Never or almost never	25,3

Показателем высокого развития социальной поддержки инвалидов является сопровождаемая занятость – оказание индивидуальной помощи тем инвалидам, которые в силу ограниченных возможностей здоровья самостоятельно не могут вернуться в трудовой процесс. Анализ ответов

респондентов показал, что наиболее востребованным для них в рамках услуг по сопровождаемой занятости является профориентация, обучение доступной рабочей специальности, организация индивидуального поиска работы (Таблица 5).

Таблица 5

Распределение ответов на вопрос «Если понимать под сопровождаемой занятостью помощь ребенку-инвалиду в организации его профессиональной ориентации и его трудовой деятельности, оцените пожалуйста наличие ее элементов, их важность для вашего ребенка»
(в % от общего числа ответивших)

Table 5

Distribution of answers to the question “If you understand accompanied employment as assistance to a child with disabilities in organising his/her professional orientation and employment, please assess the presence of its elements and their importance for your child”
(% of the total number of respondents)

Элементы сопровождаемой занятости / Elements of accompanied employment	Это есть и это необходимо / It is there and it is necessary	Этого нет (не знаю), но это необходимо / It's not there (I don't know), but it's necessary	Этого нет (не знаю) и это не нужно / This is not (I do not know) and it is not necessary	Затрудняюсь оценить / I find it difficult to assess
Профориентация для детей инвалидов / Career guidance for disabled children	27,3%	23,7%	0,8%	22,9%
Индивидуальный поиск работы с учетом особенностей и возможностей / Individual job search taking into account the features and opportunities	23,3%	25,1%	1,3%	25,1%
Индивидуальное планирование рабочего места / Individual workplace planning	21,6%	25,1%	1,3%	26,7%
Трудовая интеграция (люди с инвалидностью (в том числе и с интеллектуальными ограничениями) трудятся рядом с людьми без инвалидности / Labor integration (people with disabilities (including those with intellectual disabilities) work alongside people without disabilities	22,5%	23,2%	1,6%	27,4%

Обучения доступной рабочей специальности / Training in an accessible working specialty	25,5%	23,4%	0,7%	25,2%
Организация доступных рабочих мест / Organization of available jobs	23,4%	23,8%	0,7%	26,8%
Социальное трудоустройство (трудотерапия) / Social employment (occupational therapy)	22,7%	23,9%	0,7%	27,4%
Помощь в адаптации и поддержка на рабочем месте в течение длительного периода / Assistance in adaptation and support in the workplace for a long period	22,1%	24,1%	0,9%	27,6%
Организация рабочего места на дому / Organization of the workplace at home	20,3%	24,4%	1,5%	28,6%
Организация трудового тьюторства (наставничества) / Organization of labor tutoring (mentoring)	20,9%	23,6%	1,6%	28,7%

Иными словами, можно сделать вывод о том, что построение жизненных профессиональных стратегий детей-инвалидов во многом зависит от того, как выстроена профориентационная работа в регионе. Исследование показало, что родители детей-

инвалидов только в 13,2 % случаев регулярно получают услугу по профориентации, 24,7 % отметили неперIODичность ее использования, 62,1 % респондентов отметили непOлучение данной услуги (Таблица 6).

Таблица 6

Распределение ответов на вопрос «Проводится ли с Вашим ребенком профориентация?»
(в % от общего числа опрошенных)

Table 6

Distribution of answers to the question “Does your child receive career guidance?”
(% of total number of respondents)

Регулярно / Regularly	13,2
Периодически / Periodically	14,7
Очень редко / Very rarely	10,0
Никогда или практически никогда / Never or almost never	62,1

При этом те родители, кто не получал услугу по профориентации для своих детей-инвалидов, 66,7% указали отсутствие в этом необходимости, а четверть (27,9%) отметили наличие дефицита информации о такой услуге. Т.е. прежде чем заниматься

профессиональной ориентацией детей-инвалидов, необходимо формировать понимания социума в важности этой деятельности, тем более, что инклюзивный подход при реализации различных социальных практик позволяет это сделать (Таблица 7).

Таблица 7

Распределение ответов на вопрос «Если Вам необходима профориентация, но Вы не пользовались возможностью получить эту услугу для Вашего ребенка, в чем причина?»
(в % от общего числа опрошенных)

Table 7

Distribution of answers to the question "If you need career guidance, but you have not used the opportunity to receive this service for your child, what is the reason?"
(% of total number of respondents)

Нет такой необходимости / There is no such need	66,7
Эта услуга бесполезна / This service is useless	1,6
Нет желания этим заниматься / There is no desire to do this	0,9
Получить такую услугу очень сложно (необходимо соблюсти ряд условий, собрать много документов) / It is very difficult to get such a service (it is necessary to comply with a number of conditions, collect a lot of documents)	1,6
Отсутствует информация о такой услуге и правах на ее получение / No information about such a service and the rights to receive it	27,9
Были предприняты попытки получить услугу, но был получен отказ / Attempts were made to obtain the service, but a refusal was received	0,2
Услуга была получена, но результат не удовлетворил / The service was received, but the result was not satisfactory	1,1

Респондентами отмечается недостаточность ресурсов в регионе для организации и проведения профориентации для детей-инвалидов. При этом наибольшее

число респондентов указывают на недостаточность информирования населения, что коррелирует с данными по предыдущему вопросу (Таблица 8).

Таблица 8

Распределение ответов на вопрос «Как Вы считаете, достаточно ли в нашем регионе ресурсов для организации и проведения профориентации для детей-инвалидов?»
(в % от общего числа ответивших)

Table 8

Distribution of answers to the question "Do you think there are enough resources in our region to organize and conduct career guidance for disabled children?" (% of total number of respondents)

Ресурсы / Resources	Достаточно / Adequately	Необходимо больше / More is needed	Совершенно недостаточно / Absolutely not enough resources	Затрудняюсь оценить / I find it difficult to answer
Инфраструктура / Infrastructure	1,3%	5,5%	3,6%	10,3%
Количество специалистов / Number of specialists	1,1%	5,8%	4,0%	9,8%
Квалификация специалистов / Qualification of specialists	1,1%	5,8%	3,9%	9,9%
Информирование населения / Informing the public	0,9%	6,1%	4,3%	9,4%
Финансирование / Financing	0,8%	5,7%	3,4%	10,8%

Исследование показало крайне низкий показатель доступности профессиональной ориентации для детей-инвалидов в регионе (респонденты оценили доступность в диапазоне от 1 до 6 %), при этом и

здесь проблемой, которая выходит на первый план, является информационная доступность и доступность к консультации (которая частично тоже связано с доступностью к информации об услуге) (Таблица 9)

Таблица 9

Распределение ответов на вопрос «Оцените, пожалуйста доступность получения услуги профориентации для детей-инвалидов?» (в % от общего числа ответивших)

Table 9

Distribution of answers to the question “Please rate the availability of career guidance services for disabled children?” (% of total number of respondents)

Подвопросы / Subqueries	Доступно / Available	Частично доступно / Partially available	Недоступно / unavailable	Затрудняюсь оценить / I find it difficult to assess
Доступность информации о предоставлении такой услуги для детей-инвалидов, об их правах, льготах и возможностях / Accessibility of information on the provision of such services for disabled children, their rights, benefits and opportunities	1,4%	3,9%	4,5%	10,9%
Доступность консультации специалистов по вопросу услуги / Availability of expert advice on the issue of the service	1,3%	3,6%	4,8%	11,0%
Доступность (наличие) организаций, предоставляющих услугу / Availability (availability) of organizations providing the service	1,2%	3,8%	4,3%	11,4%
Возможность добраться до организации, предоставляющей услугу / The ability to get to the organization providing the service	1,2%	4,2%	3,2%	12,0%
Доступная среда внутри организации / Accessible environment within the organization	1,1%	3,6%	3,2%	12,7%

Ответы родителей по вопросу актуальных направлений профориентационной работы с ребенком-инвалидом позволили выявить приоритеты в профориентационной деятельности. Ими стали: определение способностей ребенка-инвалида (на это указали 54,5% опрошенных), определение

возможной трудовой сферы ребенка-инвалида (52,6 % опрошенных), подбор организации, подходящей для трудоустройства ребенка-инвалида (43,6 % ответивших выбрали данный ответ), а также получение первичных навыков трудовой деятельности ребенком-инвалидом (42,2%) (Рисунок).

Рисунок 1. Распределение ответов на вопрос «Если Вам нужна профориентация для ребенка, каких вопросов она скорее касается?» (в % от общего числа ответивших)
Figure1. Distribution of answers to the question “If you need career guidance for your child, which issues are more likely to be addressed?” (% of the total number of respondents)

Заключение (Conclusions). Одним из индикаторов благополучия региона является положение социально-уязвимых групп населения, в частности, конкурентоспособность на рынке труда такой категории, как люди с инвалидностью. Конкурентоспособность, востребованность в профессии невозможны без построения профессиональных жизненных стратегий, которые должны быть сформированы у детей к выпуску из школы.

Профессиональные жизненные стратегии детей-инвалидов зависят от нескольких факторов, включая тип и степень инвалидности, индивидуальные способности и интересы ребенка, поддержка семьи и доступность ресурсов и услуг для инвалидов. Одна из стратегий, которую дети-инвалиды вместе с родителями могут применять, – это поиск и поддержка в себе своих сильных сторон и уникальных способностей. Ребенок может обратить внимание на то, в

чем он хорош, и сосредоточиться на развитии своих навыков и талантов в этой области. Задача родителей – помочь ему в этом. Поддержка со стороны родителей может включать выбор подходящих образовательных программ, получение специализированного обучения или доступ к программам профессиональной ориентации. Задача региональных властей – значительно повысить доступ семей, воспитывающих детей-инвалидов, к профориентационной деятельности, увеличив ресурсы в регионе для организации и проведения профориентации для детей-инвалидов, а также усилив информационную деятельность в данном направлении.

Список литературы

Агафонова Е. Е., Чеджемов Г. А. Трансформация роли карьеры в системе жизненных ценностей современной молодежи // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2020. № 5-1 (44). С. 48-51.

Голиусова Ю. В., Ключарев Г. А. О стратегиях занятости современной молодежи // Россия реформирующаяся. 2017. № 15. С. 72-90.

Зубок Ю. А. Риск в социальном развитии молодежи // Социально-гуманитарные знания. 2003. № 1. С. 147-162.

Казенов Р. С. Карьерные стратегии молодежи в условиях социальной трансформации // Академия педагогических идей «Новация». 2019. № 5. С. 66-69.

Низова Л. М., Андреева Е. А. Профессиональная ориентация детей-инвалидов // Детская и подростковая реабилитация. 2017. № 2 (30). С. 31-35.

Резник Ю. М., Смирнов Е. А. Жизненные стратегии личности (опыт комплексного анализа). М., 2002. 260 с.

Чернявская А. П., Шипкова Е. Н., Егорова П. А. Профессиональное самоопределение обучающихся с ограниченными возможностями здоровья // Ярославский педагогический вестник. 2022. № 1. С. 16-24.

Чупров В. И. Молодежь в общественном воспроизводстве // Социологические исследования. 1998. № 3. С. 93-106.

Шаповалова И. С., Заводян И. С. Поколение Z: ценности, диспозиции и социализационные результаты // В книге: Поколение Z: многообразие идентичностей, ориентаций, поведения. Уфа, 2021. С. 25-45.

Шаповалова И. С. (а) Карьерные стратегии провинциальной молодежи // Социальная политика и социология. 2021. Т. 20, № 3 (140). С. 173-182.

Шаповалова И. С. (b) Проблемы реализации государственной молодежной политики в рефлексии региональной молодежи // Регионология. 2021. Т. 29, № 4 (117). С. 902-932.

References

Agafonova, E. E. & Chedzhemov, G. A. (2020), "Transformation of the role of career in the system of life values of modern youth", *International journal of humanities and natural sciences*, 5-1 (44), 48-51. (In Russian)

Goliusova, Yu. V. & Klyucharev, G. A. (2017), "On employment strategies of modern youth", *Russia reforming*, (15), 72-90. (In Russian)

Zubok, Yu. A. (2003), "Risk in the social development of youth", *Socio-humanitarian knowledge*, (1), 147-162. (In Russian)

Kazenov, R. S. (2019), "Career strategies of youth in conditions of social transformation",

Academy of Pedagogical Ideas Novation, (5), 66-69. (In Russian)

Nizova, L. M. & Andreeva, E. A. (2017), "Professional orientation of foreign children", *Child and adolescent rehabilitation*, (2 (30)), 31-35. (In Russian)

Reznik, Yu. M. & Smirnov, E. A. (2002), *Zhiznennye strategii lichnosti (opyt kompleksnogo analiza)* [Personal life strategies (experience of complex analysis)], Moscow, Russia, 260. (In Russian)

Chernyavskaya, A. P., Shipkova, E. N., Egorova, P. A. (2022), "Professional self-determination of students with disabilities", *Yaroslavl pedagogical vesnik*, (1), 16-24. (In Russian)

Chuprov, V. I. (1998), "Youth in social reproduction", *Sociological research*, (3), 93-106. (In Russian)

Shapovalova, I. S. & Zavodyan, I. S. (2021), "Generation Z: values, dispositions and socialization results", *In the book: Generation Z: diversity of identities, orientations, behavior*, Ufa, Russia, 25-45. (In Russian)

Shapovalova, I. S. (a), (2021), "Career strategies of provincial youth", *Social policy and sociology*, 140, 173-182. (In Russian)

Shapovalova, I. S. (b), (2021), "Problems of implementation of state youth policy in the reflection of regional youth", *Regionology*, 117, 902-932. (In Russian)

Статья поступила в редакцию 16 июня 2023 г.

Поступила после доработки 23 августа 2023 г.

Принята к печати 05 сентября 2023 г.

Received 16 June 2023. Revised 23 August 2023.

Accepted 05 September 2023.

Конфликты интересов: у автора нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the author has no conflicts of interest to declare.

Ковальчук Ольга Викторовна, кандидат философских наук, доцент кафедры социологии и работы с молодежью Белгородского государственного национального исследовательского университета, Белгород, Россия.

Olga V. Kovalchuk, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Department of Sociology and Work with Youth, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia.

УДК 316.47

DOI: 10.18413/2408-9338-2023-9-3-0-5

¹Пронин А. Ю.,
¹Дробышевская Е. В.,
¹Жукова Е. В.
²Шилова В. А.

**Связь информированности о ВИЧ-инфекции
с установками здоровьесберегающего
и рискованного поведения жителей Московской области**

¹) Государственное казенное учреждение здравоохранения Московской области
«Центр по профилактике и борьбе со СПИДом и инфекционными заболеваниями»
улица Щепкина, дом 61/2, корпус 8, Москва, 129110, Россия
alexanderp909@gmail.com
elena_dr@bk.ru
zhukovazh@mail.ru

²) Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра
Российской академии наук
улица Кржижановского, дом 24/35, корпус 5, Москва, 117218, Россия
vshilova@yandex.ru

Аннотация. *Актуальность.* Данная работа является логическим продолжением исследований информированности жителей Московской области о ВИЧ инфекции в 2018-2021 годы. Пандемия COVID-19 высветила значение адекватного понимания угроз собственному здоровью и здоровью окружающих, владение необходимой информацией в полном объеме для принятия мер защиты в период глобальной эпидемии. В условиях продолжающейся в России эпидемии ВИЧ-инфекции исследование факторов здоровьесберегающего поведения населения остается важной задачей. *Методы.* Данные, представленные в статье, были получены в ходе массового опроса. Опрос проводился в июле-сентябре 2022 г. в Московской области. Было опрошено 3100 респондентов-жителей Московской области, и по 200 респондентов каждой из целевых групп: лица, употребляющие наркотики (ЛУН), и работники коммерческой секс-индустрии (РКС). *Научные результаты.* В статье представлен сравнительный анализ количественных показателей уровня информированности по различным вопросам, связанным с ВИЧ-инфекцией и особенностей здоровьесберегающего поведения жителей Московской области. *Выводы.* В результате проведенного исследования выявлена связь уровня информированности о ВИЧ-инфекции с установками связанного с ВИЧ здоровьесберегающего и рискованного поведения у населения Московской области, а также двух ключевых групп: лиц, употребляющих наркотики (ЛУН), и работников коммерческой секс-индустрии (РКС).

Ключевые слова: Вич-инфекция; СПИД; информированность; уровень информированности, здоровьесберегающее поведение, риск, рискованное поведение, здоровье, медицина

Информация для цитирования: Пронин А. Ю., Дробышевская Е. В., Жукова Е. В., Шилова В. А. Связь информированности о ВИЧ-инфекции с установками здоровьесберегающего и рискованного поведения жителей Московской области // Научный результат. Социология и управление. 2023. Т. 9, № 3. С. 49-68. DOI: 10.18413/2408-9338-2023-9-3-0-5.

¹Alexander Yu. Pronin,
¹Elena V. Drobyshevskaya,
¹Evgenia V. Zhukova
²Valentina A. Shilova

Relationship of HIV awareness with health-saving and risk behaviour attitudes of residents in the Moscow region

¹) Moscow Regional Center for the Prevention and Control of AIDS and Infectious Diseases,
Moscow Region
bld. 8, 61/2 Shchepkin St., Moscow, 129110, Russia
alexanderp909@gmail.com
elena_dr@bk.ru
zhukovazh@mail.ru

²) Institute of Sociology, Federal Center for Theoretical and Applied Sociology,
Russian Academy of Sciences
bld. 5 24/35 Krzhizhanovsky St., Moscow, 117218, Russia
vshilova@yandex.ru

Abstract. Relevance. This work is a logical continuation of research on HIV infection in the Moscow region in 2018-2021. The COVID-19 pandemic had highlighted the importance of an adequate understanding of threats to one's own health and the health of others, and of having the necessary information to take protective measures during a global epidemic. In the context of the ongoing epidemic of HIV infection in Russia, the investigation of factors of healthy behaviour of the population remains an important task. **Methods.** The data presented in the article were obtained during a mass survey. The survey was carried out in July-September 2022 in the Moscow region. The results of the survey were obtained in the Moscow region. 3,100 respondents from the Moscow region and 200 respondents from each of the target groups were interviewed: drug users (DU) and commercial sex workers (CSW). **Research Results.** The article presents a comparative analysis of quantitative indicators of the level of awareness on various issues related to HIV infection and features of health-saving behavior of residents of the Moscow region. **Conclusions.** The study found a link between the level of HIV awareness and HIV-related health-saving and risk-taking behaviour among the population of the Moscow region, as well as two key groups: drug users (DU) and commercial sex workers (CSW).

Keywords: HIV infection; AIDS; awareness; awareness level, health-saving behavior, risk, risky behavior, health, medicine

Information for citation: Pronin, A. Yu., Drobyshevskaya, E. V., Zhukova, E. V., Shilova, V. A. (2023), "Relationship of HIV awareness with health-saving and risk behaviour attitudes of residents in the Moscow region", *Research Result. Sociology and Management*, 9 (3), 49-68, DOI: 10.18413/2408-9338-2023-9-3-0-5.

Введение (Introduction). Здоровьесберегающее поведение как одну из поведенческих практик рассматривали ещё такие классики как Э. Дюркгейм, М. Вебер,

Т. Парсонс в рамках своих теорий социального действия. П. Сорокин и Г. Лотц уделяли внимание здоровью при изучении социальных ценностей индивидов. В самом

широком смысле здоровьесберегающее поведение может пониматься как совокупность социальных практик, ценностей и установок индивида, направленных на сохранение, поддержание и улучшение своего физического и психологического состояния, а также на снижение и избегание рисков, способных негативно на это состояние повлиять. При этом в науке распространены синонимичные понятия, такие как «самосохранительное поведение», «здоровьесберегающее поведение», «поведение, связанное со здоровьем». В отечественной социологии концепцию самосохранительного поведения ввел в конце прошлого века А. И. Антонов, тем самым задав новый вектор социологических исследований. Изучением проблемы сохранения здоровья занимались Ю. П. Лисицын, Н. В. Шахматова, В. Н. Гасилин, Л. Л. Рыбаковский, Л. С. Шилова и др. Многие исследователи данного направления в России основываются на концепции диспозиционной регуляции социального поведения В. А. Ядова.

В качестве факторов, влияющих на здоровьесберегающее поведение можно выделить субъективные и объективные, а также социальные и личностные. Так, государственная политика, социально-экономическая ситуация, культура и мода могут быть влияющими факторами, так же, как и персональные ценности индивида и его социально-демографические характеристики, в том числе уровень информированности (Ковальчук, Лазуренко, Нифонтова, 2021; Вангородская, 2018; Ушакова, 2010). О. А. Немова, Л. И. Кутепова и В. В. Ревитина отмечают влияние агентов социализации (семья, окружение, институт образования, СМИ и т.д.), а Т. Л. Берроуз, М. Хейдари и др. – пережитого опыта столкновения со смертью и самооценки здоровья.

Информированность о сохранении здоровья и способах его поддержания, включает в себя также знания о возможных рисках и формах рискованного поведения.

В Московском регионе, как и в целом в России, основная часть заражений ВИЧ происходит половым путем при незащищенных половых контактах. Профилактика признана одним из важнейших способов борьбы с ВИЧ во всем мире, однако она невозможна без информированности индивидов о способах заражения и методах защиты (Гришина, Мартынов, Кухтевич, 2016). В. К. Биловус отметил, что низкий уровень информированности как фактор риска заражения ВИЧ сильнее влияет на индивидов, не относящихся к группам риска. В то же время большинство профилактических и информационных программ направлены на целевые группы (Биловус, 2008а; 2008б). О необходимости повышения информированности населения и юридической грамотности, а также обучения безопасному сексуальному поведению также пишут Г. Р. Хасанова, Л. М. Мухарьмова, С. Т. Аглиуллина и В. А. Анохин. Авторы приходят к выводу о том, что в России по-прежнему распространен стереотип о том, что ВИЧ – болезнь проституток и наркоманов, вследствие чего население недооценивается риск заражения и распространенность заболевания. Кроме того, ВИЧ-инфекция остается одной из наиболее стигматизированных социальных болезней. В обществе распространены ложные представления о путях передачи заболевания, невозможности для людей, живущих с ВИЧ, вести нормальную жизнь и иметь детей, а заболевшие сталкиваются с дискриминацией со стороны работодателей и окружающих (Карабинская, Изатулин, Калягин и др., 2020). При этом, зачастую отсутствуют различия в отношении к зараженным ВИЧ и больным СПИДом, с ВИЧ-инфицированными избегают контактов, а наибольший негативизм наблюдается среди подростков и людей старше 45 лет (Семенов, 2014). Опасения и недостаточная информированность о ВИЧ наблюдается даже среди медицинских работников и студентов медицинских вузов. Так, к примеру,

около половины врачей и медсестер, опрошенных в Ростове-на-Дону (N=266), сказали, что с опасением будут относиться к ВИЧ-инфицированному человеку или вообще постараются избежать с ним контакта (Иволга, Варданян, Лукьянович и др., 2017). А среди 415 опрошенных студентов медицинского факультета УлГУ 24,7% имели более шести половых партнеров за последние 5 лет, 36,7% не используют презервативы, половина допускают использование общих бритвенных принадлежностей с ВИЧ-инфицированными, 11,8% считают, что ВИЧ-инфицированного человека можно определить по внешнему виду, а 78% не знают об уголовной ответственности за передачу ВИЧ другому человеку (Таланова, 2016).

В качестве основных социально-экономических и культурных факторов, повышающих риск заболеваемости ВИЧ-инфекцией, можно выделить следующие: раннее начало половой жизни, множественные половые контакты с различными партнерами, практика незащищенного секса, гомосексуальные половые контакты, использование или предоставление услуг коммерческого секса, наличие вредных привычек, практика употребления наркотических веществ (в особенности вводимых внутривенно), использование нестерильного медицинского оборудования, пребывание в местах заключения, низкая грамотность и недостаточная информированность о способах заражения ВИЧ, низкий уровень доходов, неразвитая медицинская инфраструктура в месте проживания или невозможность обращения за квалифицированной медицинской помощью, а также высокий уровень распространения ВИЧ-инфекции на территории проживания (Волова, Родина, 2014; Харамзин, 2005; Сорокина, Загдын, 2016; Софронов, Зуева, Асланов и др., 2016; Голоднова, Фельдблюм, Юркова и др., 2020). Дополнительно стоит отметить, что перечисленные факторы являются значимыми как для насе-

ления в целом, так и для отдельных социальных групп, например, для женщин, мигрантов, малочисленных коренных народов, лиц, употребляющих наркотики, работников коммерческого секса. Также заметим, что для женщин риск инфицирования ВИЧ во время незащищенных половых контактов выше.

В англоязычной литературе тема здоровьесберегающего поведения применительно к СПИД (AIDS-Preventive Behavior) поднимается, начиная с 80-х годов XX века. Североамериканские исследователи Дж Фишер и В. Фишер в самом начале 1990-х годов предлагали модель сокращения масштабов рискованного поведения, применительно к СПИД, предполагающую, что здоровьесберегающее (или профилактическое) поведение зависит от информации людей о СПИД, их мотивации к снижению риска СПИД, и их поведенческих навыков для выполнения действий, связанных со снижением риска СПИД (Fisher, Fisher, 1992a). Согласно этой модели, информация, имеющая непосредственное отношение к передаче ВИЧ-инфекции, является начальной предпосылкой изменения рискованного поведения, при этом информация, как и мотивация, влияют на изменение поведения, связанного с ВИЧ, в основном, не непосредственно, а через поведенческие навыки. В то же время, предполагалось, что информация о снижении риска и мотивация могут оказывать прямое воздействие на изменение поведения, связанного с риском ВИЧ, когда для осуществления таких изменений не требуются сложные или новые поведенческие навыки (Fisher, Fisher, Misovich et al., 1996).

Заметим, отечественные работы, в которых рассматривается здоровьесберегающее поведение, нечасто пересекаются с исследованиями проблемы распространения ВИЧ, имеют фрагментарный характер, и, в большинстве своем, фокусируются на возрастной группе молодежи. Между тем, ряд

исследований показывает, что в более старших возрастных группах болезнь протекает быстрее, а выживаемость наиболее высока в группе 15-30 лет (Qu, Robinson, Zhang, 2008; Лебедев, 2008). В настоящей статье представлено комплексное рассмотрение как факторов здоровьесберегающего и рискованного поведения, так и их оценка в разрезе различных социально-демографических групп, учтены все основные факторы, способные повышать риск заболевания ВИЧ-инфекцией, представлен статистический анализ данных, позволяющий использовать их при разработке программ профилактики ВИЧ.

Методология и методы (Methodology and methods). Опрос проводился в июле-сентябре 2022 г. в Московской области. Было опрошено 3100 респондентов-жителей Московской области, и по 200 респондентов каждой из целевых групп: лица, употребляющие наркотики (ЛУН) и работники коммерческой секс-индустрии (РКС). Опрос жителей области проводился с использованием маршрутной и квотной выборки. При построении выборки учитывалось 4 критерия, заданных в виде квот: пол, возраст, городская и сельская местность, тип населенного пункта постоянного проживания. При расчете квот использовались данные о численности и структуре населения по полу и возрасту с сайта Управления Федеральной службы государственной статистики по г. Москве и Московской области.

Научные результаты и дискуссия (Research Results and discussion). В анкету, по которой проводилось исследование, были заложены показатели Индекса первичной информирования о ВИЧ, который представляет собой комплекс наиболее

существенных аспектов информированности человека о ВИЧ. Для его расчета использовались переменные, соответствующие следующим вопросам анкеты:

Как бы Вы охарактеризовали ВИЧ-инфекцию?

Какое влияние на организм человека оказывает ВИЧ-инфекция?

Какие биологические среды являются наиболее опасными при передаче ВИЧ-инфекции?

Как можно обнаружить ВИЧ-инфекцию у человека?

Предшествует ли заболеванию скрытый период, когда внешних проявления нет, а человек уже является вирусоносителем и может заражать других людей?

Всегда ли ВИЧ-инфекция переходит в хроническое заболевание?

Может ли ВИЧ-инфицированная женщина родить здорового ребенка?

Как Вы считаете, есть ли лекарства, способные улучшить и продлить жизнь ВИЧ-инфицированному человеку?

Чем характеризуется процесс лечения при ВИЧ-инфицировании?

Можно ли снизить риск инфицирования ВИЧ при постоянном использовании презервативов во время сексуальных контактов?

Результаты исследования показали, что наиболее информированные респонденты более толерантны по отношению к ВИЧ-инфицированным людям, они в большей степени готовы продолжать общение с ВИЧ-инфицированными, среди них ниже доля тех, кто считает, что людей с ВИЧ-инфекцией следует изолировать от общества (Рисунки 1-3).

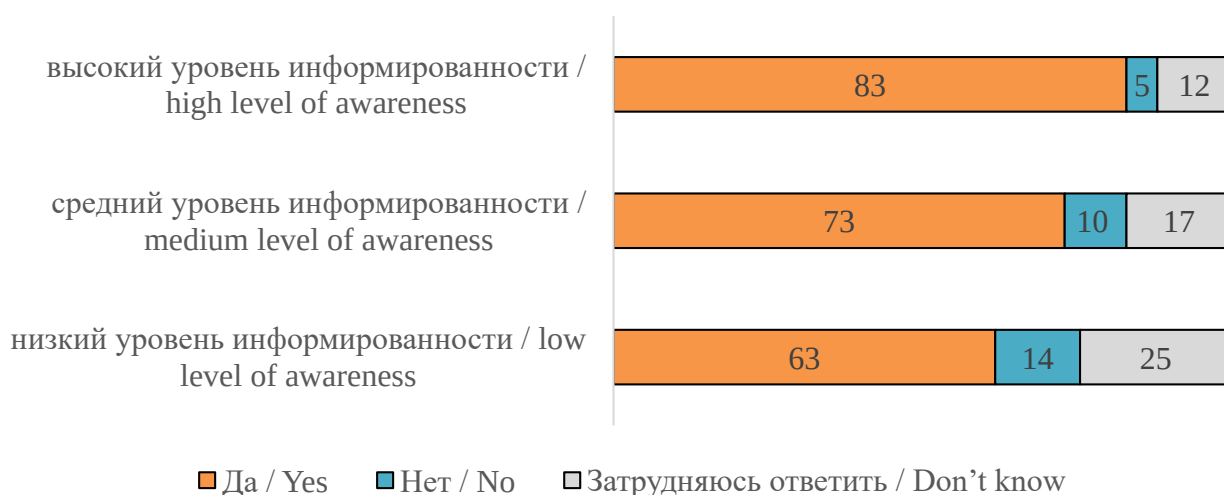

Рисунок 1. Распределение ответов респондентов на вопрос: «Будете ли Вы продолжать общаться с давно и хорошо знакомым Вам человеком, если узнаете, что он/она ВИЧ-инфицирован(а)?» в зависимости от уровня информированности, в %
Figure 1. Distribution of respondents' answers to the question: "Would you continue communicating with a person you have known for a long time if you learnt that he/she is HIV-positive?" depending on the level of awareness, %

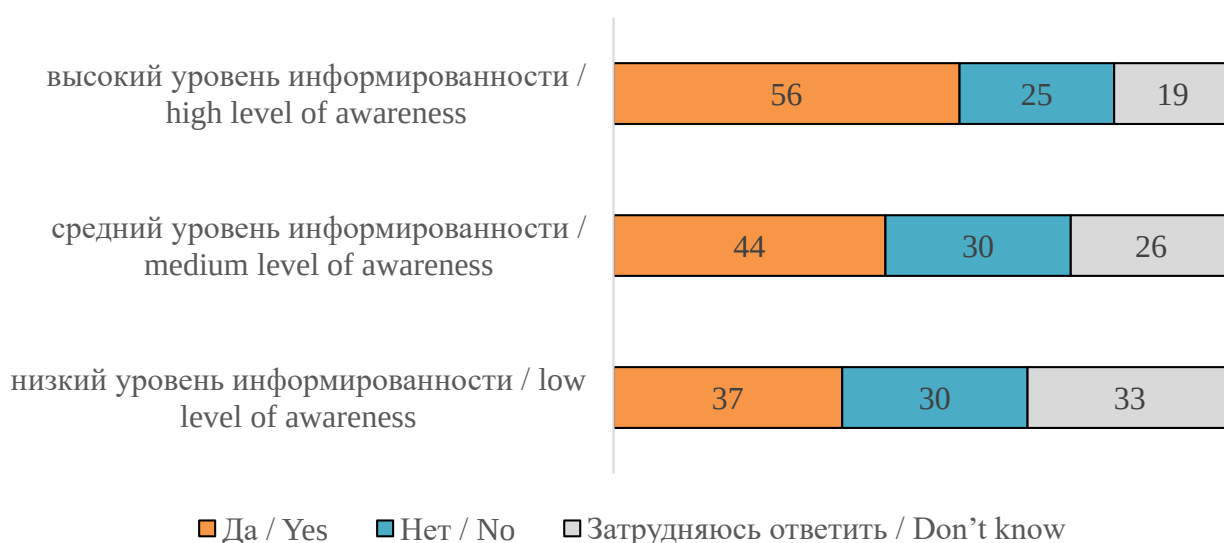

Рисунок 2. Распределение ответов респондентов на вопрос: «Будете ли Вы продолжать общение с новым знакомым (знакомой), зная, что он/она ВИЧ-инфицирован(а)?» в зависимости от уровня информированности, в %
Figure 2. Distribution of respondents' answers to the question: "Would you continue communicating with a new acquaintance knowing that he/she is HIV-infected?" depending on the level of awareness, %

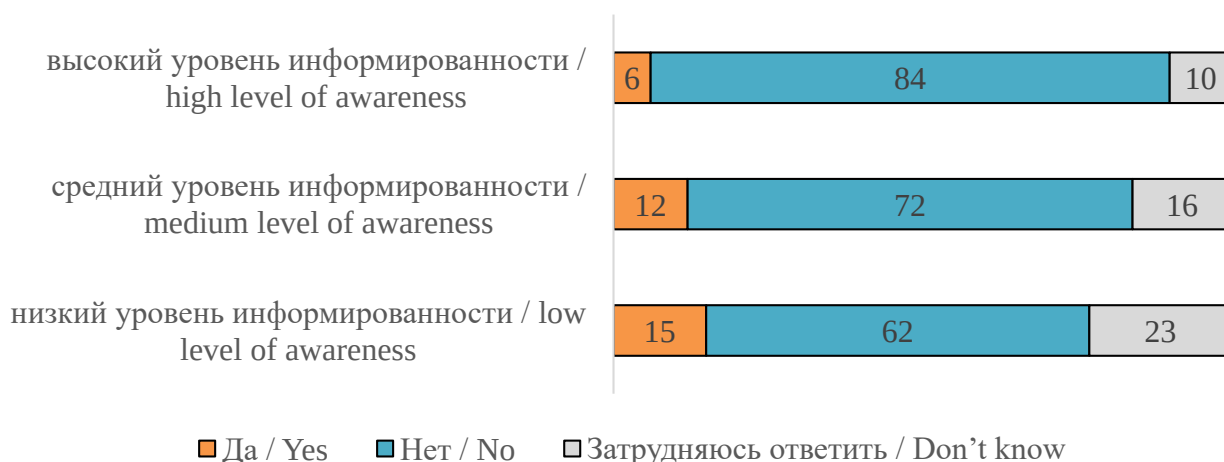

Рисунок 3. Распределение ответов респондентов на вопрос: «Как Вы считаете, нужно ли изолировать от общества ВИЧ-положительных людей, больных СПИДом?» в зависимости от уровня информированности, в %

Figure 3. Distribution of respondents' answers to the question: "Do you think HIV-positive people with AIDS should be isolated from society?" depending on the level of awareness, %

Результаты факторного анализа.

Факторный анализ применяется для снижения размерности пространства признаков. Этой статистической процедуре подвергается блок переменных-утверждений, степень согласия с которыми респондента характеризует его поведение в сексуальной сфере, которое может рассматриваться как связанное с риском заражения ВИЧ-инфекцией.

В результате проведенного факторного анализа методом главных компонент было извлечено два фактора, в совокупности объясняющих 43,4% дисперсии. Значение первого фактора в наибольшей степени определяются переменными-утверждениями 3, 4, 7, 8, 9, 11 («Мне нравится риск, меня заводит спонтанный секс», «Презервативы снижают чувствительность», «У меня несколько постоянных сексуальных партнеров», «Мне нравится испытывать всё новые и новые сексуальные ощущения», «Я считаю нормальным то, что люди покупают сексуальные услуги за деньги», «Я не использую презервативы в том числе потому,

что они дорого стоят»). Первый фактор может быть обозначен как «установки рискованного поведения, связанного с ВИЧ». Значение второго фактора в наибольшей степени определяется переменными 1, 2, 5, 6, 10 («Я избегаю случайных сексуальных контактов», «Я всегда использую презервативы», «Прежде, чем перейти к незащищенному сексу с новым партнером, я предложу сдать анализы», «Прежде, чем перейти к незащищенному сексу, мне необходимо узнать человека поближе», «Если произойдет какая-нибудь рискованная ситуация, я обязательно пойду и сдам тест на ВИЧ»). Второй фактор может быть обозначен как «установки здоровьесберегающего поведения, связанного с ВИЧ». Высокие и низкие значения полученных факторных переменных соответствуют направленности шкалы исходных переменных, использованных для факторного анализа, где более высокие значения означают, что респондент считает данное утверждение в той или иной степени относящимся к нему, а более низкие – не относящимся.

Результаты факторного анализа. Матрица главных компонент после вращения
Table 1

Results of factor analysis. Matrix of principal components after rotation

	Компоненты	
	1-ая компонента / 1st component	2-ая компонента / 2nd component
Я избегаю случайных сексуальных контактов / I avoid casual sexual contacts	-0,314	0,578
Я всегда использую презервативы / I always use condoms	-0,002	0,756
Мне нравится риск, меня заводит спонтанный секс / I like risk, spontaneous sex turns me on	0,703	0,067
Презервативы снижают чувствительность / Condoms reduce sensitivity	0,706	0,055
Прежде, чем перейти к незащищенному сексу с новым парт- нером, я предложу сдать анализы / Before having unprotected sex with a new partner, I will suggest getting tested	0,289	0,503
Прежде, чем перейти к незащищенному сексу, мне необхо- димо узнать человека поближе / Before I have unprotected sex, I need to get to know the person better	0,182	0,574
У меня несколько постоянных сексуальных партнеров / I have several regular sexual partners	0,717	-0,004
Мне нравится испытывать всё новые и новые сексуальные ощущения / I like to experience more and more new sexual sen- sations	0,759	-0,016
Я считаю нормальным то, что люди покупают сексуальные услуги за деньги / I think it's normal that people buy sexual ser- vices for money	0,619	0,093
Если произойдет какая-нибудь рискованная ситуация, я обя- зательно пойду и сдам тест на ВИЧ / If any risky situation hap- pens, I will definitely go and get tested for HIV	-0,058	0,622
Я не использую презервативы в том числе потому, что они дорого стоят / I don't use condoms because they are expensive	0,443	-0,033

Метод парных корреляций (корреляция Пирсона) показывает, что рассчитанный нами индекс первичной информированности о ВИЧ связан статистически значимой корреляцией только со вторым полученным фактором. Следует отметить, что фиксируемая связь является статистической, а не причинно-следственной, и, таким

образом, не позволяет однозначно утверждать, что более высокая информированность о ВИЧ-инфекции положительно воздействует на складывание у индивидов комплекса установок здоровьесберегающего поведения, а не, наоборот, сама является следствием наличия таких установок,

тем не менее, такое предположение представляется логичным. Значимая корреляция между информированностью и первым фактором, обозначенным нами как «установки рискованного поведения, связанного с ВИЧ», отсутствует. Таким образом, этот

комплекс установок не связан с первичной информированностью о ВИЧ, и низкий уровень информированности сам по себе не способствует развитию установок рискованного поведения.

Таблица 2

Корреляция Пирсона

Table 2

Pearson correlation

	Компоненты Components	
	1-ая компо- нента / 1st component	2-ая компо- нента / 2nd component
Индекс первичной информированности населения о ВИЧ / Index of primary awareness of the population about HIV	-0,029	0,210**

** Корреляция значима на уровне 0,01 (двухсторонняя) / The correlation is significant at the 0.01 level (2-tailed).

Обе получившиеся факторные переменные связаны значимой отрицательной корреляцией средней силы с возрастом (более сильно – вторая): в целом, чем моложе респондент, тем выше значение факторной переменной. Также оба фактора связаны значимой корреляцией с полом (более сильно – первый). Таким образом, мужская часть выборки в целом более определенно обозначает собственные установки, как относящиеся к здоровьесберегающему поведению, так и к рискованному поведению. Первый и второй факторы также связаны значимой корреляцией с фиктивной переменной «высшее образование», но с разным знаком: первый фактор коррелирует с высшим образованием с отрицательным знаком; второй фактор связан с высшим образованием несколько более сильной положительной корреляцией. Таким образом, респонденты с высшим образованием в целом более склонны декларировать установки, характеризующие здоровьесберегающее поведение, связанное с ВИЧ. Также отмеча-

ются корреляции обоих факторов с фиктивными переменными семейного положения: первый фактор, характеризующий установки рискованного поведения, отрицательно коррелирует с фиктивной переменной «женат/замужем» и положительно коррелирует с фиктивной переменной «холост».

Методика построения переменной «Установки поведения, связанного с ВИЧ». На первом этапе конструирования переменной «Установки поведения, связанного с ВИЧ» на основании результатов факторного анализа методом главных компонент 11 переменных-утверждений из вопроса 26 были разделены на группу утверждений, характеризующих рискованное поведение (соответствующую первому получившемуся фактору), и группу утверждений, характеризующих здоровьесберегающее поведение (соответствующую второму получившемуся фактору). Следующие утверждения составили первую группу: «Мне нравится риск, меня заводит спонтанный секс, который намного лучше секса «по

расписанию»», «Презервативы снижают чувствительность, гораздо приятнее заниматься сексом без них. Можно немножко рискнуть ради этого», «У меня несколько постоянных сексуальных партнеров, которым я доверяю. И это нормально для темпераментного человека, который хочет жить яркой и насыщенной жизнью», «Мне нравится испытывать всё новые и новые сексуальные ощущения с разными партнерами. Я посещаю сексуальные вечеринки и специально организованные встречи», «Я считаю нормальным то, что люди покупают сексуальные услуги за деньги. От этого всем хорошо: клиент не тратит время на поиск партнера; работники секс-услуг зарабатывают деньги на жизнь». Во вторую группу вошли утверждения: «Я избегаю случайных сексуальных контактов, предпочитаю секс с одним проверенным партнером», «Я всегда использую презервативы, даже в, казалось бы, безопасных ситуациях. Лучше перестраховаться», «Прежде, чем перейти к незащищенному сексу с новым партнером, я предложу сдать анализы на половые инфекции, ВИЧ и гепатит», «Прежде, чем перейти к незащищенному сексу, мне необходимо узнать человека поближе, узнать его/её образ

жизни, привыкнуть. Справку я требовать не буду», «Если произойдет какая-нибудь рискованная ситуация (например, секс без презерватива с непостоянным партнером), я обязательно пойду и сдам тест на ВИЧ». Переменная-утверждение «Я не использую презервативы, в том числе потому, что они дорого стоят» с невысокой факторной нагрузкой по обоим полученным факторам была исключена из рассмотрения. На втором этапе значения первой группы переменных были просуммированы в переменную «Установки рискованного поведения», а значения второй группы переменных, соответственно — в переменную «Установки здоровьесберегающего поведения». Поскольку изначальные переменные данного блока имеют пятибалльную шкалу, новые суммированные переменные принимают значение от 5 до 25. Обе полученные переменные были перекодированы в переменные с трехбалльной шкалой (низкие, средние и высокие значения). На последнем этапе итоговая переменная «Установки поведения, связанные с ВИЧ» была получена путем объединения и перекодирования значений этих двух переменных, как это показано в Таблице 3.

Таблица 3

Значения переменных, использованные при построении итоговой переменной
«Установки поведения, связанные с ВИЧ»

Table 3

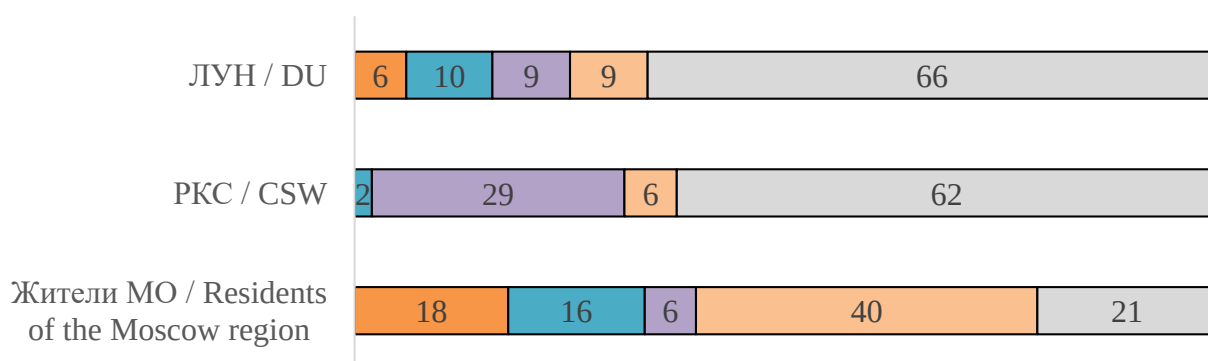
Variable values used to construct the final variable “HIV-related behavioral attitudes”

Установки здоровьесберегающего поведения Settings for health-saving behavior	Установки рискованного поведения Attitudes towards risky behavior		
	Низкие значения (5) Low values	Средние значения (6-9) Average values	Высокие значения (10-25) High values
Низкие значения (5-15) Low values	Установки обоих типов поведения слабо выражены The attitudes of both types of behavior are weakly expressed		Преобладающие установки рискованного поведения Prevailing attitudes towards risky behavior
Средние значения (16-20) Average values		Установки обоих типов поведения умеренно выражены	

		The attitudes of both types of behavior are moderately expressed	
Высокие значения (21-25) High values	Преобладающие установки здоровьесберегающего поведения Prevailing attitudes towards health-saving behavior		Установки обоих типов поведения сильно выражены The attitudes of both types of behavior are strongly expressed

Распространенность двух типов установок поведения, связанного с ВИЧ. Среди жителей Московской области установки здоровьесберегающего поведения преобладают у 40%. У 18% установки обоих типов поведения выражены слабо, у 16% установки обоих типов выражены умеренно, и у 6% установки обоих типов выражены сильно. У примерно пятой части жи-

телей области преобладают установки рискованного поведения (21%). В группах РКС и ЛУН преобладание установок рискованного поведения отмечается у примерно двух третей респондентов (62% и 66% соответственно). В группе РКС 29% респондентов имеют сильно выраженные установки обоих типов, что нехарактерно для других групп (Рис. 4).

- Установки обоих типов поведения слабо выражены / The attitudes of both types of behavior are weakly expressed
- Установки обоих типов поведения умеренно выражены / The attitudes of both types of behavior are moderately pronounced
- Установки обоих типов поведения сильно выражены / The attitudes of both types of behavior are strongly expressed
- В основном установки здоровьесберегающего поведения / Mostly health-saving behavior attitudes
- В основном установки рискованного поведения / Mostly risky behavior attitudes

Рисунок 4. Установки рискованного и здоровьесберегающего поведения в группах, в %
Figure 4. Attitudes towards risky and health-saving behavior in groups, %

У мужчин чаще, чем у женщин, преобладают установки рискованного поведения (28% и 15% соответственно). В свою очередь, у женщин чаще, чем у мужчин, преобладают установки здоровьесберегающего

поведения (45% и 33% соответственно). Также среди женщин выше доля группы со слабовыраженными установками обоих типов поведения (23% по сравнению с 12% среди мужчин) (Рис. 5).

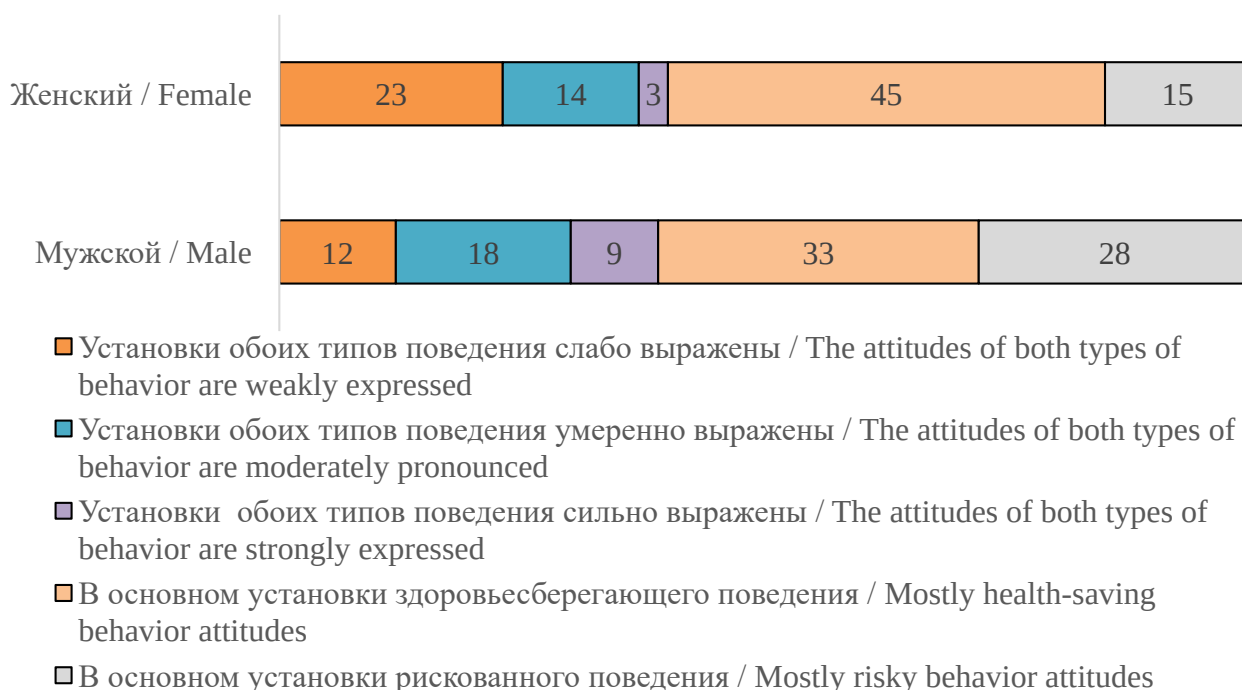

Рисунок 5. Установки рискованного и здоровьесберегающего поведения жителей МО в зависимости от пола, в %

Figure 5. Attitudes towards risky and health-saving behavior of residents of the Moscow Region depending on gender, %

Среди респондентов с преобладающими установками здоровьесберегающего поведения наиболее высока доля тех, кто имеет высокий уровень информированности о ВИЧ. Наибольшие доли респондентов с низким и средним уровнем информированности отмечаются в группе респондентов с преобладающими установками рискованного поведения и среди респондентов

группы со слабо выраженными установками обоих типов поведения (Рис. 6).

Наибольшие доли респондентов с преобладанием установок рискованного поведения отмечаются среди тех, кто очень обеспокоен возможностью заразиться ВИЧ-инфекцией, и тех, кто иногда об этом задумывается (Рис. 7).

Рисунок 6. Установки рискованного и здоровьесберегающего поведения респондентов в зависимости от уровня информированности, в %

Figure 6. Attitudes towards risky and health-saving behavior of respondents depending on the level of awareness, %

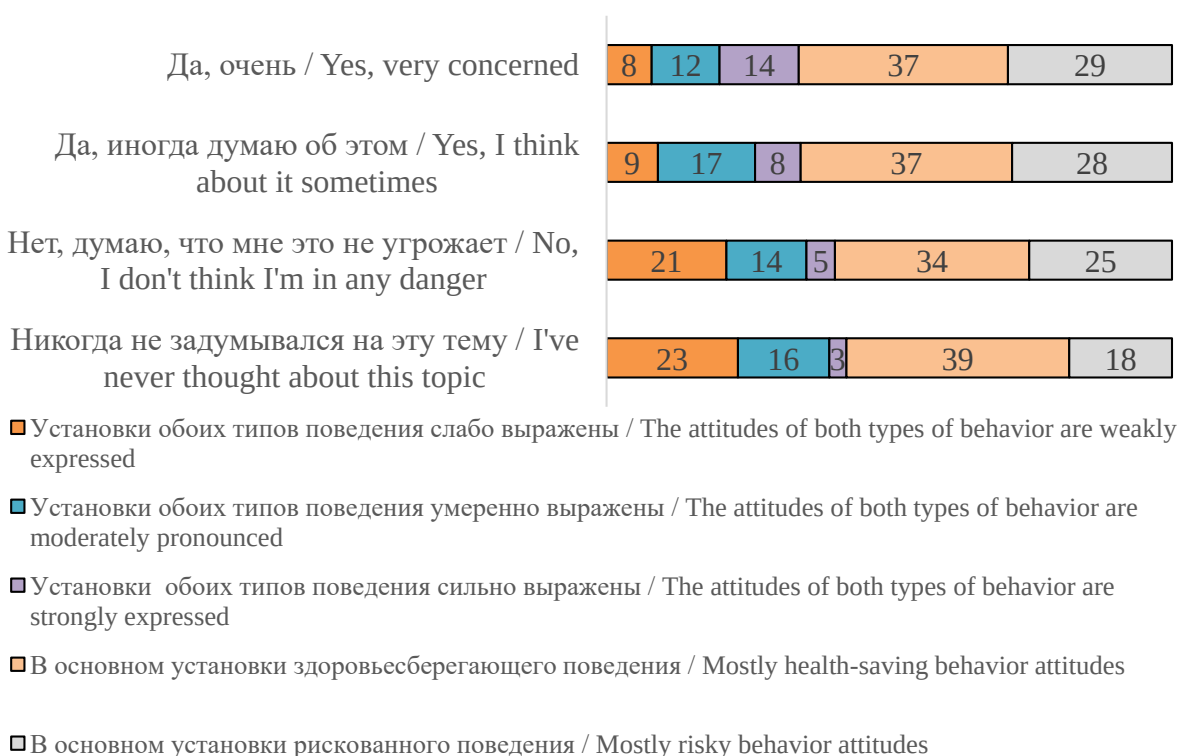
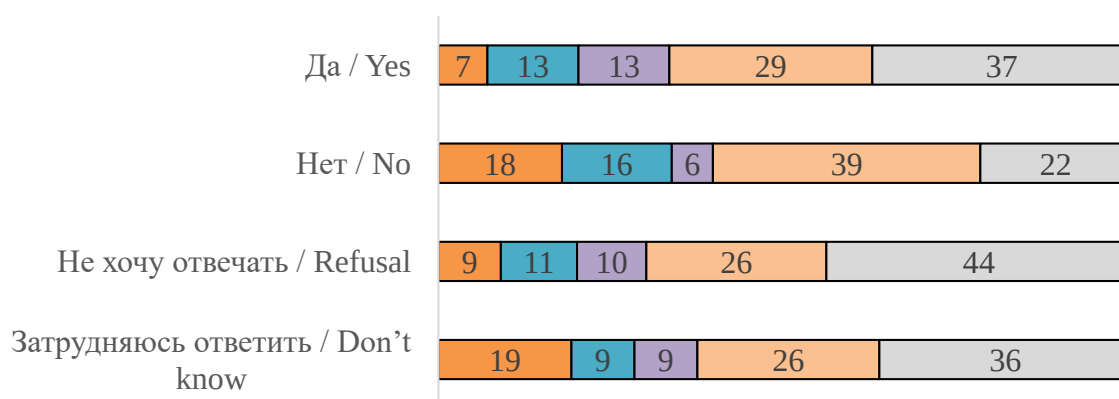

Рисунок 7. Распределение ответов респондентов с разными установками поведения на вопрос: «Обеспокоены ли Вы возможностью заразиться ВИЧ?», в %

Figure 7. Distribution of answers from respondents with different behavioral attitudes to the question: "Are you concerned about the possibility of contracting HIV?", %

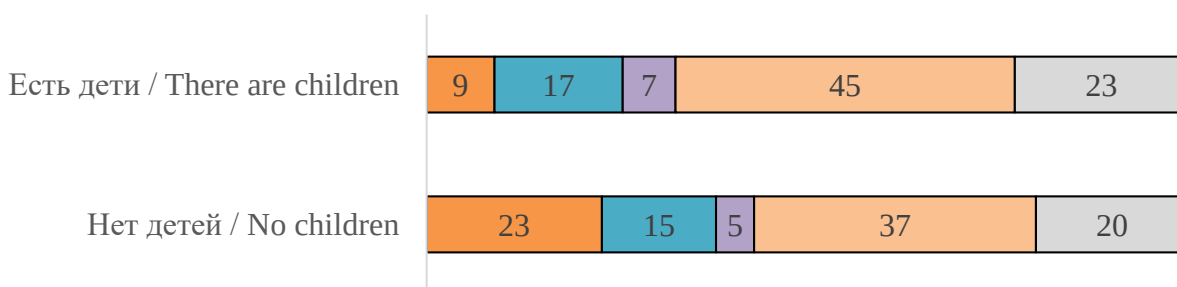
Ожидаемо наименьшая доля респондентов с преобладанием установок рискованного поведения и наибольшая доля респондентов с преобладанием установок здоровьесберегающего поведения отмечаются в группе респондентов, не имеющих в своем окружении больных или инфицированных ВИЧ (Рис. 8).

Среди респондентов, у которых есть несовершеннолетние дети, выше доля тех, у кого преобладают установки здоровьесберегающего поведения (45% по сравнению с 37% среди тех, у кого нет детей). Среди респондентов без детей больше доля тех, у кого установки обоих типов выражены слабо (23% по сравнению с 9% среди тех, у кого есть дети) (Рис. 9).

- Установки обоих типов поведения слабо выражены / The attitudes of both types of behavior are weakly expressed
- Установки обоих типов поведения умеренно выражены / The attitudes of both types of behavior are moderately pronounced
- Установки обоих типов поведения сильно выражены / The attitudes of both types of behavior are strongly expressed
- В основном установки здоровьесберегающего поведения / Mostly health-saving behavior attitudes
- В основном установки рискованного поведения / Mostly risky behavior attitudes

Рисунок 8. Распределение ответов респондентов с разными установками поведения на вопрос: «Есть ли в Вашем окружении люди больные (инфицированные) ВИЧ?», в %
Figure 8. Distribution of responses of respondents with different behavioral attitudes to the question: “Are there people in your environment who are sick (infected) with HIV?”, %

- Установки обоих типов поведения слабо выражены / The attitudes of both types of behavior are weakly expressed
- Установки обоих типов поведения умеренно выражены / The attitudes of both types of behavior are moderately pronounced
- Установки обоих типов поведения сильно выражены / The attitudes of both types of behavior are strongly expressed
- В основном установки здоровьесберегающего поведения / Mostly health-saving behavior attitudes
- В основном установки рискованного поведения / Mostly risky behavior attitudes

Рисунок 9. Установки рискованного и здоровьесберегающего поведения жителей МО в зависимости от наличия детей, в %

Figure 9. Attitudes towards risky and health-saving behavior of residents of the Moscow Region depending on having children, %

Заключение (Conclusions). *Отношение к людям, живущим с ВИЧ.* Индекс первичной информированности связан значимой корреляционной связью с переменными, описывающими характер отношения к людям, живущим с ВИЧ. Респондентам задавались три вопроса об их отношении к людям, живущим с ВИЧ: «Будете ли Вы продолжать общаться с давно и хорошо знакомым Вам человеком, если узнаете, что он/она ВИЧ-инфицирован(а)?», «Будете ли Вы продолжать общение с новым знакомым (знакомой), зная, что он/она ВИЧ-инфицирован(а)?», «Как Вы считаете, нужно ли изолировать от общества ВИЧ-положительных людей, больных СПИДом?». Респонденты с более высоким уровнем первичной информированности о ВИЧ статистически значимо чаще отвечают положительно на первые два вопроса и отрицательно – на третий вопрос. Хотя в строгом смысле статистическая корреляция не свидетельствует о причинно-следственной связи и ее направленности, в данном случае

логичным кажется предположение, что этот результат говорит о положительном влиянии информированности о ВИЧ на толерантное отношение к людям, живущим с ВИЧ.

Список литературы

- Антонов А. И. Микросоциология семьи (методология исследования структур и процессов). М.: Издательский дом «Nota Bene», 1998. 313 с.
- Биловус В. К. Здоровьесберегающее поведение молодежи как результат социализации // Научная мысль Кавказа. 2008. № 2. С. 134-143.
- Биловус В. К. Цели-ценности и медико-социальные параметры здоровьесберегающего поведения молодежи: Дис. ... канд. соц. наук. Волгоград, 2008. 157 с.
- Вангородская С. А. Факторы самосохранительного поведения населения региона (по результатам эмпирических исследований) // Научный результат. Социология и управление. 2018. № 4. С. 13-26.

Волова Л. Ю., Родина Е. В. Эпидемиологическая ситуация по ВИЧ-инфекции среди представителей коренных малочисленных народов Севера // Журнал инфектологии. 2014. № 6. С. 76-82.

Голоднова С. О., Фельдблюм И. В., Юркова Л. В., Сармометов Е. В., Николенко В. В. Факторы инфицирования и распространения ВИЧ среди лиц из групп социального риска // Анализ риска здоровью. 2020. № 4. С. 130-136.

Гофман И. Стигма: Заметки об управлении испорченной идентичностью / И. Гофман; пер. с англ. М. С. Добряковой. Ч. 1, 2. 40 с.

Гришина Ю. Ю., Мартынов Ю. В., Кухтевич Е. В. Модель сексуального поведения молодежи // Инфекционные болезни: Новости. Мнения. Обучение. 2016. № 1. С. 114-118.

Журавлева И. В. Отношение к здоровью индивида и общества. М.: Наука, 2006. 238 с.

Журавлева И. В., Иванова Л. Ю. Мигранты: социально-экономические условия жизни, влияющие на здоровье, и обращаемость в российские медицинские учреждения (результаты опроса в Санкт-Петербурге) // Социальные аспекты здоровья населения. 2015. № 3. С. 1-13.

Зубок Ю. А., Проказина Н. В. Отношение молодежи к новой коронавирусной инфекции: динамика представлений и практики здоровьесберегающего поведения // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2021. № 29. С. 752-757.

Иволга Н. С., Варданян Н. Б., Лукьянович Е. Ю., Литвинова Ю. В. Оценка уровня информированности медицинских работников и студентов РОСТГМУ о ВИЧ-инфекции // Профилактика ВИЧ в среде студенческой и работающей молодежи: Материалы II Всероссийской конференции. Волгоград: Волгоградское научное издательство, 2017. С. 49-53.

Ковальчук О. В., Лазуренко Н. В., Нифонтова В. А. Здоровьесберегающее поведение студенческой молодежи: факторы формирования и условия сохранения // Nomothetika: Философия. Социология. Право. 2021. № 3. С. 461-473.

Кошкина Е. А. Современное состояние проблемы распространённости наркомании и алкоголизма в России // Федеральный справочник. Здравоохранение в России. 2014. Т. 14.

Лебедев П. В. Современные тенденции распространения и медико-социальная значимость ВИЧ-инфекции в Краснодарском крае: Дис. ... канд. мед. наук. Москва, 2008. 160 с.

Лисицын Ю. П. Слово о здоровье. М.: Советская Россия, 1986. 192 с.

Немова О. А., Кутепова Л. И., Ревитина В. В. Здоровье как ценность: мечта или реальность // Журнал научных статей здоровье и образование в XXI веке. 2016. № 1. С. 155-157.

Основные пути передачи ВИЧ-инфекции среди лиц групп риска в Иркутской области / О. А. Карабинская, В. Г. Изатулин, А. Н. Калягин, А. В. Завьялов, И. В. Федурин // Философия здоровья: интегральный подход: межвуз. сб. науч. тр. Иркутск: ИГМУ, 2020. С. 105-114.

Позднякова М. Е. Рискованное сексуальное поведение как фактор распространения ВИЧ-инфекции. Часть 2 // Социологическая наука и социальная практика. 2018. Т. 6, № 4. С. 105-117.

Предупреждение ВИЧ/СПИДа среди молодых людей: фактические данные из развивающихся стран об эффективных методах работы. Краткое содержание выпуска № 938 серии технических докладов ВОЗ. 2006. 8 с.

Рыбаковский Л. Л. Демографическое будущее России и миграционные процессы // Социологические исследования. 2005. № 3. С. 71-81.

Семенов Н. С. Восприятие ВИЧ-инфекции населением Кировской области // Вятский медицинский вестник. 2014. № 1. С. 26-31.

Сорокина С. А., Загдын З. М. Социально-экономические, культурные и психологические факторы, влияющие на распространение туберкулеза и ВИЧ-инфекции среди коренных малочисленных народов России (обзор) // Медицинский альянс. 2016. № 3. С. 24-29.

Софронов А. Г., Зуева Л. П., Асланов Б. И., Дардынская И. В., Weine S., Добровольская А. Е., Дардынский О. А., Чашин В. П., Чашин М. В. Многоуровневая оценка биосоциальных факторов риска ВИЧ-инфекции среди трудовых мигрантов // Журнал микробиологии, эпидемиологии и иммунологии. 2016. № 3. С. 81-87.

Таланова В. Ф. Оценка информированности студентов в вопросе профилактики ВИЧ-инфекции // Вестник Совета молодых учёных и специалистов Челябинской области. 2016. № 2. С. 63-69.

Ушакова Я. В. Практики самосохранительного поведения студенческой молодежи: социологический анализ: Дис. ... канд. соц. наук. Нижний Новгород, 2010. 167 с.

Харамзин Т. Г. Здоровье обских угров в зеркале общественного мнения // Медико-социальные проблемы коренных малочисленных народов Севера: тезисы докладов международной научно-практической конференции. Ханты-Мансийск, 2005. С. 92-94.

Хасанова Г. Р., Мухарьямова Л. М., Аглиуллина С. Т., Анохин В. А. Анализ факторов риска заражения женщин ВИЧ-инфекцией // Медицинский вестник Северного Кавказа. 2017. № 12. С.374-378.

Шилова Л. С. Стресс, здоровье и изменение самосохранительного поведения населения Москвы за годы реформ // Россия: риски и опасности «переходного» общества / под ред. О. Н. Яницкого. 1998. С. 161-191.

Шклярчук В. Я. Формирование самосохранительного поведения в условиях перехода России к расширенному воспроизводству населения: Дис. ... д-ра. соц. наук. Саратов, 2013. 327 с.

Ядов В. А. Социологические исследования. Методология. Программа. Методы. М.: Наука, 1972.

Amirkhanian Y. A., Kuznetsova A. V., Kelly J. A., DiFranceisco W. J., Musatov V. B., Avsukevich N. A. and McAuliffe T. L. Male labor migrants in Russia: HIV risk behavior levels, contextual factors, and prevention needs // Journal of Immigrant and Minority Health. 2011. № 13. Pp. 919-928.

Burrows T. L., Whatnall M. C., Patterson A. J. and Hutchesson M. J. Associations between Dietary Intake and Academic Achievement in College Students: A Systematic Review // Healthcare. 2017. № 5. P. 60.

Deane K. D., Parkhurst J. O. and Johnston D. Linking migration, mobility and HIV // Tropical Medicine & International Health. (2010). № 15. Pp. 1458-1463.

Fisher J. D. Fisher W. A., Misovich S. J. Kimble D. L. and Malloy T. E. Changing AIDS risk behavior: Effects of an intervention emphasizing AIDS risk reduction information, motivation, and behavioral skills in a college student population // Health Psychology. 1996. № 15. Pp. 114-123.

Fisher W. A. and Fisher J. D. Understanding and promoting AIDS preventive behaviour: A conceptual model and educational tools // Canadian

Journal of Human Sexuality. 1992. № 1. Pp. 99-106.

Fisher J. D. and Fisher W. A. Changing AIDS-risk behavior // Psychol Bull. 1992. № 111. Pp. 455-474.

Gerbner G., Gross L. and Morgan V. Growing up with television: the cultivation perspective, in Bryant, J. and Zillmann, D. (eds.) // Media effects: Advances in theory and research. Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum Associates. 1994. Pp. 17-41.

Gerrard M., Gibbons F. X., Warner T. D. and Smith G. E. Perceived vulnerability to HIV infection and AIDS preventive behavior: A critical review of the evidence, in Pryor, J. B. and Reeder, G. D. (eds.) // The social psychology of HIV infection. Lawrence Erlbaum Associates. 1993. Pp. 59-84.

Heidari M., Borujeni M. B., Borujeni M. G. and Shirvani M. Relationship of Lifestyle with Academic Achievement in Nursing Students // J Clin Diagn Res. 2017. JC01-JC03.

Link B. and Phelan J. Conceptualizing Stigma // Annual Review of Sociology. 2001. № 27. Pp. 363-385.

Parker R. and Aggleton P. HIV and AIDS-related stigma and discrimination: a conceptual framework and implications for action // Social Science & Medicine. 2003. № 57. Pp. 13-24.

Qu W., Robinson M. and Zhang F. Factors influencing the natural history of HIV-1 infection // Chinese Medical Journal. 2008. № 121. Pp. 2613-2621.

Tichenor P. A., Donohue G. A. and Olien C. N. Mass media flow and differential growth in knowledge // Public Opinion Quarterly. 1970. № 34. Pp. 159-170.

Weine S. M. and Kashuba A. B. Labor migration and HIV risk: a systematic review of the literature // AIDS and Behavior. 2012. № 16. Pp. 1605-21.

References

Antonov, A. I. (1998), *MikroSotsiologiya sem'i (metodologiya issledovaniya struktur i processov)* [Microsociology of the family (methodology for the study of structures and processes)], Nota Bene, Moscow. (In Russian)

Bilovus, V. K. (2008), "Health-saving behavior of youth as a result of socialization", *Scientific thought of Caucasus*, (2), 134-143. (In Russian)

Bilovus, V. K. (2008), "Goals-values and medical and social parameters of health-saving behavior of young people", Ph.D. Thesis, Volgograd

State Medical University, Volgograd, Russia. (In Russian)

Vangorodskaya, S. A. (2018), "Factors of self-preservation behavior of the population of the region (based on the results of empirical studies)", *Research Result. Sociology and Management*, (4), 13-26. (In Russian)

Volova, L. Yu. and Rodina, E. V. (2014), "Epidemiological situation of HIV infection among representatives of the indigenous peoples of the North", *Zhurnal infektologii*, (6), 76-82. (In Russian)

Golodnova, S. O., Fel'dblyum, I. V., Yurkova, L. V., Sarmometov, E. V. and Nikolenko, V. V. (2020), "Factors of HIV infection and spread among people from social risk groups", *Health Risk Analysis*, (4), 130-136. (In Russian)

Gofman, I. (1963), *Stigma: Zametki ob upravlenii isporchennoy identichnost'yu* [Stigma: Notes on the management of spoiled identity], Prentice-Hall, N.Y. (In Russian)

Grishina, Yu. Yu., Martynov, Yu. V. and Kuhtevich, E. V. (2016), "The model of sexual behavior of young people", *Infectious Diseases: News, Opinions, Training*, (1), 114-118. (In Russian)

Zhuravleva, I. V. (2006), *Otnoshenie k zdorov'yu individov i obshchestva* [Attitude to the health of the individual and society], Nauka, Moscow, Russia. (In Russian)

Zhuravleva, I. V. and Ivanova, L. Yu. (2015), "Migrants: socio-economic living conditions affecting health and access to Russian medical institutions (survey results in St. Petersburg)", *Social aspects of population health*, (3), 1-13. (In Russian)

Zubok, Yu. A. and Prokazina, N. V. (2021), "The attitude of young people to the new coronavirus infection: the dynamics of ideas and practices of health-saving behavior", *Problems of social hygiene, public health and history of medicine*, (29), 752-757. (In Russian)

Ivolga, N. S., Vardanyan, N. B., Lukyanovich, E. Yu. and Litvinova, Yu. V. (2017), "Assessment of the level of awareness of medical workers and students of ROSTSMU about HIV infection", *Proc. 2th all-Russian conference "Profilaktika VICH v srede studencheskoy i rabotayushhey molodezhi"* [HIV prevention among students and working youth], Volgograd, Russia, 49-53. (In Russian)

Kovalchuk, O. V., Lazurenko, N. V. and Nifontova, V. A. (2021), "Health-saving behavior

of students: factors of formation and conditions of preservation", *Nomothetika: Philosophy. Sociology. Law*, (3), 461-473. (In Russian)

Koshkina, E. A. (2014), "The current state of the problem of the prevalence of drug addiction and alcoholism in Russia", *Federalny spravochnik. Zdravooohranenie v Rossii*, (14). (In Russian)

Lebedev, P. V. (2008), "Current trends in the spread and medical and social significance of HIV infection in the Krasnodar Territory", Ph.D. Thesis, Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, Moscow, Russia. (In Russian)

Lisitsyn, Yu. P. (1986), *Slovo o zdorovie* [Word about health], Sovetskaya Rossiya, Moscow, Russia. (In Russian)

Nemova, O. A., Kutepova, L. I. and Revitina, V. V. (2016), "Health as a value: dream or reality", *Health and education in the XXI century*, (1), 155-157. (In Russian)

Karabinskaya, O. A., Izatulin, V. G., Kal'yagin, A. N., Zavyalov, A. V. and Fedurina, I. V. (2020), "The main ways of HIV transmission among people at risk in the Irkutsk region", *Filosofiya zdorov'ya: integralny podkhod* [Philosophy of health: an integral approach], Irkutsk State Medical University, Irkutsk, Russia, 105-114. (In Russian)

Pozdnyakova, M. E. (2018), "Risky sexual behavior as a factor in the spread of HIV infection. Part 2", *Sociological Science and Social Practice*, (4), 105-117. (In Russian)

HIV prevention/AIDS among young people: evidence from developing countries on effective working methods. № 938 of the WHO Technical Reports series (2006), (8). (In Russian)

Rybakovskiy, L. L. (2005), "Demographic future of Russia and migration processes", *Sociological Studies*, (3), 71-81. (In Russian)

Semenov, N. S. (2014), "Perception of HIV infection by the population of the Kirov region", *Vyatskiy meditsinskiy vestnik*, (1), 26-31. (In Russian)

Sorokina, S. A. and Zagdyn, Z. M. (2016), "Socio-economic, cultural and psychological factors influencing the spread of tuberculosis and HIV infection among the indigenous peoples of Russia (review)", *Medical Alliance*, (3), 24-29. (In Russian)

Sofronov, A. G., Zueva, L. P., Aslanov, B. I., Dardynskaya, I. V., Weine, S., Dobrovol'skaya, A. E., Dardynskiy, O. A., Chashhin, V. P. and Chashhin, M. V. (2016), "Multilevel assessment of

biosocial risk factors for HIV infection among migrant workers", *Journal of Microbiology, Epidemiology and Immunobiology*, (3), 81-87. (In Russian)

Talanova, V. F. (2016), "Assessment of students' awareness of HIV prevention", *Vestnik Soveta molodyh uchyonyh i spetsialistov Chelyabinskoy oblasti*, 2, 63-69. (In Russian)

Ushakova, Ya. V. (2010), Practices of self-preservation behavior of students: a sociological analysis, Ph.D. Thesis, National Research Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod, Nizhniy Novgorod, Russia. (In Russian)

Haramzin, T. G. (2005), "Health of Ugric population living in the Ob river region in the view of public opinion", *Proceedings of International Scientific and Practical Conference "Health and social problems of indigenous low-numbered people of the North"*, Khanty-Mansiysk, Russia, 92-94. (In Russian)

Hasanova, G. R., Muharyamova, L. M., Agliullina, S. T. and Anohin V. A. (2017), "Analysis of risk factors for HIV infection in women", *Medical News of North Caucasus*, (12), 374-378. (In Russian)

Shilova, L. S. (1998), "Stress, health and changes in the self-preservation behavior of the population of Moscow over the years of reforms", in Yanitskiy O. N. (ed.), *Rossiya: riski i opasnosti "perekhodnogo" obshchestva* [Russia: risks and dangers of a "transitional" society], Izdatel'stvo instituta sotsiologii RAN, Moscow, Russia, 161-191. (In Russian)

Shklyaruk, V. Ya. (2013), *Formirovanie samosokhranitel'nogo povedeniya v usloviyakh perekhoda Rossii k rasshirennomu vosproizvodstvu naseleniya* [Formation of self-preserving behavior in the conditions of Russia's transition to expanded reproduction of the population], D. Sc. Thesis, Saratov Socio-Economic Institute, Saratov, Russia. (In Russian)

Yadov, V. A. (1972), *Sotsiologicheskie issledovaniya. Metodologiya. Programma. Metody* [Sociological research. Methodology. Program. Methods], Nauka, Moscow, Russia. (In Russian)

Amirkhanian, Y. A., Kuznetsova, A. V., Kelly, J. A., DiFranco, W. J., Musatov, V. B., Avsukevich, N. A. and McAuliffe, T. L. (2011), Male labor migrants in Russia: HIV risk behavior levels, contextual factors, and prevention needs, *Journal of Immigrant and Minority Health*, (13), 919-928.

Burrows T. L., Whatnall M. C., Patterson A. J. and Hutchesson M. J. (2017), Associations between Dietary Intake and Academic

Achievement in College Students: A Systematic Review, *Healthcare*, (5), 60.

Deane, K. D., Parkhurst, J. O. and Johnston, D. (2010), Linking migration, mobility and HIV, *Tropical Medicine & International Health*, (15), 1458-1463.

Fisher, W. A. and Fisher, J. D. (1992), Understanding and promoting AIDS preventive behaviour: A conceptual model and educational tools, *Canadian Journal of Human Sexuality*, (1), 99-106.

Fisher, J. D. and Fisher, W. A. (1992), Changing AIDS-risk behavior, *Psychol Bull*, (111), 455-474.

Fisher, J. D. Fisher, W. A., Misovich, S. J. Kimble, D. L. and Malloy, T. E. (1996), Changing AIDS risk behavior: Effects of an intervention emphasizing AIDS risk reduction information, motivation, and behavioral skills in a college student population, *Health Psychology*, (15), 114-123.

Gerbner, G., Gross, L. and Morgan, V. (1994), Growing up with television: the cultivation perspective, in Bryant, J. and Zillmann, D. (eds.), *Media effects: Advances in theory and research*, Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 17-41.

Gerrard, M., Gibbons, F. X., Warner, T. D. and Smith, G. E. (1993), Perceived vulnerability to HIV infection and AIDS preventive behavior: A critical review of the evidence, in Pryor, J. B. and Reeder, G. D. (eds.), *The social psychology of HIV infection*, Lawrence Erlbaum Associates, 59-84.

Heidari, M., Borujeni, M. B., Borujeni, M. G. and Shirvani, M. (2017), Relationship of Lifestyle with Academic Achievement in Nursing Students, *J Clin Diagn Res*, JC01-JC03.

Link, B. and Phelan, J. (2001), Conceptualizing Stigma, *Annual Review of Sociology*, (27), 363-385.

Parker, R. and Aggleton, P. (2003), HIV and AIDS-related stigma and discrimination: a conceptual framework and implications for action, *Social Science & Medicine*, (57), 13-24.

Qu, W., Robinson, M. and Zhang, F. (2008), Factors influencing the natural history of HIV-1 infection, *Chinese Medical Journal*, (121), 2613-2621.

Tichenor, P. A., Donohue, G. A. and Olien, C. N. (1970), Mass media flow and differential growth in knowledge, *Public Opinion Quarterly*, (34), 159-170.

Weine, S. M. and Kashuba, A. B. (2012), Labor migration and HIV risk: a systematic review

of the literature, *AIDS and Behavior*, (16), 16-21.

Статья поступила в редакцию 26 августа 2023 г. Поступила после доработки 29 августа 2023 г. Принята к печати 15 сентября 2023 г. Received 26 August 2023. Revised 29 August 2023. Accepted 15 September 2023.

Конфликты интересов: у авторов нет конфликта интересов для декларации.
Conflicts of Interest: the authors have no conflict of interest to declare.

Дробышевская Елена Владимировна, заместитель главного врача по медицинской части Государственного казенного учреждения здравоохранения Московской области «Центр по профилактике и борьбе со СПИДом и инфекционными заболеваниями», Москва, Россия.

Elena V. Drobyshevskaya, Deputy Chief Medical Officer, Moscow Regional Center for the Prevention and Control of AIDS and Infectious Diseases, Moscow Region, Moscow, Russia.

Жукова Евгения Васильевна, заведующий отделом эпидемиологии и профилактики Государственного казенного учреждения здравоохранения Московской области «Центр по

профилактике и борьбе со СПИДом и инфекционными заболеваниями», Москва, Россия.

Evgenia V. Zhukova, Head of the Department of Epidemiology and Prevention, Moscow Regional Center for the Prevention and Control of AIDS and Infectious Diseases, Moscow Region, Moscow, Russia.

Пронин Александр Юрьевич кандидат медицинских наук, главный врач Государственного казенного учреждения здравоохранения Московской области «Центр по профилактике и борьбе со СПИДом и инфекционными заболеваниями», Москва, Россия.

Alexander Yu. Pronin, MD, Ph.D, Head Doctor, Moscow Regional Center for the Prevention and Control of AIDS and Infectious Diseases, Moscow Region, Moscow, Russia.

Шилова Валентина Александровна, кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Москва, Россия.

Valentina A. Shilova, Ph.D. in Sociology, Leading Researcher, Institute of Sociology, Federal Center for Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

УДК 314.32

DOI: 10.18413/2408-9338-2023-9-3-0-6

¹Сигарева Е. П.

²Сивоплясова С. Ю.

**Влияние пандемии COVID-19 на репродуктивное
поведение населения России:
статистический и социологический анализ**

¹ Институт демографических исследований – обособленное подразделение
Федерального государственного бюджетного учреждения науки Федерального
научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук
улица Фотиевой, дом 6, корпус 1, Москва, 119333, Россия
sigarevae@mail.ru

² Институт демографических исследований – обособленное подразделение Федерального
государственного бюджетного учреждения науки Федерального научно-исследовательского
социологического центра Российской академии наук
улица Фотиевой, дом 6, корпус 1, Москва, 119333, Россия;
Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет)
Волоколамское шоссе, дом 4, Москва, 125993, Россия
svetlankamos84@rambler.ru

Аннотация. Актуальность заявленной темы связана с необходимостью подведения итогов более чем трехлетнего периода коронавирусной инфекции и оценкой ее влияния на современные тренды рождаемости. Неоднозначность выводов в отношении трансформации репродуктивного поведения и обусловленности этого процесса пандемией вызывает необходимость более детального изучения данной проблематики. *Научная проблема* состояла в разработке исследовательских подходов, позволяющих решить теоретические и прикладные задачи по оценке влияния пандемии COVID-19 на репродуктивное поведение населения в современной России. Цель работы – на основе статистического и социологического подходов оценить характер влияния пандемии COVID-19 на репродуктивное поведение населения России. *Методы.* В работе использовались традиционные методы научного исследования: анализ, синтез, группировка, сравнение, обобщение, структурный и графический. Социологические методы, такие как экспресс-опрос и глубинное интервью позволили дополнить статистический анализ материалами полевого исследования. *Научные результаты.* На основе статистических данных в совокупности с эмпирическими данными социологических исследований доказано, что влияние пандемии на репродуктивное поведение население России оказалось менее выраженным, чем предполагалось ранее. Не уменьшая роль коронавирусной инфекции в формировании текущих трендов рождаемости, авторы сделали попытку выявить зависимость репродуктивного поведения российского населения от более длительных и разнообразных факторов, имеющих более существенное влияние в перспективе. *Выводы.* Репродуктивное поведение российского населения, являясь многофакторным феноменом, из-за пандемии трансформировалось незначительно. На наш взгляд, преобразование репродуктивного поведения насе-

ления происходит медленнее, чем можно было представить в начале пандемийного кризиса. Вероятно, кардинальные изменения в репродуктивной мотивации и ее реализации в большей степени зависят от глобальных цивилизационных изменений, чем от короткого, хотя и опасного для человечества, пандемийного кризиса. *Перспективы исследования* ориентированы не только на более детальную оценку влияния коронавирусной инфекции на процессы рождаемости и репродуктивного поведения населения, но и на возможность отделить фактор пандемии от иных факторов, влияющих на негативные тренды рождаемости. Особое внимание может быть направлено на компенсирующую роль демографической политики в период коронавирусной инфекции.

Ключевые слова: пандемия; репродуктивное поведение; рождаемость; глубинное интервью; опрос

Информация для цитирования: Сигарева Е.П., Сивоплясова С.Ю. Влияние пандемии COVID-19 на репродуктивное поведение населения России: статистический и социологический анализ // Научный результат. Социология и управление. 2023. Т. 9, № 3. С. 69-88. DOI: 10.18413/2408-9338-2023-9-3-0-6.

Research article

Evgenia P. Sigareva
Svetlana Yu. Sivoplyasova

**The impact of the COVID-19 pandemic
on the reproductive behaviour of the Russian population:
statistical and sociological analysis**

¹⁾ Institute for Demographic Research – Branch of the Federal Center for Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (IDR FCTAS RAS)
bld. 6/1 Fotieva St., Moscow, 119333, Russia
sigarevae@mail.ru

²⁾ Institute for Demographic Research – Branch of the Federal Center for Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences (IDR FCTAS RAS)
6/1 Fotieva St., Moscow, 119333, Russia;
Moscow Aviation Institute (National Research University),
4 Volokolamskoe Hwy., Moscow, 125993, Russia
svetlankamos84@rambler.ru

Abstract. The *relevance* of the stated topic is related to the need to summarise the results of more than three years of coronavirus infection and assess its impact on current fertility trends. The ambiguity of the conclusions regarding the transformation of reproductive behaviour and the attribution of this process to the pandemic necessitates a more detailed study of this issue. *The scientific problem* consisted in the development of research approaches that allow solving theoretical and applied tasks to assess the impact of the COVID-19 pandemic on the reproductive behaviour of the population in modern Russia. *The aim of the research* is to assess the nature of the impact of the COVID-19 pandemic on the reproductive behavior of the Russian population on the basis of statistical and sociological approaches. *Methods.* Traditional methods of scientific research were used in the work: analysis, synthesis, grouping, comparison, generalization, structural and graphic methods. Sociological methods, such as an express survey and in-depth interview, made it possible to supplement the statistical analysis

with field research materials. *Research Results*. On the basis of statistical data in combination with empirical data from sociological studies, it is proved that the impact of the pandemic on the reproductive behaviour of the Russian population turned out to be less pronounced than previously assumed. Without diminishing the role of coronavirus infection in the formation of current fertility trends, the authors made an attempt to identify the dependence of the reproductive behaviour of the Russian population on longer and more diverse factors that have a more significant impact in the long run. *Conclusions*. Reproductive behaviour of the Russian population, being a multifactorial phenomenon, was transformed insignificantly due to the pandemic. In our opinion, the transformation of reproductive behaviour of the population is slower than one could imagine at the beginning of the pandemic crisis. Probably, cardinal changes in reproductive motivation and its implementation depend more on global civilisational changes than on a short, though dangerous for humanity, pandemic crisis. *The prospects of the study* are focused not only on a more detailed assessment of the impact of coronavirus infection on the processes of fertility and reproductive behavior of the population, but also on the possibility of separating the pandemic factor from other factors affecting negative trends in fertility. Particular attention may be directed to the compensating role of demographic policy during the period of coronavirus infection.

Keywords: Pandemic; reproductive behaviour; fertility; in-depth interview; survey

Information for citation: Sigareva, E. P., Sivoplyasova, S. Yu. (2023), "The impact of the COVID-19 pandemic on the reproductive behaviour of the Russian population: statistical and sociological analysis", *Research Result. Sociology and Management*, 9 (3), 69-88, DOI: 10.18413/2408-9338-2023-9-3-0-6.

Введение (Introduction). 11 марта 2020 г. ВОЗ объявила COVID-19 пандемией, и стало понятно, что человечество столкнулось с глобальной угрозой неизвестного происхождения и неясных последствий. В мировой истории найдётся не так много событий, которые оказали одновременное влияние на многие сферы жизни общества в разных странах. Таким событием, безусловно, стала пандемия COVID-19. Прямо или косвенно, она сказалась на экономических, социальных, политических, демографических и других процессах. Первой «приняла удар» демографическая сфера. Повысилась смертность, сократилась численность населения. Вместе с тем, в условиях неопределённости, люди стали выбирать различные модели репродуктивного поведения. Исследование влияния пандемии на репродуктивное поведение населения является важным направлением науки, так как полученные результаты способны стать базой для прогнозирования де-

мографического развития государств и планирования мер государственной социальной политики в кризисных условиях.

Изучению влияния пандемии на рождаемость и репродуктивное поведение посвящено значительное число работ зарубежных и отечественных ученых. Такое внимание научного сообщества проявилось сразу, так как риски ухудшения демографической сферы возникли обоснованно и объективно. Свое внимание ученые обращают как на само репродуктивное поведение населения в условиях коронавирусной инфекции (Вакуленко, Макарова, Горский, 2022; Гараева, 2020; Кованова, 2021; Русанова, 2022; Кирни, Левин, 2020), так и на изменение трендов рождаемости, как результата трансформированного репродуктивного поведения (Архангельский, Зайко, 2022; Золотарева, Тихомирова, 2021; Казенин, 2021, Казенин, Митрофанова, 2023; Русанова, 2020; Середкина, 2022; Сигарева,

Сивоплясова, Архангельский, 2022; Хасанова, Зубаревич, 2021; Асве, Кавалли, Менкарини, Плач, Сандерс, 2021; Васич, 2021).

В настоящем исследовании был проведён сравнительный анализ динамики рождаемости (в том числе, суммарного коэффициента) в России за 2017-2022 гг., то есть, за предпандемийный и пандемийных периоды. Это позволило зафиксировать изменение трендов в этот период и их последствий в долгосрочной перспективе. Были сопоставлены абсолютные и относительные показатели рождаемости в помесечном разрезе, что даёт детальную оценку влияния пандемии на репродуктивное поведение населения страны, позволяет обнаружить «компенсаторные» процессы.

Работа также базировалась на результатах авторских социологических исследований процессов рождаемости и репродуктивного поведения, которые, как предполагалось, должны были трансформироваться под влиянием пандемии. Результаты пилотажного социологического обследования, проведенного в октябре 2020 г., дали представление о мнении населения России о рисках снижения рождаемости в этот период и оценке мер по нивелированию негативного сценария демографического развития. Качественные методы (глубинное интервью в 2021г. и 2022г.), использовались в работе с целью обнаружить влияние пандемии на текущие и перспективные установки репродуктивного поведения населения.

Методология и методы (Methodology and methods). В работе применялись традиционные методы статистического анализа. Метод сравнения позволил определить не только характер динамики абсолютных значений рождаемости за предпандемийный и пандемийный периоды, но и выявить специфику влияния пандемии на репродуктивное поведение населения, проживающего в городской и сельской местности. Аналитический метод использовался для детализации показателей рождаемости в формате помесечных данных, от которых

существенно зависели параметры рождаемости в годовом измерении из-за определенного временного лага. Графический метод работы стал инструментом лучшей иллюстративности и наглядности итогов научного изыскания. Метод обобщения дал возможность сформулировать общие выводы исследования и не только в контексте его статистической части, но и в совокупности с результатами социологического исследования.

Оценка влияния пандемии COVID-19 на репродуктивное поведение населения России базировалась также на авторских социологических проектах. Во-первых, в октябре 2020 г. был проведен экспресс-опрос, который носил пилотажный характер, основными целями которого были:

- оперативно выявить оценки населением рисков пандемии в области демографических и обуславливающих их экономических проблем, а также получить оценки респондентов об эффективности мер, применяемых в России (на федеральном и региональном уровнях), направленных на сокращение демографического ущерба.
- раскрыть достоинства и недостатки методологического подхода к предмету исследования и проблемы методического инструментария.

Анкета экспресс-опроса состояла из нескольких частей. Она содержала адресную часть, где фиксировались пол, возраст и место проживания. Часть вопросов составляла оценку рисков в условиях пандемии для самого опрашиваемого или для членов его семьи. Еще одна часть содержала вопросы, позволяющие оценить риски для общества в целом, например, демографические (рождаемость, смертность, миграция) и экономические (снижение уровня доходов, потеря работы) риски. Отдельная часть вопросов охватывала оценку перечня мер, применяемых по борьбе с коронавирусной инфекцией. Опрос осуществлялся комбинированным способом. Часть эмпирических данных была получена благодаря интернет-опросу, часть респондентов опрашивалась очно. Очевидно, каждый из этих

способов обладает специфическими особенностями и влияет на полноту полученных данных. Так, например, опрос посредством интернета «сдвигает» случайную выборку в сторону молодых возрастных групп и не дает возможность адекватно оценить истинность адресной части анкеты. Очный опрос, хотя и усложняет получение эмпирических данных, а также затягивает время сбора информации, но позволяет получить дополнительные комментарии к поставленным в анкете вопросам.

В результате пилотажное исследование базировалось на следующей структуре выборки: женщины составили 65% респондентов, мужчины, соответственно, – 35%. Возраст опрошенных распределился по следующим группам: 18-24 лет – 31%; 25-34 лет – 25%; 35-54 лет – 26%; 55 и старше лет – 18%. В опросе участвовали представители г. Москвы и Московской области, Тульской области, Липецкой области, Иркутской области, Приморского края, Камчатского края, Забайкальского края, Ставропольского края и Республики Северная Осетия – Алания. Методом отбора субъектов являлась стихийная выборка. Оценки рисков коронавируса и мер эффективности борьбы с ним основывались на балльной системе. Риски определялись в параметрах шестибалльного распределения, где 0 означал «отсутствие риска», 1 балл – минимальный риск, 2 балла – небольшой риск, 3 балла – средний риск, 4 балла – большой риск, а 5 баллов – максимальный риск. Эффективность мер оценивалась по пятибалльной системе, где 1 означала минимальную эффективность, 2 балла – небольшую эффективность, 3 балла среднюю эффективность, 4 балла большую эффективность, 5 баллов – максимальную эффективность. Более подробно о методике опроса и его результатах можно узнать в следующих

публикациях (Сивоплясова, 2020; Пандемия COVID-19..., 2021: 155-173; Сигарева, Сивоплясова, Плетнева, 2020).

Во-вторых, кроме того, в нашей работе использовались результаты глубинного интервью населения России, целью которого было определить мнение населения о влиянии коронавирусной инфекции на репродуктивное поведение с исследованием связи общих тенденций рождаемости и пандемии. В данном проекте были собраны ответы формализованного интервью 27 человек. Оно проходило в 2021 г. в 2022 г. в двух санаториях и охватило респондентов, проживающих в шести субъектах Российской Федерации: Ивановской, Нижегородской, Владимирской, Самарской, Калужской областях и в г. Москве. Кроме выяснения личных характеристик участников глубинного интервью (пол, возраст, место проживания, семейное положение и наличие детей), респондентам были заданы следующие вопросы: «Ответьте, пожалуйста, как Вам кажется, среди Ваших знакомых сейчас стали рождаться больше или меньше детей?», «С чем это на Ваш взгляд связано?», «Какие проблемы, трудности Вы видите в том, чтобы рождалось больше детей?», «Что, на Ваш взгляд, можно улучшить для повышения рождаемости?», «Влияет ли ситуация с коронавирусом на решение иметь детей?».

Половозрастной состав респондентов представлен на Рисунке 1. Существенное превышение женщин в числе опрошенных связано с особенностями формирования совокупности респондентов. Так по данным, имеющимся в Ассоциации туроператоров России, в санаториях страны традиционно преобладают женщины. Как отметил вице-президент АТОР Сергей Ромашкин, во всех возрастных категориях в санаториях женщин в 2-4 раза больше, чем мужчин¹. У большинства респондентов (21 человек)

¹ Мужчины и работа по воскресеньям: какое будущее ждет российские санатории? URL: [https://www.atorus.ru/node/49618#:~:text=Если%20говорить%20о%](https://www.atorus.ru/node/49618#:~:text=Если%20говорить%20о%20гендерной%20составляющей%20С,Рос-сии%20преимущественно%20женский%20санаторный%20отдых)

20гендерной%20составляющей%20С,Рос-сии%20преимущественно%20женский%20санаторный%20отдых (дата обращения: 20.05.2023).

есть дети в числе от 1 до 3 ребенка. У шести респондентов детей нет.

5 мая 2023 года Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) отменила для COVID-19 статус пандемии. Официальное прекращение чрезвычайной ситуации, по словам гендиректора ВОЗ Тедроса Гебрейесуса, не означает, что он перестал представлять угрозу: «Этот вирус останется. Он по-прежнему убивает и все еще мутирует»². Окончание острой фазы глобальной коронавирусной инфекции, возможно, резко снизит массовость этой тематики в информационном пространстве. Однако из этого не следует, что внимание научного сообщества можно легко переориентировать на другие объекты. Напротив, именно сейчас пришло время для более спокойного вдумчивого и детального анализа причин и последствий такого масштабного здравоохранительного кризиса. Необходимо анализировать не только краткосрочные эффекты пандемии, но и дать оценку ее долгосрочных результатов. Это относится и к проблеме рождаемости и репродуктивного поведения.

В контексте нашей тематики, отметим, что почти сразу после объявления пандемии и предварительных оценок групп населения, которым требуется особое внимание при заболевании коронавирусом, беременные женщины сразу попали в группу риска, что не могло не сказаться на репродуктивном поведении. Это могло произойти путем прерывания беременности из-за опасений за здоровье новорожденных или путем принятия решения отложить реализацию репродуктивных намерений. Еще в апреле 2020 г. эксперты Фонда ООН в области народонаселения (ЮНФПА) пришли к угрожающим выводам о последствиях

пандемии для репродуктивного здоровья. По сведениям главы ЮНФПА Натальи Канем, более 47 млн. жительниц 114 стран с низким и средним уровнем дохода лишаются доступа к противозачаточным средствам, что приведет в ближайшие месяцы к 7 млн. нежелательных беременностей. По ее мнению, «полученные данные свидетельствуют о катастрофических последствиях пандемии коронавируса для девочек и женщин по всему миру. Усугубляется неравенство, миллионы девушек и женщин лишены доступа к услугам по планированию семьи»³. Летом 2020 г. ВОЗ предложил рекомендации национальным органам здравоохранения о том, как защитить беременных женщин от COVID-19: «Учитывая, что беременные женщины находятся в группе риска, в ВОЗ подчеркивают важность своевременного тестирования их на COVID-19. Там, где вирус активно циркулирует, а возможности лабораторий ограничены, беременных женщин необходимо тестировать в приоритетном порядке. Эксперты подчеркивают, что любую беременную женщину с подозрением на COVID-19, которое нет возможности подтвердить, следует считать инфицированной»⁴. В октябре 2021 г. специальный докладчик по вопросу о праве каждого человека на наивысший достижимый уровень физического и психического здоровья Тлаленг Мофокенг сообщила, что из-за введения пандемийных ограничений на передвижение миллионы женщин не только не могли получить какую-либо помощь в сфере репродуктивного здоровья, но по всему миру выросли показатели материнской и перинатальной смертности⁵.

² ВОЗ объявила об окончании пандемии коронавируса. URL: <https://www.rbc.ru/society/05/05/2023/645503499a79477d05bf2bb4> (дата обращения: 03.06.2023).

³ ЮНФПА о катастрофических последствиях пандемии коронавируса для девочек и женщин. URL: <https://news.un.org/ru/story/2020/04/1376922> (дата обращения: 03.06.2023).

⁴ У беременных женщин выше вероятность осложнений от COVID-19. URL: <https://news.un.org/ru/story/2020/08/1384342> (дата обращения: 03.06.2023).

⁵ Пандемия COVID-19 обернулась ростом незапланированных беременностей. URL: <https://news.un.org/ru/story/2021/10/1412252> (дата обращения: 03.06.2023).

Такие устрашающие заявления, несомненно, должны были бы повлиять на репродуктивные планы населения разных стран. В тоже время ряд исследователей, опираясь на предварительные результаты своих исследований, заявляли о неоднозначности последствий пандемии на перспективные тренды рождаемости⁶. Более того, речь идет о парадоксальности реакции населения в пандемийный период в отношении рождения детей⁷. Российские демографы с наступлением коронавирусной инфекции в своих прогнозах разделились на два противоположных полюса. Одни считали, что, возможно, в условиях изоляции произойдет активизация реализации репродуктивных планов или изменения будут минимальными (Сигарева, 2022), другие полагали, что любые кризисы заставляют откладывать деторождение⁸. До сих пор в научной среде отсутствует согласованное представление у экспертного сообщества о характере влияния коронавирусной инфекции на процессы рождаемости и трансформацию репродуктивного поведения⁹. Это связано с тем, что процессы рождаемости как результат репродуктивного поведения обусловлены многофакторными воздействиями на разные группы населения. На наш взгляд, само по себе репродуктивное поведение, по сути, является долгосрочной стратегией в отношении рождения детей, а кризисы, в том числе пандемия, – это процессы, которые ограничены временными рамками. Поэтому нашей задачей в данной работе и была поставлена цель рассмотреть не только статистические результаты динамики рождаемости в допандемийный и пандемийный период, но и на основе социоло-

гических опросов дать оценку представления самого населения о рисках и влиянии коронавирусной инфекции на репродуктивные решения.

Научные результаты и дискуссия (Research Results and Discussion). Согласно данным официальной статистики в России в пандемийный период сохранилась тенденция к сокращению рождаемости (Рисунок 1).

Так, если в 2015 г. в стране родилось 1,94 млн. детей, то в 2021 г. – 1,40 млн. При этом, темп прироста (убыли) рождаемости в период пандемии несколько замедлился. Если в 2017-2019 гг. он составлял около 7-10% в год, то в 2020-2021 гг. – 2-3%. Причинами такой динамики может являться, с одной стороны, изменение численности женщин в активных репродуктивных возрастах, а именно их сокращение (что обусловило отрицательную динамику рождаемости); а с другой – разработка и реализация большого числа государственных мер, направленных на поддержку семей с детьми в сложных условиях пандемии COVID-19 (что могло замедлить темпы снижения рассматриваемых показателей). В первой половине 2022 г. произошло более существенное падение рождаемости – на 6,3%. Такое падение сопоставимо с темпами, которыми характеризовался допандемийный период, и, возможно, обусловлено в большей степени иными причинами, чем коронавирусная инфекция. К подобной мысли нас приводят также и показатели суммарного коэффициента рождаемости (Таблица 1), где мы видим, что динамика их изменения слабо коррелируется с событиями пандемии.

⁶ Ранняя оценка взаимосвязи между пандемией COVID-19 и рождаемостью в странах с высоким уровнем дохода. URL: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/34462356/> (дата обращения: 10.06.2023).

⁷ Дети пандемии: Ученые обнаружили парадоксальное влияние COVID-19 на рождаемость. URL: <https://www.kp.ru/daily/28334/4479040/> (дата обращения: 08.06.2023).

⁸ Эксперты объяснили ускорившееся снижение рождаемости в России. На демографию скоро повлияет и санкционный кризис. URL: <https://www.rbc.ru/economics/10/08/2022/62f223af9a7947341b75ec3e> (дата обращения: 03.06.2023).

⁹ Эксперты оценили влияние пандемии на рождаемость в России. URL: <https://ria.ru/20220810/rozhdmost-1808475554.html> (дата обращения: 03.06.2023).

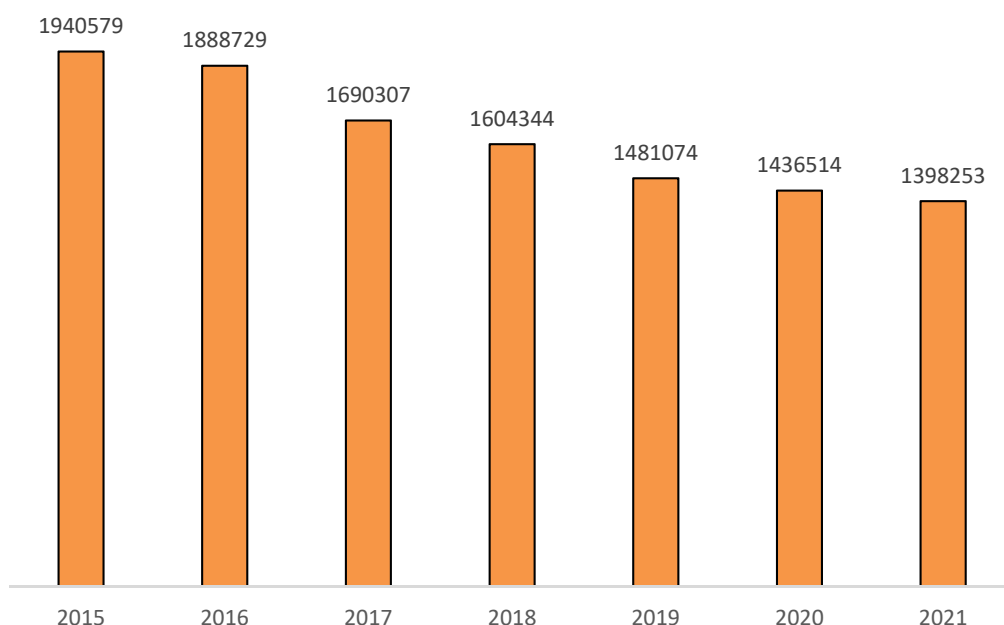

Рисунок 1. Число рождённых детей в России в 2015-2021 гг., человек
Figure 1. Number of children born in Russia in 2015-2021, persons

Таблица 1

Суммарный коэффициент рождаемости в 2017-2022 гг.
(число родившихся детей в расчете на одну женщину)

Table 1

Total fertility rate in 2017-2022
(number of children born per woman)

Годы/ Years	Всё население/ Total population	Городское население/ Urban population	Сельское население/ Rural population
2017	1,621	1,527	1,923
2018	1,579	1,489	1,870
2019	1,504	1,427	1,754
2020	1,505	1,434	1,739
2021	1,505	1,436	1,734
2022*	1,416	1,361	1,590

*С учётом итогов Всероссийской переписи населения 2020 года, без учёта Донецкой Народной Республики (ДНР), Луганской Народной Республики (ЛНР), Запорожской и Херсонской областей.

Вместе с тем, важно отметить, что развитие эпидемии имело волнообразный характер. Как следствие, правительства большинства стран, России в частности, то ужесточали ограничительные меры,

направленные на сдерживание распространения коронавируса, то ослабляли их: то вводились «локдауны», и люди были вынуждены находиться долгое время вместе без возможности посещения других мест,

то ограничения отменялись. В связи с этим, для оценки влияния пандемии COVID-19 на репродуктивное поведение населения России

представляется целесообразным проанализировать не только годовые показатели рождаемости, но и помесечные (Рисунок 2).

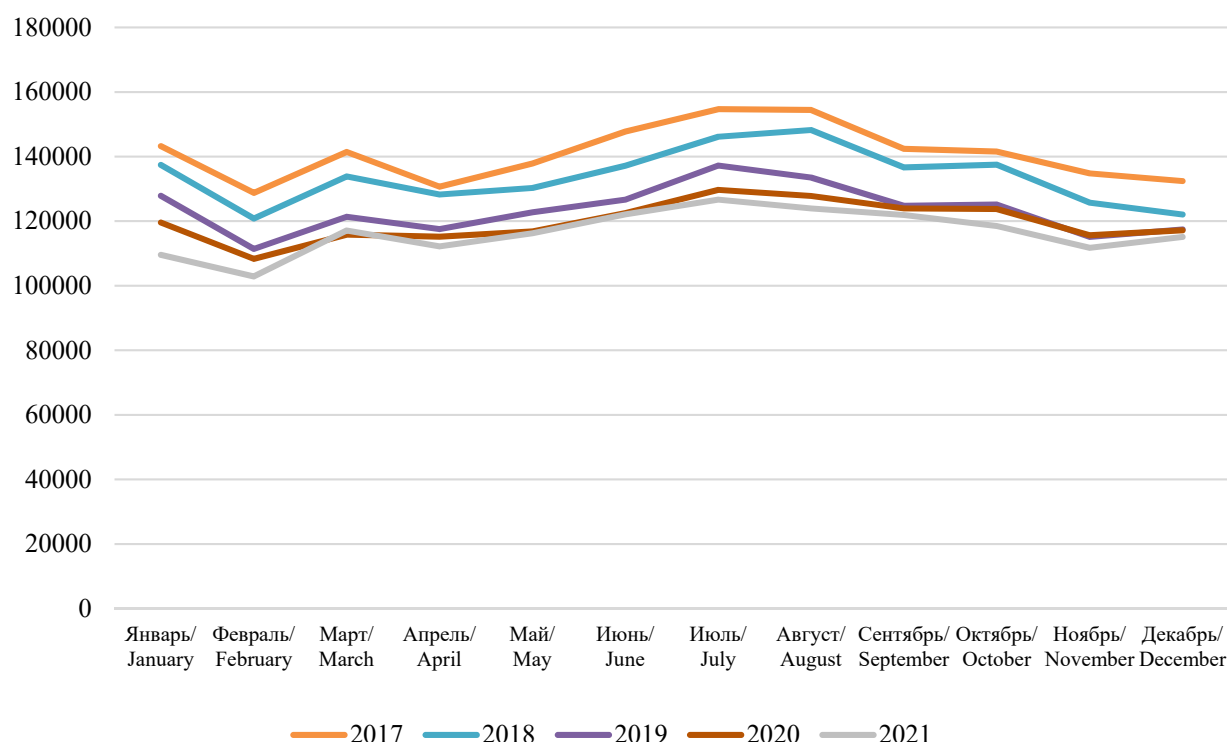

Рисунок 2. Число рождённых детей по месяцу рождения в России в 2017-2021 гг., человек
Figure 2. Number of children born in Russia by month of birth in 2017-2021, persons

Представленные данные позволяют сделать следующие выводы.

Во-первых, в России динамика помесечных показателей рождаемости довольно стабильна. Прослеживается существование «пиковых» месяцев рождений детей (январь, март, июль, август) и месяцев «спада» (февраль, апрель, ноябрь, декабрь). Такая ситуация может быть объяснена климатической сезонностью, и связанными с ней периодами трудовых отпусков и сельскохозяйственных работ, а также государственными и религиозными праздниками. При этом выявленная периодичность сохранилась и в период пандемии COVID-19.

Во-вторых, в 2020 г. амплитуда колебаний числа рожденных детей была несколько меньшей, чем в других рассматриваемых годах (2017-2021 гг.). Однако причины этого следует искать в 2019 допанде-

мийном году в связи с существованием временного разрыва между зачатием и рождением ребёнка.

В-третьих, как показывает статистика, введение «локдаунов» в начале пандемии (весна 2020 г.) не спровоцировало роста рождаемости, о котором говорили ряд демографов и государственных деятелей. Число рождённых детей в январе-феврале 2021 г. было наименьшим за рассматриваемый период. Однако, отмена ограничений и спад заболеваемости летом 2020 г., напротив, стимулировали россиян к реализации репродуктивных планов, что отразилось в динамике рождаемости в марте-июне 2021 г.

Особенности репродуктивного поведения населения, его трансформация отражается не только в показателях числа рождённых детей, но и в показателях числа мертворождённых. Особую актуальность

этот параметр приобретает в условиях пандемии, так как заболевание коронавирусом может сказаться на течении беременности. Так, согласно Приказу Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации от 27.12.2011 №1687н «мертворождением является момент отделения плода от организма матери посредством родов при сроке беременности 22 недели и более при массе тела новорожденного 500 грамм и более (или менее 500

грамм при многоплодных родах) или в случае, если масса тела ребенка при рождении неизвестна, при длине тела новорожденного 25 см и более при отсутствии у новорожденного признаков живорождения»¹⁰.

В России отмечается сокращение числа мертворождённых детей (Рисунок 3). Так, если в 2017 г. их было 9,5 тыс., то в 2021 г. – 8,1 тыс.

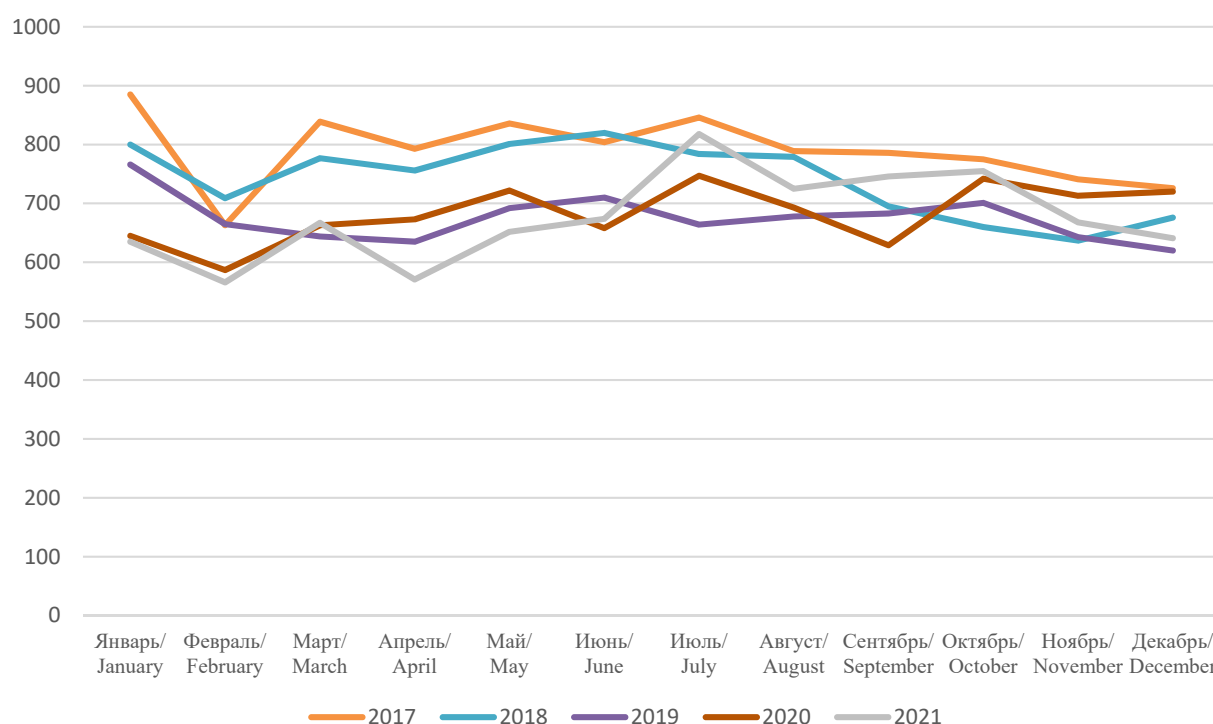

Рисунок 3. Число мертворожденных детей в России по месяцам в 2017-2021 гг., человек
Figure 3. The number of stillborn children by month in Russia in 2017-2021, persons

Рассматривая пандемийный период (2019-2021 гг.), в 2020 г. отмечался некоторый рост числа мертворожденных (в пределах 100 человек). Однако, в 2021 г. показатели вернулись к допандемийному уровню. Рассматривая помесечные данные, обращает на себя внимание «всплеск» числа мертворождённых в июле 2021 г. Вероятнее всего, он может быть результатом резкого

роста заболеваемости коронавирусом в декабре 2020 - феврале 2021 гг. В данном отношении можно с определенной степенью уверенности говорить о прямом негативном влиянии пандемии на динамику рождаемости в стране.

Влияние пандемии на репродуктивное поведение населения, проживающего в городской и сельской местности, несколько различается (Рисунок 4).

¹⁰ Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL:

<https://docs.cntd.ru/document/902320615> (дата обращения 6.04.2023).

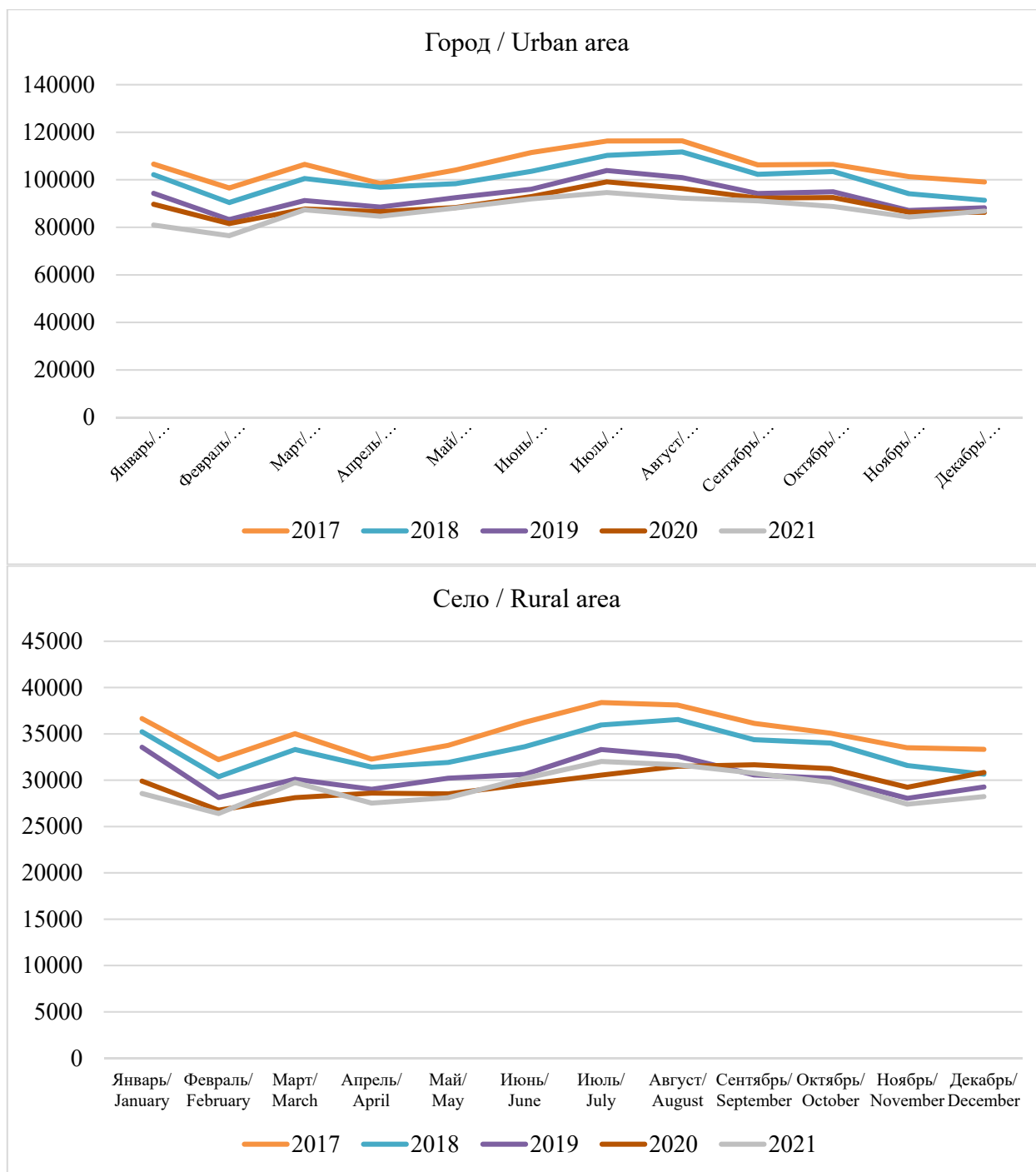

Рисунок 4. Число рождённых детей в городской и сельской местности в России по месяцам в 2017-2021 гг., человек

Figure 4. Number of children born in urban and rural areas by month in Russia in 2017-2021, persons

Так, если рождаемость среди городского населения последовательно снижается, при этом даже в пандемийный период в помесечных показателях не отмечалось «выбывающейся» из данной логики дина-

мики, то репродуктивное поведение населения, проживающего в сельской местности, имело ряд особенностей. Во-первых, рост рождаемости в конце 2020 г., что может говорить о том, что «локдауны» имели в этой части страны стимулирующий к рождению

детей эффект. Во-вторых, заметный рост рождений в марте 2021 г., число которых достигло допандемийного уровня (март 2019 г.). Зачатие этих детей происходило после ослабления ограничительных мер и в начале периода сельскохозяйственных работ 2020 г. То есть, вероятнее всего, люди надеялись на скорое окончание пандемии и возвращение жизни к привычному укладу, что могло стать стимулом к рождению ребёнка. Более того, в начале пандемии Правительство РФ принимало разнообразные меры материальной поддержки семей с детьми, что также могло производить стимулирующий эффект. В-третьих, отмечается рост числа рождений в июле 2021 г. и сохранение высоких показателей в августе. Данная динамика свидетельствует, что рост заболеваемости COVID-19 в конце 2020 г. сдерживающего, с точки зрения репродуктивного поведения, эффекта на сельское население не имел.

Таким образом, пандемия COVID-19 по-разному сказалась на репродуктивном поведении различных групп населения. Долгое совместное пребывание супругов в период «локдауна» не явилось серьёзным стимулом к рождению детей. Напротив, ограничительные меры даже несколько «сдержали» рождаемость, а своеобразным «толчком» стало ослабление ограничений. Государственные меры поддержки семей с детьми оказались своевременны и не позволили развиваться возможному негативному сценарию в сфере рождаемости. Господдержка оказалась более значимой для сельского населения, а также динамика заболеваемости коронавирусом имела меньше влияние на данную группу людей. «Прямым» эффектом пандемии на рождаемость стал рост числа мертворождённых в марте 2021 г., что, вероятнее всего, обусловлено медицинскими причинами.

Социологические исследования влияния пандемии на репродуктивное поведение также выявили ряд особенностей, проявляющихся в России. По данным авторского экспресс-опроса о величине рисков пандемии для обычной жизни населения, в том числе, риска снижения рождаемости были получены следующие результаты (Таблица 2). Отметим, что в нашем проекте было предложено 18 параметров, по которым, по нашим гипотезам, могли бы произойти существенные изменения в связи с наступлением коронавирусной инфекции и практикуемыми мерами для ее купирования. В таблице представлены некоторые из них, касающиеся, главным образом, состояния демографической сферы, а также влияющих на нее экономических рисков.

Из наших данных видно, что почти каждый пятый опрошенный вообще исключил вероятность какого-либо риска в отношении сокращения рождаемости в период пандемии. А каждый третий респондент также не увидел риск ухудшения взаимопонимания в семье в условиях самоизоляции/дистанционной работы. Для сравнения укажем, что об отсутствии риска заболеть коронавирусом, заявили лишь 5% респондентов. То есть население России разумно оценивало угрозу коронавирусной инфекции. Поэтому лишь малая часть респондентов (около 7%) не видела угрозы роста показателей смертности. Минимальное число респондентов, примерно 3-4 %, также исключили риски в области экономических факторов: снижения заработной платы, роста безработицы, снижения объема денежных сбережений, ухудшения экономического положения семей. То есть, несмотря на выросший уровень неопределённости в условиях пандемии, респонденты России показали адекватность мнений о формирующихся объективных рисках.

Таблица 2

Ответы респондентов о величине рисков в условиях пандемии COVID-19
(ранжирование по максимальному риску), %

Table 2

Respondents' answers about the magnitude of risks in a COVID-19 pandemic
(ranking by maximum risk), %

Перечень рисков / List of risks	нет риска / no risk	минимальный риск / minimal risk	небольшой риск / small risk	средний риск / medium risk	большой риск / great risk	максимальный риск / maximum risk
Ухудшения взаимопонимания в семье в условиях самоизоляции/дистанционной работы / Deterioration of mutual understanding in the family in conditions of self-isolation/remote work	34,0	23,3	13,6	17,5	7,8	3,9
Снижения количества заключаемых браков / Reduction in the number of marriages	16,5	22,3	21,4	21,4	9,7	8,7
Снижения рождаемости / Birth rate decline	19,4	20,4	23,3	17,5	9,7	9,7
Увеличения количества разводов / Increasing the number of divorces	15,5	21,4	13,6	22,3	16,5	10,7
Заболеть коронавирусом для Вас самих или Ваших родных и близких / The incidence of coronavirus for yourself or your family and friends	4,9	14,6	13,6	35,0	14,6	17,5
Роста смертности / The increase in mortality	6,8	9,7	25,2	20,4	16,5	21,4
Снижения заработной платы / Wage reduction	3,9	8,7	17,5	16,5	24,3	29,1
Роста безработицы / Rising unemployment	3,9	6,8	12,6	20,4	26,2	30,1
Снижения объема денежных сбережений / Decrease in the volume of cash savings	3,9	9,7	7,8	23,3	23,3	32,0
Ухудшения экономического положения семей / Deterioration of the economic situation of families	2,9	6,8	10,7	22,3	23,3	34,0

При этом, если в отношении тенденций смертности и ухудшения экономических факторов риски были оценены как высокие, то в отношении рождаемости такое мнение наблюдалось у незначительного числа опрошенных. Как показывают наши расчеты опасения высоких и максимальных рисков были дифференцированы в зависимости от сферы влияния коронавирусной инфекции. По данным опроса (Рисунок 5) существенный риск (большой и максимальный риски в сумме) отмечен большинством

респондентов (от 53 % до 57 %) в отношении экономического компонента жизни в условиях пандемии. А вот большой и максимальный риск (суммарно) в отношении ухудшения процессов рождаемости в условиях коронавирусной инфекции в нашем опросе имели одни из самых низких рейтингов. Только около 20% респондентов предположили, что из-за пандемии есть высокая вероятность снижения рождаемости, что почти в 3 раза меньше, чем риски ухудшения социально-экономического положения семей.

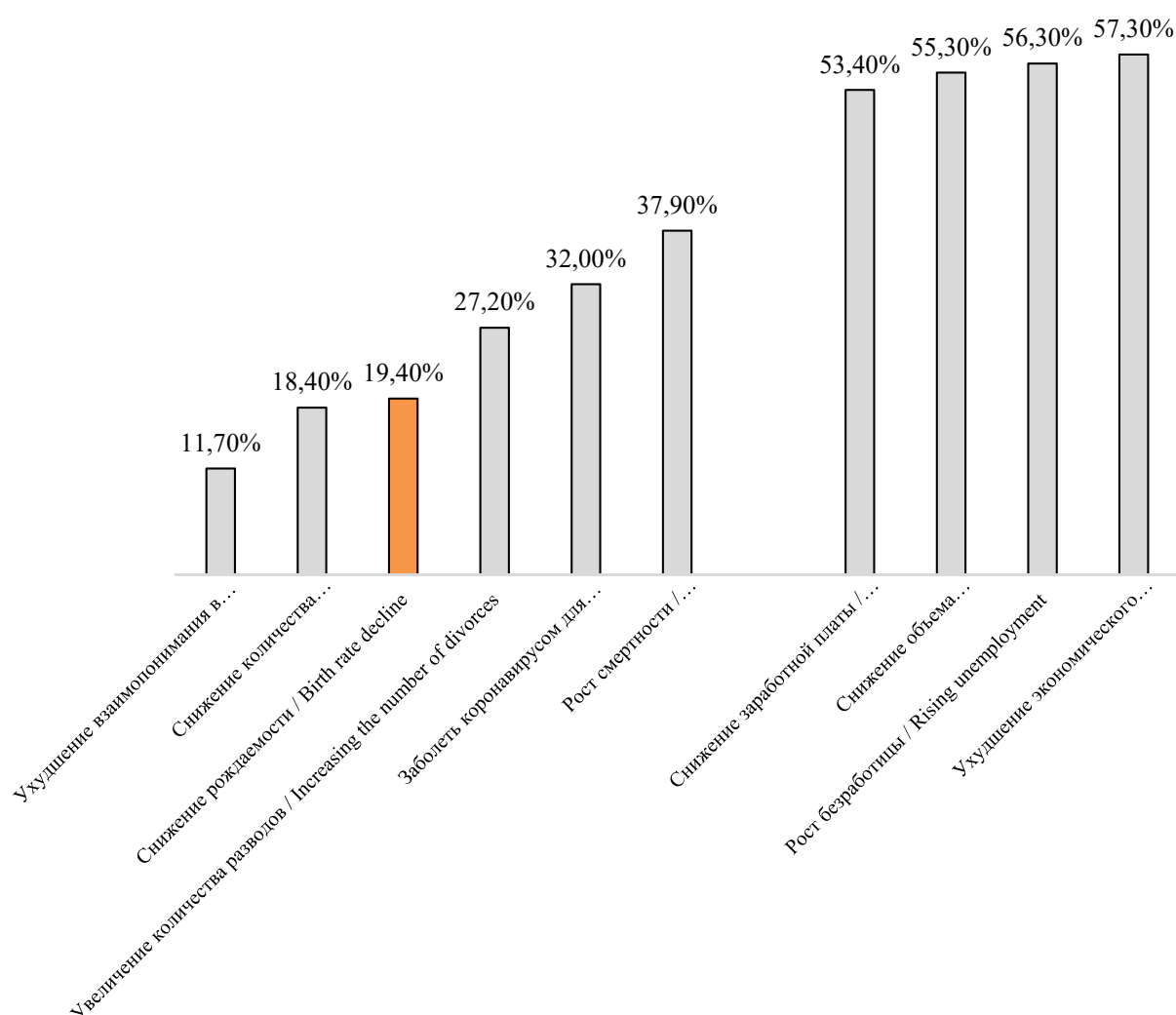

Рисунок 5. Число респондентов, указавших на большой и максимальный уровень рисков в условиях пандемии COVID-19, %

Figure 5. Number of respondents indicating high and maximum risks in a COVID-19 pandemic, %

На наш взгляд, это означает, что в представлениях российских респондентов наблюдается некий когнитивный «разрыв» между экономическими условиями в период пандемии и процессами рождаемости, а также спецификой формирования репродуктивного поведения. Отметим, что, очевидно, не следует эти данные воспринимать однозначно, и утверждать, что репродуктивное поведение является независимым от экономических факторов. Возможно, уровень материальной поддержки семей в российской аудитории является необходимым, но недостаточным условием для трансформации репродуктивных намерений. К тому же в условиях пандемии в России была осуществлена серьезная социальная поддержка семей с детьми, о которой в частности позитивно отзывались респонденты нашего опроса. Более 50% (от 59% до 51%) респондентов в России оценили, как высокоэффективные или максимально эффективные следующие меры поддержки:

- единовременные выплаты на детей от 3 до 16 лет в мае и августе 2020 г. (по 10 000 руб.);
- ежемесячные выплаты на детей до 3 лет в апреле-июне 2020 г. (по 5 000 руб.);
- увеличение пособия по уходу за ребенком до 1,5 лет;
- увеличение пособия по безработице;
- продление пособия по безработице.

Для сглаживания негативных трендов рождаемости в России в 2020 г. была предложена новая мера государственной поддержки – материнский (семейный) капитал на первого ребенка¹¹. Она также высоко оценивается населением с точки зрения

формирования позитивных репродуктивных решений.

Результаты глубинного интервью указали также на слабое влияние ситуации с пандемией на репродуктивное поведение российской аудитории. В общем, подавляющее большинство участников глубинного интервью (74%) заявили об отсутствии влияния коронавирусной инфекции на решение родить ребенка, 22% опрошенных отметили негативное влияние пандемии на репродуктивное поведение россиян, а один респондент не смог принять решение по данному вопросу.

В более детальном анализе мы попытались определить, существует ли дифференциация мнений респондентов глубинного интервью о влиянии пандемии на репродуктивный выбор в связи с общими оценками трендов современной рождаемости (Рисунок 6).

Оказалось, что в группе респондентов, где была оптимистичная оценка трендов современной рождаемости («детей рождается больше»), об отсутствии какого-либо влияния пандемии на решение родить ребенка указали в пять раз больше, чем признали ее негативную роль. В группе с негативной оценкой современных трендов рождаемости также в 3,5 раза респонденты чаще заявляли об отсутствии зависимости репродуктивного поведения от коронавирусной инфекции. Даже в группе тех респондентов, кто не заметил изменения трендов современной рождаемости в России больше тех, кто не видит влияния пандемии на репродуктивное поведение.

¹¹ Президент РФ подписал закон о предоставлении маткапитала при рождении первого ребенка. URL:

<https://www.garant.ru/news/1329839/> (дата обращения: 20.05.2023).

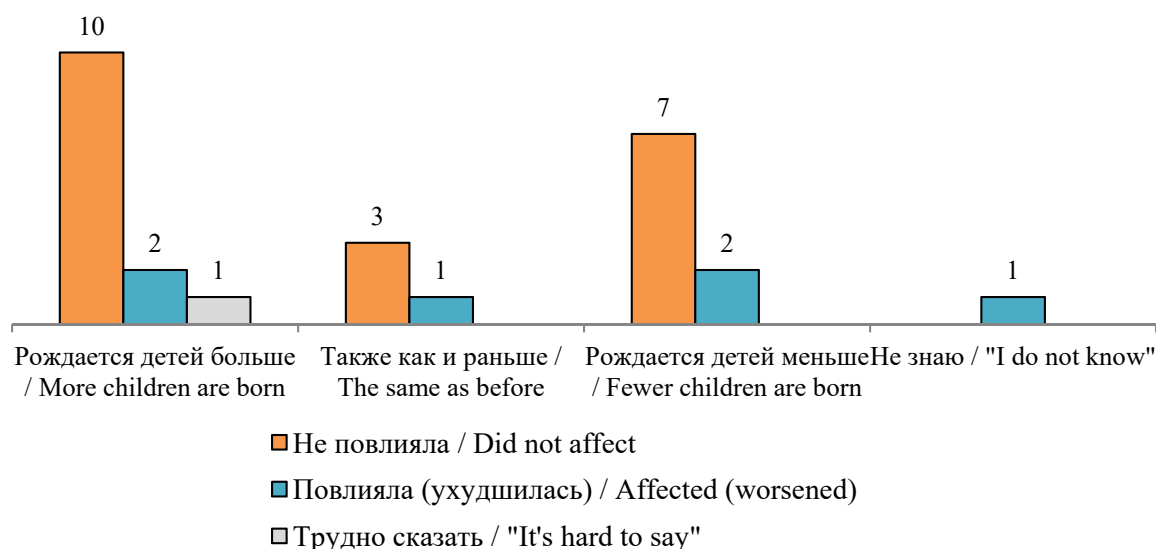

Рисунок 6. Распределение ответов участников глубинного интервью о влиянии пандемии на репродуктивное поведение в группах с разными оценками общей ситуации в трендах рождаемости (чел.).

Figure 6. Answers about the impact of the pandemic on reproductive behavior in groups with different assessments of the general situation in fertility trends, persons

Заключение (Conclusions). Обращение к статистическим и социологическим данным в контексте изучения влияния пандемии на репродуктивное поведение населения России позволило нам сформировать следующие выводы.

1. В период пандемии сократились темпы снижения абсолютных чисел рождаемости. И если в 2020 г. относительно 2019 г. число рожденных детей было меньше почти на 3%, что не является показательным, так как дети, рожденные в этом году, были зачаты еще до пандемии, то в 2021 г. убыль рождений стала меньше, чем в 2020 г. (на 2,7%). Это свидетельствует о том, что для падения рождаемости в период пандемии возникли препятствия, возможно, связанные с активной демографической политикой, которая хорошо была согласована со спецификой настроений российского населения в отношении репродуктивных планов.

2. Число рождений в месячном измерении также демонстрируют, что ровно через год после объявления пандемии, в марте

2021 г. число рождений даже превысило абсолютные значения 2020 г. и в течение нескольких последующих месяцев было сопоставимо с предыдущим годом, что может говорить об устойчивом характере российской рождаемости во второй год коронавирусной инфекции.

3. На фоне постоянного сокращения числа мертворожденных детей в период пандемии был зафиксирован незначительный «всплеск» этого показателя в 2020 г., летом и осенью 2021 г. Однако уже к концу 2021 г. этот показатель вернулся на допандемийный уровень.

4. Следует отметить специфику репродуктивного поведения для населения, проживающего в сельской местности, которая объективно характеризовалась более благоприятными условиями для адаптации к рискам пандемии. Здесь не наблюдалась высокая скученность людей, «локдауны» были менее строгими, хотя доступность медицинских учреждений была ниже, чем в городе. Но в результате сельское население России в отличие от городского населения

в период пандемии характеризовалось более позитивными трендами рождаемости и репродуктивного поведения.

5. По данным социологических опросов можно утверждать, что репродуктивное поведение, являясь многофакторным феноменом, из-за пандемии в России трансформировалось незначительно. Риски сокращения рождаемости в этот период, с точки зрения российского населения, были по сравнению с другими одни из самых низких. Лишь 20% опрошенного населения заявляли о высоких и максимальных рисках сокращения показателей рождаемости. А более 74% опрошенных при помощи глубинного интервью исключили влияние пандемии на решение родить ребенка.

Все это указывает на то, что роль пандемии в формировании репродуктивного поведения населения имеет место быть, но она переоценена. В восприятии населения происходит сепарация (отделение) этого экстраординарного события, которое рано или поздно будет завершено и останется в прошлом, от репродуктивного поведения, на которое оказывают влияние более устойчивые длительные факторы. Данные выводы позволяют сформировать научную основу для более детального анализа подобных глобальных событий в будущем, а также прогнозирования демографического развития России и совершенствования мер демографической политики и социальной поддержки населения в кризисных условиях.

Список литературы

Архангельский В. Н., Зайко Е. С. Рождаемость и формирование семей в Московской агломерации в период пандемии COVID-19 // Здоровье мегаполиса. 2022. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rozhdmost-i-formirovanie-semey-v-moskovskoy-aglomeratsii-v-period-pandemii-covid-19> (дата обращения: 02.07.2023).

Ассве А., Кавалли Н., Менкарини Л., Плач С., Ливи Баччи М. Пандемия COVID-19 и фертильность человека // Наука. 24 июля 2020 года; 369(6502):370-371. doi: 10.1126 / science.abc9520. PMID: 32703862. URL:

<https://www.science.org/doi/10.1126/science.abc9520> (дата обращения: 09.09.2021).

Вакуленко Е. С., Макарова М. Р., Горский Д. И. Репродуктивные намерения и динамика рождаемости населения разных стран в период пандемии COVID-19: аналитический обзор исследований // Демографическое обозрение. 2022. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/reproduktivnye-namereniya-i-dinamika-rozhdaemosti-naseleniya-raznyh-stran-v-period-pandemii-covid-19-analiticheskii-obzor> (дата обращения: 20.05.2023).

Вызовы пандемии и стратегическая повестка дня для общества и государства: Социально-политическое положение и демографическая ситуация в 2021 году / М. А. Ананьин, В. Н. Архангельский, В. А. Безвербный [и др.]. М.: Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук, 2021. 558 с. ISBN 978-5-89697-384-3. DOI: 10.19181/monogr.978-5-89697-384-3.2021.

Гараева Э. И. Репродуктивное поведение в период пандемии COVID-19 // Институты развития человеческого потенциала в условиях современных вызовов: сборник статей XI Уральского демографического форума: в 2-х томах. Том II. Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2020. С. 39-42.

Золотарева О. А., Тихомирова А. В. Смертность и рождаемость в Москве: оценка в контексте потерь от пандемии // Развитие территорий. 2021. № 4 (26). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/smernost-i-rozhdaemost-v-moskve-otsenka-v-kontekste-poter-ot-pandemii> (дата обращения: 11.04.2023).

Имидеева И. В., Бадараева Р. В., Кованова Е. С. Демографическая компонента национальной безопасности // ДЕМИС. Демографические исследования. 2023. Т. 3, № 1. С. 12-23. DOI: <https://doi.org/10.19181/demis.2023.3.1.1>.

Казенин К. И. Рождаемость в России в 2020 г.: региональная динамика // Экономическое развитие России. 2021. № 3. С. 50-54. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rozhdmost-v-rossii-v-2020-g-regionalnaya-dinamika> (дата обращения: 13.07.2022).

Казенин К. И., Митрофанова Е. С. Изменения в рождаемости на фоне пандемии COVID-19: опыт исследования российских регионов // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2023. № 2. С. 14-30. URL: <https://doi.org/10.14515/>

monitoring.2023.2.2370 (дата обращения: 20.07.2023).

Кирни М. С., Левин Ф. Грядущий кризис ребенка COVID-19: обновление. URL: <https://www.brookings.edu/blog/up-front/2020/12/17/the-coming-covid-19-baby-bust-update/> (дата обращения: 19.06.2022).

Кованова Е. С., Алексеев С.Г. Влияние пандемии COVID-19 на репродуктивные установки молодежи (на примере республик Калмыкия и Бурятия) // Российский экономический интернет-журнал. 2021. № 4. URL: <https://www.e-rey.ru/upload/iblock/cb9/cb953fd42bfaaa98ecf0bc9f2d946152.pdf> (дата обращения: 20.07.2023).

Пандемия COVID-19: Вызовы, последствия, противодействие / Под ред. А. В. Торкунова, С. В. Рязанцева, В. К. Левашова. М.: ООО Издательство «Аспект Пресс», 2021. 248 с.

Русанова Н. Е. Рождаемость после пандемии: «бэби-бум» или «демографическая яма»? // Вестник МФЮА. 2020. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rozhdmost-posle-pandemii-bebi-bum-ili-demograficheskaya-yama> (дата обращения: 04.02.2023).

Русанова Н. Е. Прокреативное поведение в пандемию коронавируса: от репродуктивных намерений до выбора родов // Глобальные вызовы демографическому развитию: сборник научных статей в 2-х томах. Т. II. Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2022. С. 261-270. DOI: 10.17059/udf-2022-4-24.

Середкина Е. А. Тенденции рождаемости в развитых странах в период пандемии COVID-19 // Демографическое обозрение. 2022. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tendentsii-rozhdaemosti-v-razvityh-stranah-v-period-pandemii-covid-19> (дата обращения: 21.03.2023).

Сигарева Е. П., Сивоплясова С. Ю., Плетнева Ю. Э. Риски демографического развития в условиях пандемии // Российское общество и государство в условиях пандемии: социально-политическое положение и демографическое развитие Российской Федерации в 2020 году. М.: ООО «Издательско-торговый Дом «ПЕРСПЕКТИВА», 2020. С. 252-273.

Сигарева Е. П., Сивоплясова С. Ю., Плетнева Ю. Э. Риски демографического развития в условиях пандемии // Наука. Культура. Общество. 2020. Т. 26, № 4. С. 98-116.

Сигарева Е. П., Сивоплясова С. Ю., Архангельский В. Н. Рождаемость в период пандемии COVID-19: ожидания и действительность

// Вестник ЮРГТУ (НПИ). Серия: Социально-экономические науки. 2022. Т. 15, № 4. С. 204-218.

Хасанова Р. Р., Зубаревич Н. В. Рождаемость, смертность населения и положение регионов в начале второй волны пандемии // Экономическое развитие России. 2021. № 1. С. 77-87. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rozhdmost-smertnost-naseleniya-i-polozhenie-regionov-v-nachale-vtoroy-volny-pandemii> (дата обращения: 17.10.2022).

Aassve A., Cavalli N., Mencarini L., Plach S., & Sanders S. Early assessment of the relationship between the COVID-19 pandemic and births in high-income countries // PNAS. 2021. № 118 (36): 1-3. URL: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/34462356> (дата обращения: 25.07.2023).

Vasić P. Covid-19 и рождаемость в Сербии: приблизительная оценка воздействия пандемии // Демография. 2021. Т. 18, № 19 (38). URL: <https://doi.org/10.5937/demografiya2118019V> (дата обращения: 18.02.2022).

References

Arhangelskiy, V.N. & Zajko, E.S. (2022), "Fertility and family formation in the Moscow agglomeration during the COVID-19 pandemic", *Zdorovie megapolisa*, (3), [Online], available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/rozhdmost-i-formirovanie-semey-v-moskovskoy-aglomeratsii-v-period-pandemii-covid-19> (Accessed 02 July 2023). (In Russian)

Aassve, A., Cavalli, N., Mencarini, L., Plach S. & M. Livi Bacci (2020), "The COVID-19 pandemic and human fertility", *Science*, 369(6502), 370-372, [Online], available at: <https://www.science.org/doi/10.1126/science.abc9520> (Accessed 09 September 2021). (In Russian)

Vakulenko, E. S., Makarova, M. R. & Gorskiy D. I. (2022), "Reproductive intentions and fertility dynamics of the population of different countries during the COVID-19 pandemic: an analytical review of research", *Demograficheskoe obozrenie*, (4), [Online], available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/reproduktivnye-namereniya-i-dinamika-rozhdaemosti-naseleniya-raznyh-stran-v-period-pandemii-covid-19-analiticheskii-obzor> (Accessed 05 July 2023). (In Russian)

Vyzovy pandemii i strategicheskaya povestka dnya dlya obshhestva i gosudarstva: Sotsialno-politicheskoe polozhenie i demograficheskaya situ-

atsiya v 2021 godu [The challenges of the pandemic and the strategic agenda for society and the State: Socio-political situation and demographic situation in 2021] (2021), in Anan'in M.A., Arhangelskiy V.N., Bezverbnij V. A. [et al.], *Federalny nauchno-issledovatel'skiy sotsiologicheskiy tsentr Rossiyskoy akademii nauk*, Moscow, Russia. (In Russian)

Garaeva, Je. I. (2020), "Reproductive behavior during the COVID-19 pandemic", *Institut razvitiya chelovecheskogo potentsiala v usloviyah sovremennykh vyzovov: sbornik statey XI Ural'skogo demograficheskogo foruma: v 2-h tomah* [Institutes of human potential development in the conditions of modern challenges: collection of articles of the XI Ural Demographic Forum: in 2 volumes], Ekaterinburg, Russia, 39-42. (In Russian)

Zolotareva, O. A. & Tihomirova, A. V. (2021), "Mortality and fertility in Moscow: assessment in the context of losses from the pandemic", *Razvitie territoriy*, 4 (26), [Online], available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/smertnost-i-rozhdaemost-v-moskve-otsenka-v-kontekste-poter-ot-pandemii> (Accessed 11 April 2023). (In Russian)

Imideeva, I. V., Badaraeva, R. V. & Kovanova, E. S. (2023), "Demographic component of national security", *DEMIS. Demographic research*, 3 (1), 12-23. (In Russian)

Kazenin, K. I. (2021), "Birth rate in Russia in 2020: regional dynamics", *Ekonomicheskoe razvitie Rossii*, (3), 50-53, [Online], available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/rozhdaemost-v-rossii-v-2020-g-regionalnaya-dinamika> (Accessed 13 July 2022). (In Russian)

Kazenin, K. I., Mitrofanova, E. S. (2023), "Changes in Fertility Amid the COVID-19 Pandemic: A Study of Russian Regions", *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, (2), DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.2.2370>. (In Russian)

Kearney, M. S. & Levine, P. (2020), "The coming COVID-19 baby bust: Update", *Brookings* [Online], available at: <https://www.brookings.edu/blog/up-front/2020/12/17/the-coming-covid-19-baby-bust-update/> (Accessed 19 June 2022). (In Russian)

Kovanova, E. S. & Alekseev, S. G. (2021), "The impact of the COVID-19 pandemic on the reproductive performance of young people (on the example of the Republic of Kalmykia and Buryatia)", *Rossiyskiy jekonomicheskij internet-zhurnal*, (4), [Online], available at: <https://www.e-rey.ru/up-load/iblock/cb9/cb953fd42bfaaa98ecf0bc9f2d946152.pdf> (Accessed 20 July 2022). (In Russian)

re-ry.ru/up-load/iblock/cb9/cb953fd42bfaaa98ecf0bc9f2d946152.pdf (Accessed 20 July 2022). (In Russian)

Pandemiya COVID-19: Vyzovy, posledstviya, protivodeystvie [COVID-19 pandemic: Challenges, consequences, counteraction] (2021), in Torkunov A.V., Ryazancev S. V., Levashov V. K. (ed.), *Aspekt Press*, Moscow, Russia. (In Russian)

Sigareva, E. P., Sivoplyasova, S. Yu., Pletneva, Yu. Je. (2020), "Risks of demographic development in a pandemic", in *Rossiyskoe obshchestvo i gosudarstvo v usloviyah pandemii: Sotsialno-politicheskoe polozhenie i demograficheskoe razvitie Rossiyskoy Federatsii v 2020 godu* [Russian society and the state in a pandemic: socio-political situation and demographic development of the Russian Federation in 2020], Publishing and Trading House "PERSPEKTIVA", Moscow, Russia, 252-273. (In Russian)

Rusanova, N. E. (2020), "Birth rate after the pandemic: "baby boom" or "demographic pit"?", *Vestnik MFYuA*, (4), 151-159, [Online], available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/rozhdaemost-posle-pandemii-bebi-bum-ili-demograficheskaya-yama> (Accessed 4 February 2023). (In Russian)

Rusanova, N. E. (2022), "Procreative behavior in the coronavirus pandemic: from reproductive intentions to the choice of childbirth", *Globalnye vyzovy demograficheskomu razvitiyu: sbornik nauchnykh statey v 2-h tomah* [Global challenges to demographic development: a collection of scientific articles in 2 volumes], Ekaterinburg, Russia, 261-270. (In Russian)

Seredkina, E. A. (2022), "Fertility trends in developed countries during the COVID-19 pandemic", *Demograficheskoe obozrenie*, (1), 109-146, [Online], available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/tendentsii-rozhdaemosti-v-razvityh-stranah-v-period-pandemii-covid-19/viewer> (Accessed 03 January 2023). (In Russian)

Sigareva, E. P., Sivoplyasova, S. Yu. & Pletneva, Yu. Je. (2020), "Risks of demographic development in a pandemic", *Nauka. Kul'tura. Obshchestvo*, 26(4), 98-116. (In Russian)

Sigareva, E. P., Sivoplyasova, S. Yu. & Arhangelskiy, V. N. (2022), "Fertility during the COVID-19 pandemic: expectations and reality", *Vestnik YuRGU (NPI). Seriya: Sotsialno-jekonomicheskie nauki*, 15(4), 204-218. (In Russian)

Hasanova, R. R. & Zubarevich, N. V. (2021), "Fertility, mortality and the situation of the regions

at the beginning of the second wave of the pandemic”, *Ekonomicheskoe razvitie Rossii* (1), 77-87, [Online], available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/rozhdamost-smertnost-naseleniya-i-polozhenie-regionov-v-nachale-vtoroy-volny-pan-demii/viewer> (Accessed 17 October 2022). (In Russian)

Aassve, A., Cavalli, N., Mencarini, L., Plach, S., & Sanders, S. (2021). Early assessment of the relationship between the COVID-19 pandemic and births in high-income countries. *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America*, 118(36), e2105709118.

Vasić, P. (2021), Covid-19 and fertility in Serbia: Rough pandemic impact assessment, *Demografiya*, (18), 19-38. DOI: 10.5937/demografiya2118019V.

*Статья поступила в редакцию 26 июля 2023 г.
Поступила после доработки 28 августа 2023 г.
Принята к печати 10 сентября 2023 г.
Received 26 July 2023. Revised 28 August 2023.
Accepted 10 September 2023.*

Конфликты интересов: у авторов нет конфликта интересов для декларации.
Conflicts of Interest: the authors have no conflicts of interest to declare.

Сигарева Евгения Петровна, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Института демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Москва, Россия

Evgenia P. Sigareva, Candidate in Economics, Leading Researcher, Institute for Demographic Research – Branch of the Federal Center for Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences (IDR FCTAS RAS), Moscow, Russia.

Сивоплясова Светлана Юрьевна, кандидат экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук; доцент кафедры Московского авиационного института (национального исследовательского университета), Москва, Россия

Svetlana Yu. Sivoplyasova, Candidate in Economics, Associate Professor, Leading Researcher, Institute for Demographic Research – Branch of the Federal Center for Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences (IDR FCTAS RAS); Associate Professor, Moscow Aviation Institute (National Research University), Moscow, Russia.

УДК 159.9

DOI: 10.18413/2408-9338-2023-9-3-0-7

¹Честюнина Ю. В.

²Куба Е. А.

²Забелина Е. В.

²Задорожная А. В.

Структура удовлетворенности жизнью в пенсионном возрасте (на материале исследования пациентов, находящихся на реабилитации после перенесенного COVID-19)

¹Донской государственный технический университет
площадь Гагарина, дом 1, Ростов-на-Дону, 1344003, Россия
chestyunina@list.ru

²Челябинский государственный университет
улица Братьев Кашириных, дом 129, Челябинск, 454100, Россия
ipipelena@mail.ru
katya_k@mail.ru
vioav71@gmail.com

Аннотация. Одним из критериев уровня цивилизованности общества является его отношение к людям преклонного возраста. В связи с этим приобретает актуальность проблема исследования потенциальных возможностей улучшения удовлетворенности жизнью людей позднего возраста для обеспечения им достойной и благополучной старости. Целью настоящего исследования стало изучение структуры удовлетворенности жизнью у людей позднего возраста. Исследование проводилось на базе МБУЗ Челябинский областной центр реабилитации, выборку составили респонденты старше 60 лет ($n=95$). Исследование проводилось с помощью анкеты для оценки качества жизни SF-36; Шкалы удовлетворенности жизнью (SWLS) – краткого скринингово самоопросника (E. Diener, R. A. Emmons, R. J. Larsen и S. Griffin) в адаптации Д. А. Леонтьева и Е. Н. Осина; шкалы уровня субъективного дохода А. Фенема в адаптации О. С. Дейнека. Для анализа структуры удовлетворенности жизнью был выполнен эксплораторный факторный анализ методом главных компонент с Варимакс-вращением, который позволил выделить 4 фактора, в совокупности объясняющих 71,38% общей дисперсии. По содержанию входящих в состав факторов переменных были выделены «Социально-экономический компонент удовлетворенности жизнью» свидетельствующий о важности жизни на пенсии в достойных условиях, о значимости достижения главных целей. «Психологический компонент» удовлетворенности говорит о значимости сил и энергии, положительных эмоций, а также насколько физические и эмоциональные ресурсы позволяют реализовывать себя в обществе. Третий фактор «Физический компонент удовлетворенности» включает в себя переменные, связанные с оценкой физического состояния и его влияние на выполнение работы и повседневных обязанностей. Последний фактор, «Эмоционально-ролевой компонент удовлетворенности», включает в себя оценку степени, в которой эмоциональное состояние обуславливает выполнение различных видов деятельности. Результаты исследования позволяют предположить, что улучшение финансового благополучия и социального функционирования положительно скажутся на удовлетворенности жизнью в позднем возрасте.

Ключевые слова: удовлетворенность жизнью; качество жизни; доход; поздний возраст

Благодарности. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-00421, <https://rscf.ru/project/22-28-00421>.

Информация для цитирования: Честюнина Ю. В., Куба Е. А., Забелина Е.В., Задорожная А. В. Структура удовлетворенности жизнью в пенсионном возрасте (на материале исследования пациентов, находящихся на реабилитации после перенесенного COVID-19) // Научный результат. Социология и управление. 2023. Т. 9, № 3. С. 89-109. DOI: 10.18413/2408-9338-2023-9-3-0-7.

Research article

¹Yuliya V. Chestyunina ,

²Elena A. Kuba ,

²Ekaterina V. Zabelina ,

²Alena V. Zadorozhnaya

**Structure of satisfaction with life in retirement
(on the sample of patients in rehabilitation after COVID-19)**

¹ Don State Technical University,
1 Gagarin Sq., Rostov-on-Don, 1344003, Russia
chestyunina@list.ru

² Chelyabinsk State University
129 Kashirin Brothers St., Chelyabinsk, 454001, Russia
ipipelena@mail.ru
katya_k@mail.ru
vioav71@gmail.com

Abstract. One of the criteria of the level of civility of society is its attitude towards the elderly. In this regard, there is an urgent need to explore the potential for improving the satisfaction of people later in life to achieve decent and prosperous old age. The purpose of this study is to examine the structure of life satisfaction at a late age. The research was conducted on the basis of Chelyabinsk Regional Rehabilitation Center, the sample was the respondents older than 60 years (n=95). *Materials and methods:* SF-36 Quality of Life Assessment Questionnaire; Life Satisfaction Scale (SWLS) (E. Diener, R. A. Emmons, R. J. Larsen and S. Griffin in the adaptation of D. A. Leontiev and E. N. Osin); A. Fenem subjective income scale in O. S. Deyneka adaptation. In order to analyze the structure of life satisfaction, an exploratory factor analysis was performed using the main components with the Varimax rotation procedure, which allowed to allocate 4 factors, explaining 71.38% of the total variance. *The results of the study and their discussion:* according to the content of the variables included in the factors, the “Socio-Economic component of life satisfaction” was singled out, testifying to the importance of life in comfortable conditions in retirement, the importance of achieving the main goals. “The psychological component of satisfaction” speaks about the value of forces, energy, positive emotions and the extent to which physical and emotional resources allow one to realize oneself in society. The third factor “Physical component of satisfaction” includes variables related to the assessment of physical condition and its impact on the performance of work and daily duties. The last factor, “Emotional-role component of satisfaction”, includes an assessment of the extent to which the emotional state determines the performance of various activities. The results

of the study suggest that improved financial well-being and social functioning will have a positive impact on life satisfaction in later life.

Keywords: life satisfaction; the quality of life; income; late age

Acknowledgements: The research was carried out at the expense of the grant of the Russian Science Foundation № 22-28-00421, <https://rscf.ru/project/22-28-00421>.

Information for citation: Chestyunina, Y.V., Kuba, E.A., Zabelina, E.V., Zadorozhna, A.V. (2023), "Structure of satisfaction with life in retirement (on the sample of patients in rehabilitation after COVID-19)", *Research Result. Sociology and Management*, 9 (3), 89-109, DOI: 10.18413/2408-9338-2023-9-3-0-7.

Введение (Introduction). Одним из критериев уровня цивилизованности общества является его отношение к пенсионерам и их удовлетворенность жизнью. В настоящее время быстрыми темпами происходит изменение возрастного состава населения в направлении его старения – увеличения доли пожилых людей.

Согласно тенденции демографического старения общества, пенсионеры становятся значимым (весомым) кластером общества. Старение является одной из важнейших проблем общественного здравоохранения, поскольку для обеспечения достойного уровня жизни пожилых людей требуются весомые материальные вложения для адекватной работы пенсионных систем и покрытием расходов системы здравоохранения (Китайцева, 2017; Барсуков, 2014).

Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) ожидает, что число пожилых людей в возрасте 65 лет и старше утроится с 2010 по 2050 год. Комитет по охране здоровья 6 марта 2023 года с Михаилом Мурашко обсудил результаты работы за 2022 год, по словам Министра, в 2022 году показатель ожидаемой продолжительности жизни в России увеличился до 72,6 лет, что на 2,5 года выше, чем в 2021 году (Галиева, Аслаева, Гатауллин, 2016).

Позитивной стороной проблемы старения населения является использование потенциала пожилых людей как в экономической, как и социальной жизни общества (Барсуков, 2014). Для этого необходимо создать условия сохранения работоспособности в позднем возрасте (Вараксина, 2012). В

этом смысле одной из главных задач, стоящих перед психологической наукой, является необходимость исследования удовлетворенности жизни людей позднего возраста с целью обеспечения их достойной и благополучной старости. (Нестерова, 2018).

Сам феномен удовлетворенности жизнью, с одной стороны, изучается на материале исследования молодых когорт населения: подростков (Савченко, Головина, 2018; Валиев с соавт., 2023 и др.), студентов (Лабунская, 2019, Завгородняя, 2020 и др.), взрослого работающего населения (Грачев, 2008, Терра, 2010 и др.), с другой стороны, в последние годы стали появляться работы, изучающие удовлетворенность у представителей пенсионного возраста (Павлова, 2020, Николаева, 2020 и др.).

В нескольких мета-анализах рассматривалась удовлетворенность жизнью в различных группах населения, например, в общей популяции и в группе пожилого возраста (Pinquart, Sörensen, 2001).

Обзоры моделей и концепций старения показали, что удовлетворенность жизнью, качество жизни и счастье являются ключевыми факторами успешного старения (Fateme, Maryam, et al, 2020; Martinson, Berridge 2014; Young, Frick, Phelan, 2009).

Удовлетворенность жизнью является когнитивным компонентом субъективного благополучия. Это широко исследуемая конструкция в психологии, которая относится к общей оценке людьми своей жизни в целом (Динер, Динер М, 2005). Уровень удовлетворенности жизнью, испытываемый индивидуумом, будет зависеть от ре-

зультата, полученного при сравнении жизненных условий (т. е. достижений) со стандартами, установленными самим индивидом для определения хорошей жизни (т. е. ожиданиями). Таким образом, человек с высокой удовлетворенностью жизнью положительно оценивает условия, в которых складывается его жизнь.

Удовлетворенность жизнью и психологическое благополучие у пожилых людей сопряжено с высокой субъектностью личности, самооценностью и осмысленностью жизни, удовлетворенностью процессом и результативностью своей жизни, согласованностью между запланированным и реализованным и др. (Нерушай, 2021). На удовлетворенность жизнью влияет качество жизни, которое основано на субъективном восприятии. При таком рассмотрении качество жизни включает в себя не только физическое и эмоциональное, но и социальное и психологическое функционирование. Отмечается, что качество жизни – это динамическая структура, изменяющаяся в зависимости от различных факторов (Новик, Ионов, 2006) может здесь определение качества жизни.

Имеются данные, подтверждающие взаимосвязь между социальным участием, активностью и удовлетворенностью в позднем возрасте (Adams, Leibbrandt, 2011; Huxhold, Miche, Schüz, 2014; Mackenzie, Abdulrazaq, 2021).

Ряд зарубежных и отечественных исследователей подчеркивают связь здоровья, как объективного, так и субъективного, с удовлетворенностью. Так А. Steptoe физическое здоровье связывает с субъективным благополучием и удовлетворенностью жизнью (Steptoe, 2019). В исследовании В. С. Ивановой, Л. И. Иванкиной говорится о том, что здоровье человека – одна из базовых ценностей людей пожилого возраста, обуславливающая уровень их благополучия (Иванова, Иванкина, 2015). При изучении проблемы здоровья разграничивают его объективные, медицинские, так и субъективные переменные (представления о

здоровье). Однако, исследования, проведенные российскими и зарубежными учеными, убедительно доказывают, что именно субъективная самооценка здоровья пожилых людей в значительной степени влияет на его объективные составляющие (Иванова, Иванкина, 2015). Такая субъективная оценка здоровья может изучаться, посредством опросника, предназначенного для исследования неспецифического качества жизни, связанного со здоровьем (англ. Medical Outcomes Study-Short Form, сокр. MOS SF-36), поскольку качество жизни, связанное со здоровьем, можно рассматривать как интегральную характеристику физического, психического и социального функционирования. Исходя из этого, можно предположить, что субъективная оценка здоровья, как физического, так и психического, может рассматриваться как составляющая интегрального показателя удовлетворенности жизнью.

У людей пенсионного возраста больше шансов заболеть (COVID-19), (Karagiannidis et al., 2020; Nachtigall et al., 2020), чем у представителей среднего возраста. Пандемия оказала негативное влияние на благополучие, при этом, у пожилых людей более высокий уровень устойчивости и опыта переживания кризисных ситуаций (Gilan et al., 2020; Munk et al., 2020, Knepple Carney et al., 2021). Учитывая многомерность конструкта благополучия, различные его составляющие могут быть не одинаково «чувствительными к COVID-19», тогда как удовлетворенность жизнью как когнитивно-оценочный показатель благополучия может быть меньше затронут ситуацией пост-ковидного кризиса (Entringer et al., 2020).

Н. С. Павлова и Е. А. Сергиенко отмечают, что активный образ жизни проявляется в более высоких оценках качества жизни (Павлова, 2020). Социальная вовлеченность помогает избежать появления чувства одиночества (Лазарянц, 2010) и страха невостребованности (Кадырова, 2019).

Поднимая вопрос о связи здоровья и удовлетворенности жизнью, важно сказать о влиянии пандемии, которая вызвала не только снижение продолжительности жизни популяции, но и изменила удовлетворенность жизнью за счет снижения когнитивных функций, увеличением проявления болевого синдрома особенно у лиц пожилого возраста.

Достаточно большое количество исследований посвящено исследованию экономических проблем пенсионеров. При этом отмечается, что анализ объективного материального положения пенсионеров затруднен. Его можно проводить лишь по размерам пенсий и пособий и по самооценке людьми своего материального положения без учета других источников дохода (Китайцева, 2017; Нестерова, Жучкова, 2018; Садыков, 2016; Садыков, 2019; Козырева, Смирнов, 2018; Галиева, Аслаева, Гатауллин, 2017).

Ф. Ноу подчеркивает положительный эффект увеличения дохода на удовлетворенность жизнью людей. При доходе ниже прожиточного минимума удовлетворенность жизнью пожилых увеличивается в ответ на увеличение доходов, что позволяет им удовлетворять основные потребности, такие как улучшение питания, оплата ЖКХ (Ноу, 2014). После увеличения уровня доходов изменяется концепция потребностей, делая их недовольными по мере дальнейшего роста доходов. В период пандемии в группе респондентов было отмечено падение дохода за счет увеличения трат, связанных с процессом лечения, что могло негативно сказаться на удовлетворенности жизнью.

Анализ проведенных ранее исследований позволяет сформулировать ряд выводов. Во-первых, исследования, изучающие

разные аспекты удовлетворенности жизнью у представителей пенсионного возраста (Павлова, 2020, Николаева, 2020 и др.) стали появляться чаще в научной литературе, что свидетельствует о возрастающей актуальности проблемы. Во-вторых, удовлетворенность жизнью тесно связана с такими феноменами, как «субъективная оценка здоровья», «самооценка своего материального положения», «физическое, эмоциональное, социальное и психологическое функционирование». В-третьих, в разных исследованиях изучаются разные составляющие удовлетворенности жизнью: такие как качество жизни, удовлетворенность доходом, работой, браком и др. Особенностью данного исследования является подход, в рамках которого удовлетворенность жизнью рассматривается как интегральный показатель.

Таким образом, можно предположить, что удовлетворенность жизнью включается в себя не только меру соответствия жизненных условий (реальной ситуации) стандартам, установленными самим индивидом для определения хорошей жизни (ожиданиями), но и соответствующим образом измеряемые показатели удовлетворенности собственным здоровьем (физическим и психологическим), доходом и социальным функционированием. Данное предположение позволяет говорить об интегральном показателе удовлетворенности жизнью, включающем в себя социальный (удовлетворенность жизненными условиями и социальным функционированием в обществе), экономический (удовлетворенность доходом), психологический (удовлетворенность своим психологическим состоянием) и физический компоненты (удовлетворенность своим физическим здоровьем, активностью). Наглядно структура удовлетворенности представлена на Рисунке 1.

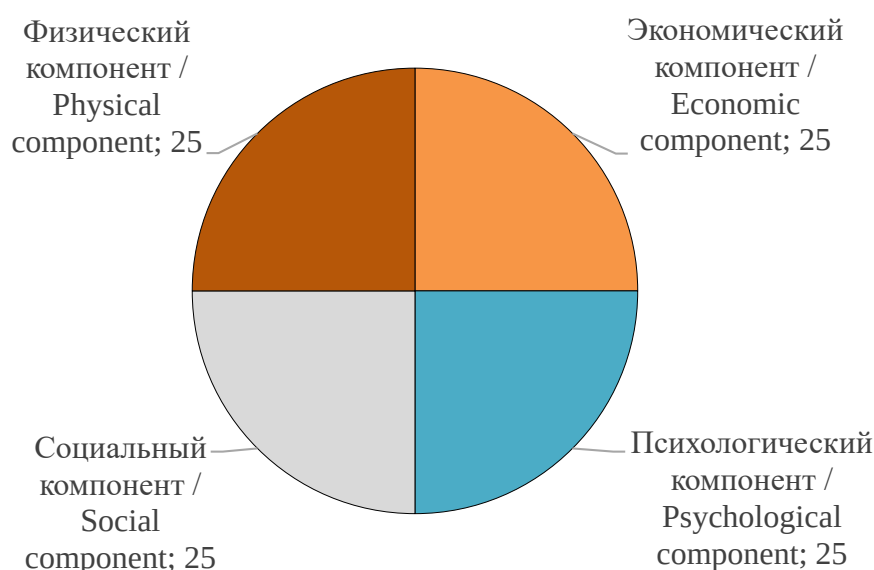

Рисунок 1. Модель структуры удовлетворенности жизнью в пенсионном возрасте
Figure 1. Model of the structure of life satisfaction in retirement age

Следует отметить, что рассматриваемые компоненты удовлетворенности можно назвать универсальными, но их иерархия будет зависеть от внешних (жизненной ситуации, в которой находится человек) и внутренних (ценности, базовые убеждения и др.) факторов.

В этой связи целью настоящего исследования стало эмпирическое изучение факторной структуры удовлетворенности жизнью у людей позднего возраста, находящихся на реабилитации после перенесенного COVID-19 и сравнение с теоретической моделью.

Данная выборка подобрана не случайно. На сегодняшний день государственная политика социальной защиты сегодня направлена на оказание помощи малоимущим слоям населения, работу с молодежью, а пожилой возраст рассматривается как завершающий период развития человека (Барыгин, 2013). Категория людей, отобранная для исследования, с одной стороны, не является объектом социальной защиты, а с другой стороны, с нашей точки зрения, нуждается в ней, в связи возникшей в их жизни длительной сложной жизненной ситуацией.

Материалы и методы исследования (Methodology and methods). Исследование

проводилось на базе ГБУЗ Челябинский областной центр реабилитации, и посредством проведения онлайн-опроса с использованием Google Forms® в период с ноября 2021 по апрель 2022 года. Первоначально в исследовании приняли участие 112 респондентов пожилого возраста. Из них 95 ответили на все вопросы предлагаемых методик. Возраст варьировался от 60 до 81 лет ($M = 66,08$; $SD = 5,61$), по полу респонденты были представлены почти поровну 48 женщины – 52,5 % и 41 мужчина – 49,5 %. Из общего числа пожилых отметили, что холосты 7 респондентов – 7,4%, замужем/женаты 33 респондента – 34,7%, разведены 14 респондентов – 14,7%, вдовец/вдова 27 респондентов – 28,5%; ответили «другое» 14 респондентов – 14,7 %. Таким образом, можно сделать вывод, что 62 респондента – 62,5% не состоят в браке и возможно проживают одни. Все участники добровольно согласились на участие и были проинформированы о цели исследования.

Для исследования интегрального показателя удовлетворенности использовалась следующая батарея методик. Социальный компонент изучался с использованием методики «Шкала удовлетворенности жиз-

нию» (SWLS; Diener et al., 1985). Шкала состоит из 5 пунктов, которая оценивает индивидуальную удовлетворенность жизнью. Тест состоит из шкалы ответов Лайкерта от 1 (полностью не согласен) до 7 (полностью согласен). Шкала имеет адекватные психометрические свойства с высокой конвергентной и дивергентной достоверностью. Имеет внутреннюю согласованность 0,87 для исходной версии (Diener et al., 1985) и 0,75 для Русской версии.

Диагностика психологической и физиологической составляющей удовлетворенности осуществлялась посредством опросника, предназначенного для исследования неспецифического качества жизни, связанного со здоровьем (англ. Medical Outcomes Study-Short Form, сокр. MOS SF-36): анкета для оценки качества жизни.

Для исследования экономической составляющей удовлетворенности жизнью в исследовании использовалась шкала уровня субъективного дохода А. Фенема в адаптации О. С. Дейнека. Респондентам предлагалось оценить уровень своего дохода по 7-балльной шкале, где 1 – свою концы с концами, а 7 – очень высокий.

В качестве методов математической статистики для описания полученных результатов использовались дескриптивная статистика, с целью анализа связи между переменными, составляющими разные аспекты удовлетворенности жизнью, был проведен корреляционный анализ r-Спирмена. Для анализа структуры удовлетворенности жизнью был выполнен эксплораторный факторный анализ методом главных компонент с Варимакс-вращением.

Главная цель факторного анализа, снижение размерности, переход от большого количества исходных переменных к существенно меньшему количеству факторов, или компонентов факторной структуры. Фактор при этом рассматривается как причина совместной изменчивости исходных переменных (Наследов, 2004). При обработке полученных данных был использован статистический пакет SPSS 24.0.

Научные результаты и дискуссия (Research Results and Discussion).

Исходя из средневыворочных значений удовлетворенности доходом ($M = 2,7158$; $SD = 0,95275$), люди пенсионного возраста оценивают свой доход ниже среднего. Доход может иметь особое значение, поскольку люди с более низкими доходами имеют меньше возможностей для доступа к товарам и услугам, способствующим укреплению здоровья, для сохранения чувства контроля или безопасности над своей жизнью. Как утверждается в ранее проведенных исследованиях, изменение дохода на 10% улучшает психическое здоровье взрослых (Bell, Singham, et al, 2022). При этом потеря дохода оказывает крайне негативное влияние на психическое здоровье (Shields-Zeeman, Smit, 2022), особенно для тех, кто живет чуть выше или за чертой бедности, для кого падение доходов может представлять существенные изменения жизнедеятельности. Это особенно актуально в условиях текущей экономической ситуации, на которую повлияли внешние потрясения, такие как пандемия COVID-19, специальная военная операция, повышение тарифов и цен во всех сферах.

Таблица 1

Описательная статистика качества и удовлетворенности жизнью

Table 1

Descriptive statistics on quality and life satisfaction

Шкалы / Scales	Среднее / medium	Станд. Откл / Standard deviation	Асимметрия / Asymmetry		Экссесс / Excess	
	Стат. / stat.	Стат. / stat.	Стат. / stat.	Ст. ош / stat error	Стат. / stat.	Ст. ош / stat error
Описательная статистика качества жизни / Descriptive quality of life statistics						
Физическое функционирование / Physical Functioning	56,6842	25,91527	-,197	,247	-,859	,490
Рольное функционирование, обусловленное физическим со- стоянием / Role-Physical Functioning	36,2632	32,39524	,842	,247	-,441	,490
Интенсивность боли / Bodily pain	52,8105	18,35947	-,143	,247	,479	,490
Общее состояние здоровья / General Health	51,0842	11,78772	,179	,247	1,096	,490
Жизненная активность / Vitality	50,1579	13,35785	-,103	,247	,539	,490
Психический компонент здоро- вья / Mental Health	52,2526	13,59362	-,127	,247	2,016	,490
Социальное функционирование / Social Functioning	45,2632	17,69449	,909	,247	1,854	,490
Рольное функционирование, обусловленное эмоциональным состоянием / Role-Emotional	51,5789	39,72971	-,018	,247	-1,527	,490
Физический компонент здоровья / Physical health	35,9299	6,76838	-,030	,247	,402	,490
Психологический компонент здоровья / Mental Health	58,5861	8,43798	,236	,247	,236	,490
Описательная статистика удовлетворенности жизнью / Descriptive statistics of life satisfaction						
Соответствие жизни идеалу /Life conformity to the ideal	3,7474	1,50862	-,375	,247	-,720	3,7474
Удовлетворенность условиями жизни / Satisfaction with the con- ditions of life	3,9263	1,50349	-,371	,247	-,746	3,9263
Удовлетворенность жизнью / Life satisfaction	4,0947	1,61821	-,357	,247	-,779	4,0947
Достижение жизненной цели / Achievement of a life goal	4,6947	1,45188	-,919	,247	,534	4,6947
Удовлетворенность прожитой жизнью / Satisfaction with the life lived	4,2632	1,49617	-,580	,247	-,099	4,2632

Из данных таблицы видно, что наименьшие значения в группе респондентов получены по интегральной шкале – общий физический компонент здоровья. Это свидетельствует о том, что физическая активность (самообслуживание, забота о своих потребностях, ходьба, а также отдых) значительно ограничена состоянием здоровья.

Низкие значения в группе респондентов по шкале ролевое функционирование, обусловленное физическим состоянием, свидетельствует о том, что физическое состояние респондентов мешает выполнению повседневной деятельности, происходит уменьшение объема и качества сделанной работы, а также увеличение затрат времени на их выполнение.

Высокие значения получены по шкале интенсивность боли: респонденты испытывали больше болевых ощущений по сравнению с данными пожилых с 60 лет, полученными в многоцентровом исследовании качества жизни «МИРАЖ» 2008 года (Амирджанова, Горячев и др., 2008).

Высокие значения получены по шкале психологический компонент и интегральный психологический компонент здоровья: в течение последнего месяца респонденты

чувствовали себя спокойными и умиротворенными. Этот эффект может возникать из-за того, что респонденты находятся на этапе осмысления пройденного пути, что позволяет чувствовать новый этап в жизни.

Анализируя описательную статистику удовлетворенности жизнью, можно говорить о том, что меньше всего российские представители пенсионного возраста согласны с утверждением, что их жизнь соответствует идеалу, и больше всего разделяют утверждение о том, что главного в своей жизни им удалось достичь.

Далее с целью изучения специфики взаимосвязи между переменными удовлетворенности жизнью был проведен корреляционный анализ г-Спирмена. Результаты корреляционного анализа представлены в виде плеяд, отражающих взаимосвязь субъективной удовлетворенности доходом с показателями удовлетворенности жизнью (Шкала удовлетворенности жизнью SWLS; Diener et al., в адаптации Е. Н. Осина, Д. А. Леонтьева) (Рисунок 2) и качества жизни (EQ-5D-5L) (Рисунок 3). Крреляции переменных, относящихся к описанию удовлетворенности жизнью и качества жизни (Рисунок 4).

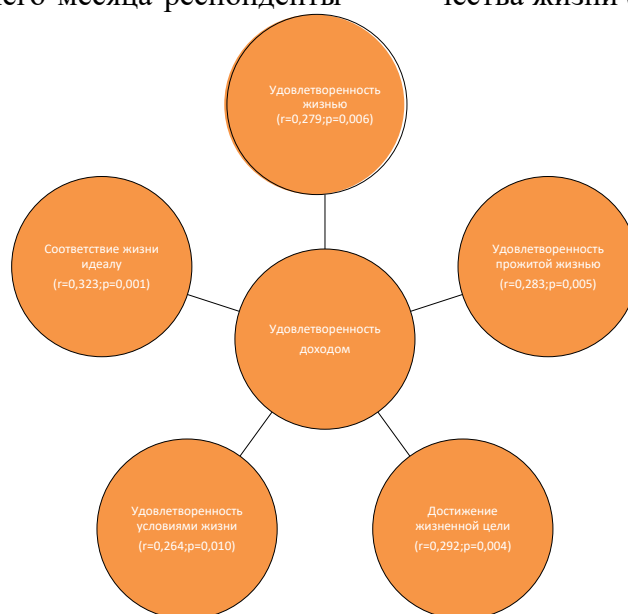

Рисунок 2. Взаимосвязь субъективной удовлетворенности доходом с показателями удовлетворенности жизнью (Шкала удовлетворенности жизнью SWLS; Diener et al., в адаптации Е. Н. Осина, Д. А. Леонтьева).

Figure 2. Relationship between subjective satisfaction with income and life satisfaction indicators (SWLS Life Satisfaction Scale; Diener et al., adapted by E. N. Osina, D. A. Leontiev).

Представленный на Рисунке 2 корреляционный анализ ещё раз подтвердил значимость субъективной удовлетворенности

доходом в пенсионном возрасте и его взаимосвязь с удовлетворенностью жизнью (добавить исследования).

Рисунок 3. Взаимосвязь субъективной удовлетворенности доходом с показателями качества жизни (EQ-5D-5L)
Figure 3. Relationship between subjective satisfaction with income and quality of life indicators (EQ-5D-5L)

Взаимосвязи субъективной удовлетворенности доходом с показателями качества жизни, представленные на Рисунке 4, подтверждают данные о связи материального благополучия и здоровья (Bell, Singham, et al, 2022; Shields-Zeeman, Smit, 2022).

Анализируя взаимосвязь показателей удовлетворенности жизнью и качества жизни, обращает на себя внимание тот факт, что переменная «Интенсивность боли» коррелирует со всеми показателями удовлетворенности жизнью. Эти результаты исследования вполне объяснимы. Человек, испытывающий боль, не может считать свою жизнь идеальной ($r=0,293$, при $p=0,004$). Также при субъективной оценке условий жизни, люди пенсионного возраста, испытывающие интенсивные боли, будут весьма критичны, поскольку существующие условия не позволяют им избавиться от боли, тем самым повысить свое качество жизни ($r=0,341$, при $p=0,001$).

Наблюдается прямая взаимосвязь между интенсивностью боли и удовлетворенностью жизнью ($r=0,214$, при $p=0,038$). Чем интенсивнее боль, тем сложнее становится достижение главных целей своей жизни ($r=0,277$, при $p=0,006$). Пожилым людям сложно быть довольными своей прожитой жизнью, если в пенсионном возрасте они испытывают достаточно интенсивные боли ($r=0,288$, при $p=0,005$).

Также на рисунке отражены взаимосвязи удовлетворенности условиями жизни с разными показателями субъективной оценки здоровья, в частности удовлетворенности своим физическим функционированием ($r=0,239$, при $p=0,019$), общим состоянием здоровья ($r=0,263$, при $p=0,010$), и психическим здоровьем ($r=0,217$, при $p=0,035$). Исходя из этого, можно сделать вывод о важности создания достойных условий, позволяющих человеку, в том числе с временными или постоянными

ограниченными возможностями, продолжать свое полноценное функционирование.

Удовлетворенность прожитой жизнью также тесно связана показателями качества жизни, такими как интенсивность

боли, описываемая выше, физическим функционированием ($r=0,304$, при $p=0,003$), общим состоянием здоровья ($r=0,225$, при $p=0,028$), и психическим здоровьем ($r=0,216$, при $p=0,036$).

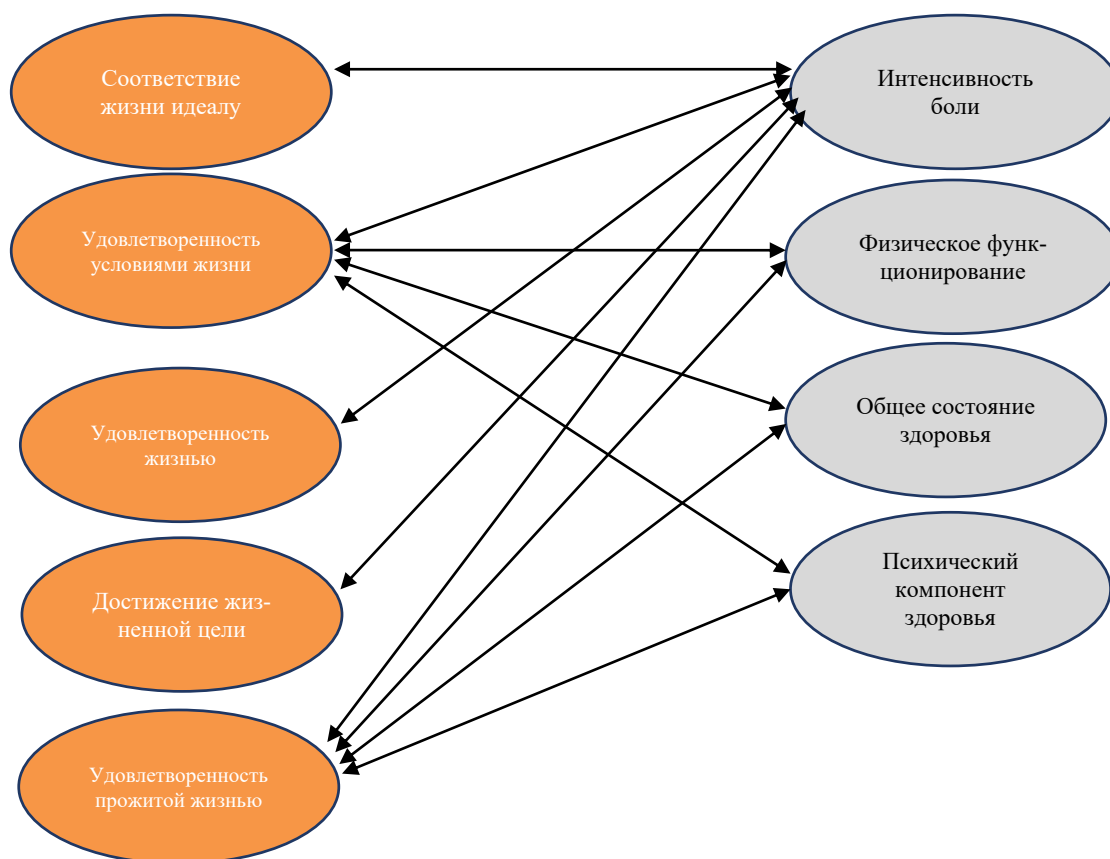

Рисунок 4. Корреляционная плеяда, отражающая взаимосвязь показателей удовлетворенности жизнью и качества жизни

Figure 4. Correlation galaxy reflecting the relationship between indicators of life satisfaction and quality of life

Далее с целью исследования структуры интегральной удовлетворенности жизнью был проведен эксплораторный факторный анализ методом главных компо-

нент с Варимакс-вращением, который позволил выделить 4 фактора, в совокупности объясняющих 71,38 % общей дисперсии (Таблица 2).

Таблица 2

Факторная структура удовлетворенности жизнью

Table 2

Factor structure of life satisfaction

Утверждения / assertions	Факторный анализ / Factor analysis			
	1	2	3	4
Удовлетворенность доходом / Income satisfaction	,461	-,155	,108	,451
Физическое функционирование / Physical Functioning	,218	,185	,816	
Рольное функционирование, обусловленное физическим состоянием / Role-Physical Functioning	-,156	,325	,651	,153
Интенсивность боли / Bodily pain	,384		,577	,271
Общее состояние здоровья / General Health	,247	,643		-,395
Жизнеспособность, жизненная активность / Vitality		,856		
Психическое здоровье / Mental Health	,137	,876	,203	
Социальное функционирование / Social Functioning	-,233	,708		
Рольное эмоциональное функционирование / Role-Emotional		,411	,280	,770
Физический компонент здоровья / Physical health	,108	-,233	,955	
Психологический компонент здоровья / Mental Health		,857	-,119	,489
Соответствие жизни идеалу / Life conformity to the ideal	,835			
Удовлетворенность условиями жизни / Satisfaction with the conditions of life	,833	,108		-,106
Удовлетворенность жизнью / Life satisfaction	,806			,137
Достижение жизненной цели / Achievement of a life goal	,808	-,138		,109
Удовлетворенность прожитой жизнью / Satisfaction with the life lived	,824	,107	,150	
Доля объяснимой дисперсии, % / Share of explainable dispersion, %	24,75	22,40	15,80	8,43

В первый фактор «Социально-экономический компонент удовлетворённости жизнью» вошли все показатели удовлетворенности жизнью по Э. Динеру и субъективная оценка дохода. Содержание компонента говорит о важности жизни на пенсии в достойных условиях, о возможности достижения главных целей, а также необходимости иметь на это средства. Материальное благополучие является важным показателем, который демонстрирует социальному окружению успешность в жизнедеятельности, особенно детям. Пожилые с хорошим материальным положением проявляют де-

ловые качества, посещают культурные мероприятия, занимаются здоровьем (посещают танцы, бассейн), соблюдают режимные и гигиенические моменты (стрижка ногтей, головы, косметические процедуры), участвуют в воспитании и обучении внуков (Честюнина, Куба, 2021). Особенно обостряется эта связь в период пандемии. Как показывают исследования, чем выше испытываемые оценивают влияние пандемии на свое финансовое состояние, тем выше у них проявляется негативные состояния.

Во второй фактор «Психологический компонент удовлетворенности» входят психическое здоровье, психологический

компонент здоровья, жизненная активность, социальное функционирование и общее состояние здоровья. Состояние психологического благополучия характеризуется отсутствием болезненных психических явлений и обеспечивает регуляцию поведения и деятельности. Психологическое здоровье предполагает обращения к переживаниям и чувствам, знаниям, интересам, а жизненная активность является необходимым фактором социального и психологического благополучия. Социальное функционирование рассматривается как совпадение реализации материальных и духовных потребностей с возможностями: доходом, оплатой товаров и услуг (продовольственная корзина и ЖКХ) и психологическим комфортом и благополучием. Жизненная активность является одним из критериев удовлетворенности жизнью. Тяжелое физическое состояние здоровья при перенесенном COVID-19 может приводить к переоценке жизненных ценностей и иметь положительное влияние на психологическое состояние.

Третий фактор «Физический компонент удовлетворенности» включает физический компонент здоровья, физическое функционирование, ролевое функционирование, обусловленное физическим состоянием и интенсивность боли. Пожилые были ограничены в повседневной деятельности субъективными болевыми ощущениями и проблемами, связанными со здоровьем, в выполнении повседневной деятельности и повседневных обязанностях. Физическая активность играет важную роль в профилактике заболеваний, которые могут приводить к ограничению в сферах жизнедеятельности или инвалидизации.

Четвертый «Эмоционально-ролевой компонент удовлетворенности» включает ролевое эмоциональное функционирование – эмоциональные характеристики, как положительного (бодрость духа, оптимизм), так и отрицательного значения (тревогу, грусть, раздражение, одиночество, депрессию), проявляющиеся во всех сферах жизнедеятельности. Подчеркивается, что у лиц в пожилом возрасте наблюдаются аффективные нарушения (Местечко, Соловьев, Новикова, 2012). Перенесенный в критической форме COVID-19 приводит к переоценке жизни и может иметь положительное влияние на ролевое эмоциональное функционирование, так как происходит переоценка ценностей и пожилой человек может положительно расценивать доступные формы деятельности, как социальной, так и общественной.

Удовлетворенность жизнью у людей с хроническими заболеваниями, которые страдают от множества проблем со здоровьем, имеет особенности. В такой ситуации физические симптомы могут иметь прямое влияние на все аспекты качества жизни и удовлетворенность жизнью. Аналогично изменения здоровья могут вносить постоянные изменения в жизнь человека (потребность в уходе за собой, прием лекарственных препаратов, усталость т. д.) и, таким образом, иметь влияние на удовлетворенность жизнью. Наглядное отражение факторной структуры представлено на Рисунке 4 в виде диаграммы вращения.

На Рисунке 5 наглядно отражена структура удовлетворенности жизнью пенсионного возраста. Размер кругов коррелирует долей объяснимой дисперсии компонента структуры.

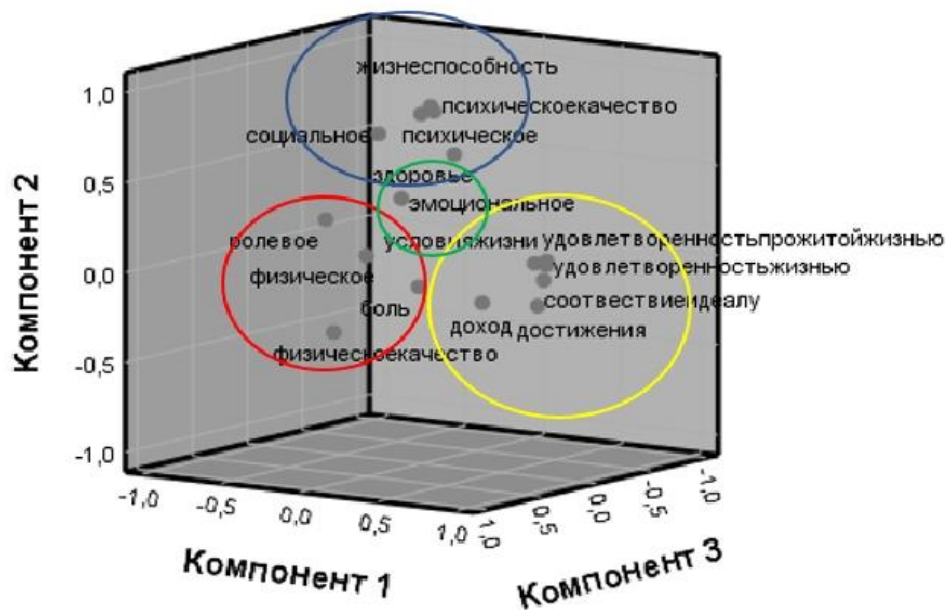

Рисунок 5. Структура удовлетворенности жизнью людей пенсионного возраста
Figure 5. The structure of life satisfaction of people of retirement age

На рисунке видно, что наиболее значимым компонентом удовлетворенности является социально-экономический. Это свидетельствует об озабоченности людей пенсионного возраста материальными вопросами и условиями жизни. Психологический компонент также является одним из ключевых и обуславливает, с одной стороны, жизненную активность, позитивные, эмоции хорошее состояние здоровья, то есть активное социальное функционирование. Обратная сторона связана с упадком сил, тревожными и депрессивными состояниями, и в этом случае человек не способен адекватно выполнять свои социальные роли. Следующий компонент, физический, при всей его значимости, находится лишь на третьем месте. Наполнение компонента связано с наличием либо отсутствием физических возможностей для реализации основных социальных активностей. Например, проблемы с физическим здоровьем, наличие болей, могут существенно затруднять выполнение как социально-бытовых обязанностей, так и профессиональной деятельности. И последний компонент, эмоционально-ролевой, можно назвать «буфер-

ным». Он связан со всеми описанными компонентами. Как и другие компоненты, он имеет положительной и отрицательный полюс, и когда речь идет о позитивной составляющей (бодрость духа, оптимизм), это дает эмоциональный заряд для ролевого функционирования и положительно коррелирует с удовлетворенностью жизнью, с оценкой доходов, психологической составляющей здоровья. Негативный полюс (тревога, грусть, раздражение, одиночество, депрессия) затрудняет выполнение ролевых обязанностей и тоже положительно коррелирует другими компонентами удовлетворенности. Низкие значения эмоционально-ролевого функционирования будут сопровождаться низкой самооценкой дохода, неудовлетворенностью психологическим компонентом здоровья.

Закключение (Conclusions). Таким образом, исследование структуры удовлетворенности жизнью в пенсионном возрасте у пациентов, находящихся на реабилитации после перенесенного COVID-19 позволило сделать следующие выводы:

В среднем респонденты, участвующие в настоящем исследовании, имели бо-

лее низкие значения в ролевом функционировании, обусловленном физическим состоянием и физическим компонентом здоровья по сравнению с популяционными значениями.

Корреляционный анализ подтвердил высокую значимость субъективной удовлетворенности доходом в пенсионном возрасте и его взаимосвязь с удовлетворенностью жизнью.

По результатам корреляционного анализа с удовлетворенность жизнью тесно связана с субъективной оценкой здоровья (качества жизни). Особенно следует отметить показатель «Интенсивность боли», который напрямую обуславливает удовлетворенность жизнью. Эти результаты могут отличаться от средних популяционных значений и быть специфичными для пациентов, находящихся на реабилитации после перенесенного COVID-19.

Исходя из полученных результатов можно утверждать, что удовлетворенность жизнью выше у пожилых, которые пережили COVID-19 и имеют высокое качество жизни, высокий уровень дохода, позволяющий удовлетворять потребности, а также высокие значения ролевого функционирования.

В предложенной структуре удовлетворенности жизнью людей пенсионного возраста, значимый вес имеет социально-экономический компонент, в то время как психологический и физический компоненты имеют меньший вес, при этом эмоционально-ролевой компонент, можно назвать «буферным», он занимает промежуточное положение среди представленных компонентов.

Эмоционально-ролевой компонент удовлетворенности жизнью может в условиях пандемии иметь положительное влияние на ролевое эмоциональное функционирование, при о возможности переоценки ценностей.

Анализ факторной структуры удовлетворенности позволяет предположить, что при изменении в положительную сторону финансового состояния и актуализацию

факторов из социально-психологической сферы, переоценка влияния пандемии и ее последствий, появление чувства контроля, может смягчить негативные последствия пандемии. Некоторые последствия пандемии могут проявиться в течение продолжительного времени, проявляясь с задержкой, поэтому требуется мониторинг изменений удовлетворенности жизнью у лиц пожилого возраста входящих в группу риска.

Пожилые люди воспринимают удовлетворенность жизнью выше, если сохраняют контроль над самочувствием, трансформацией смыслов в следствии невозможности изменения жизни.

Нам видится, что для улучшения показателей качества жизни даже при снижении здоровья вследствие перенесенного Covid-19 пожилые должны быть включены в социальное взаимодействие, которое бы обеспечило формирование новых смыслов жизнедеятельности, чувства нужности и социальной включенности.

Ограничение результатов связано локальностью обследованной выборки, которую в перспективе можно преодолеть при включении пожилых людей, не проходивших реабилитацию. Эти результаты показывают, что пандемия может иметь долгосрочные физические, психические, социальные и экономические последствия, которые негативно влияют на удовлетворенность жизнью пожилых.

Список литературы

Амирджанова В. Н. и др. Популяционные показатели качества жизни по опроснику SF-36 (результаты многоцентрового исследования качества жизни «Мираж») // Научно-практическая ревматология. 2008. Т. 46, № 1. С. 36-48.

Андреев Д. А., Завьялов А. А., Кашурников А. Ю. Базовые варианты анкеты EQ-5D – стандартные международные инструменты оценки качества жизни. Краткий обзор литературы // Здоровье мегаполиса. 2021. Т. 2, № 1. С. 62-69. DOI: <https://doi.org/10.47619/2713-2617.zm.2021.v2i1;62-69>.

Барсуков В. Н. Демографическое старение населения: методы оценки // Вопросы территориального развития. 2014. № 4 (14). URL:

<https://cyberleninka.ru/article/n/demograficheskoe-starenie-naseleniya-metody-otsenki> (дата обращения: 14.09.2023).

Барыгин М. Е. Социальная защита пожилых людей как механизм воспроизводства человеческого капитала // ПСЭ. 2013. №4 (48). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnaya-zaschita-pozhilyh-lyudey-kak-mehanizm-vosproizvodstva-chelovecheskogo-kapitala> (дата обращения: 16.09.2023).

Валиев Р. А. и др. Характеристики удовлетворенности жизнью, депрессии, тревоги и стресса подростков с разными доминирующими типами академической саморегуляции // Управление качеством образования: теория и практика эффективного администрирования. 2023. № 4. С. 63-70. –

Вараксина Н. В. Проблемы занятости населения и удовлетворенности трудом в стареющем обществе // Russian Journal of Education and Psychology. 2012. № 11. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-zanyatosti-naseleniya-i-udovletvorennosti-trudom-v-stareyuschem-obschestve> (дата обращения: 14.09.2023).

Галиева Г. М., Аслаева С. Ш., Гатауллин Р. Ф. Доходы и бедность населения в регионе: подходы к оценке // Экономика и предпринимательство. 2016. № 11-1. С. 853-856.

Портал Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации. URL: <http://duma.gov.ru/news/56514/> (дата обращения: 14.04.2023).

Динер Э., Динер М. Кросс-культурные корреляты удовлетворенности жизнью и самооценки // Журнал личности и социальной психологии. 1995. Т. 68, №. 4. С. 653.

Дубовик Ю. Б. Психологическое благополучие в пожилом и старческом возрасте: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2012. 29 с.

Завгородняя И. В., Разгоняева Д. А. Психологические особенности межличностных потребностей и удовлетворенности жизнью у студентов вуза // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Проблемы высшего образования. 2020. № 1. С. 48-51.

Иванова В. С., Иванкина Л. И. Самооценка здоровья пожилых людей как фактор их благополучия // Экономика России в XXI веке: сборник научных трудов XII Международной

научно-практической конференции «Экономические науки и прикладные исследования». Томск: Изд-во ТПУ, 2015. Т. 1. С. 403-407.

Китайцева О. В., Социальное положение российских пенсионеров как фактор удовлетворенности жизнью // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2017. № 3 (9). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnoe-polozhenie-rossiyskih-pensionerov-kak-faktor-udovletvorennosti-zhiznyu> (дата обращения: 13.04.2023).

Козырева П. М., Смирнов А. И. Российские пенсионеры в условиях кризиса // Социологические исследования. 2017. № 1. С. 64-73.

Лабунская В. А. Самооценка, ценность, значимость внешнего облика в студенческой среде и удовлетворенность жизнью // Южно-российский журнал социальных наук. 2019. Т. 20, № 4. С. 198-209. DOI: 10.31429/26190567-20-4-198-209.

Местечко В. В., Соловьев А. Г., Новикова И. А. Эпидемиологическая характеристика не-психотических психических расстройств у лиц пожилого возраста в Архангельской области // Успехи геронтологии. 2012. Т. 25, № 4. С. 654-660.

Наследов А. Д. Математические методы психологического исследования. Анализ и интерпретация данных: Учебное пособие. Спб.: Речь, 2004. 392 с.

Николаева Э. Ф. Качество жизни как фактор стрессовых состояний у лиц пожилого возраста // Балканское научное обозрение. 2020. Т. 4, № 3(9). С. 56-59. DOI: 10.34671/SCH.BSR.2020.0403.0019.

Нестерова А. А., Жучкова С. М. Факторная структура удовлетворённости жизнью в пожилом и старческом возрасте: социально-психологический подход // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2018. № 1. С. 60-72. DOI: 10.18384/2310-7235-2018-1-60-72.

Нерушай А. И. Психологическое благополучие людей пожилого возраста // Вестник РГГУ: Серия «Психология. Педагогика. Образование». 2021. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/psihologicheskoe-blagopoluchie-lyudeypozhilogo-vozrasta> (дата обращения: 13.04.2023).

Новик А. А., ИONOва Т. А. Исследование качества жизни в клинической медицине //

Вестник национального медико-хирургического центра им. Н.И.Пирогова. 2006. Т. 1, № 1. С. 91-99.

Осин Е. Н., Леонтьев Д. А. Краткие русскоязычные шкалы диагностики субъективного благополучия: психометрические характеристики и сравнительный анализ // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2020. № 1. С. 117-142. DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.1.06>.

Павлова Н. С., Сергиенко Е. А. Субъективное качество жизни, психологическое благополучие, отношение к временной перспективе и возрасту у пенсионеров, ведущих разный образ жизни // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. 2020. Т. 10, № 4. С. 384-401.

Савченко Т. Н., Головина Г. М. Исследование субъективного качества жизни и удовлетворенности жизнью подростков и родителей // Прикладная юридическая психология. 2018. № 4 (45). С. 88-101.

Садыков Р. М. Социальное положение российских пенсионеров в современных условиях // Концепт. 2019. № 6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnoe-polozhenie-rossii-skih-pensionerov-v-sovremennyh-usloviyah> (дата обращения: 20.04.2023).

Садыков Р. М., Угрозы ухудшения уровня жизни пенсионеров в условиях социально-экономического кризиса // Молодой ученый. 2016. № 17 (121). С. 275-278.

Терра Т. К. Самоотношение и удовлетворенность жизнью у мужчин в период взрослости: специальность 19.00.13 «Психология развития, акмеология»: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата психологических наук. Санкт-Петербург, 2010. 25 с.

Честюнина Ю. В., Куба Е. А., Экономическое сознание трудоспособного населения в период пандемии // Кризисы нашего времени как вызов обществу, культуре, человеку. Материалы XXIII Международной научно-практической конференции. Редколлегия: Л.А. Закс [и др.]. Екатеринбург, 2021. С. 475-481.

Adams K. B., Leibbrandt S., & Moon H. A critical review of the literature on social and leisure activity and wellbeing in later life. *Ageing and Society*. 2011. V. 31, № 4. Pp. 683-712. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0144686X10001091>.

Bell G., Singham T., Saunders R., John A., Stott J. Positive psychological constructs and association with reduced risk of mild cognitive impairment and dementia in older adults: A systematic review and meta-analysis // *Ageing Research Reviews*. 2022. V. 77. DOI: [10.1016/j.arr.2022.101594](https://doi.org/10.1016/j.arr.2022.101594).

Fatemeh E., Maryam D., Zahra Rahimi K., Azadeh N., Davoud M., Meimanat H., Roghayeh E., & Hamidreza A. The concept of successful ageing: A review article // *Current Aging Science*. 2020, V. 13, № 1. Pp. 4-10. DOI: <https://doi.org/10.2174/1874609812666191023130117>.

Hou F. Keep up with the Joneses or keep on as their neighbours: Life satisfaction and income in Canadian urban neighbourhoods // *Journal of Happiness Studies*. 2014. V. 15, № 5. Pp. 1085-1107.

Huxhold O., Miche M., & Schüz B. Benefits of having friends in older ages: Differential effects of informal social activities on well-being in middle-aged and older adults // *The Journals of Gerontology: Series B*. 2014. V. 69, № 3. Pp. 366-375. DOI: <https://doi.org/10.1093/geronb/gbt029>.

Karagiannidis C., Mostert C., Hentscher C., Voshaar T., Malzahn J., Schillinger G., Jürgen K., Yanssens U., Marx G., Weber-Carstens S., Kluge S., Pfeifer M., Grabenhenrich L., Welte T. & Busse R. Case characteristics, resource use, and outcomes of 10 021 patients with COVID-19 admitted to 920 German hospitals: An observational study // *The Lancet. Respiratory Medicine*. 2020. V.8, № 9. Pp. 853-862. DOI: [https://doi.org/10.1016/S2213-2600\(20\)30316-7](https://doi.org/10.1016/S2213-2600(20)30316-7).

Knepple C. A., Graf A. S., Hudson G., Wilson E. Age moderates perceived COVID-19 disruption on well-being // *The Gerontologist*. 2021. V. 61, № 1. Pp. 30-35. DOI: <https://doi.org/10.1093/geront/gnaa106>.

Mackenzie C. S., Abdulrazaq S. Social engagement mediates the relationship between participation in social activities and psychological distress among older adults // *Aging and Mental Health*. 2021. V.25, № 2. Pp. 299-305. DOI: <https://doi.org/10.1080/13607863.2019.1697200>.

Martinson M., Berridge C. Successful aging and its discontents: A systematic review of the social gerontology literature // *The Gerontologist*. 2014. V. 55, № 1. Pp. 58-69. DOI: <https://doi.org/10.1093/geront/gnu037>.

Munk A. J. L., Schmidt N. M., Alexander N., Henkel K., Hennig J. Covid-19-beyond virology: Potentials for maintaining mental health during lockdown // *PLOS ONE*. 2020. V. 15, № 8,

Article Article e0236688. DOI:

<https://doi.org/10.1371/journal.pone.0236688>.

Nachtigall I., Lenga P., Jóźwiak K., Thürmann P., Hellmann A., Kuhlen R., Brederlau J., Bauer T., Tebbenjohanns J., Schwegmann K., Hauptmann M., Dengler J., & Dengler J. Clinical course and factors associated with outcomes among 1904 patients hospitalized with COVID-19 in Germany: An observational study // *Clinical Microbiology and Infection*. 2020. V. 26, № 12. Pp. 1663-1669. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.cmi.2020.08.011>.

Pinquart M., Sörensen S. Gender differences in self-concept and psychological well-being in old age: A meta-analysis // *The Journals of Gerontology Series B: Psychological Sciences and Social Sciences*. 2001. V. 56, № 4. Pp. 195-213.

Steptoe A. Happiness and health // *Annual Review of Public Health*. 2019. V. 40, № 1. Pp. 339-359. DOI: <https://doi.org/10.1146/annurev-publhealth-040218-044150>

Shields-Zeeman L., Smit F. The impact of income on mental health // *The lancet. Public health*. 2022. Vol. 7, № 6. DOI: [https://doi.org/10.1016/S2468-2667\(22\)00094-9](https://doi.org/10.1016/S2468-2667(22)00094-9).

Young Y., Frick K. D. & Phelan E. A. Can successful aging and chronic illness coexist in the same individual? A multidimensional concept of successful aging // *Journal of the American Medical Directors Association*. 2009. V. 10, № 2. Pp. 87-92. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.yamda.2008.11.003>.

References

Amirdzhanova, V. N. et al. (2008), "Population indicators of the quality of life according to the SF-36 questionnaire (results of the multicenter study of the quality of life "Mirage")", *Scientific and Practical Rheumatology*, 46(1), 36-48. (In Russian)

Andreev, D. A., Zavyalov, A. A., Kashurnikov, A. Yu. 92021), "Basic versions of the EQ-5D questionnaire - standard international tools for assessing the quality of life. A brief review of the literature", *Health of the metropolis*, 2(1), 62-69. DOI: <https://doi.org/10.47619/2713-2617.zm.2021.v2i1;62-69>. (In Russian)

Barsukov, V. N. (2014), "Demographic aging of the population: assessment methods", *Questions of territoria l development*, (4), [Online], available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/demograficheskoe-starenie-naseleniya-metody-otsenki> (Accessed 14 September 2023). (In Russian)

Barygin, M. E. (2013), "Social protection of older people as a mechanism for the reproduction of human capital", *PSE*, (4), [Online], available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnaya-zaschita-pozhilyh-lyudey-kak-mehanizm-vosproizvodstva-chelovecheskogo-kapitala> (Accessed 16 September 2023). (In Russian)

Valiev, R. A. & others (2023), "Characteristics of life satisfaction, depression, anxiety and stress of adolescents with different dominant types of academic self-regulation", *Quality management education: theory and practice of effective administration*, (4), 63-70. (In Russian)

Varaksina, N. V. (2021), "Problems of employment and job satisfaction in an aging society", *Russian journal of education and psychology*, (11), [Online], available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-zanyatosti-naseleniya-i-udovletvorennosti-trudom-v-stareyuschem-obschestve> (Accessed 14 September 2023). (In Russian)

Galieva, G. M., Aslaeva, S. Sh., Gataullin, R. F. (2016), "Incomes and poverty of the population in the region: methods to assessment", *Journal of Economy and Entrepreneurship*, (11-1), 853-856. (In Russian)

Portal of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation, [Online], available at: <http://duma.gov.ru/news/56514/> (Accessed 14 April 2023). (In Russian)

Diener, E., Diener, M. (1995), "Cross-cultural correlates of life satisfaction and self-esteem", *Journal of personality and social psychology*, 68(4), 653. (In Russian)

Dubovik, Yu. B. (2012), *Psikhologicheskoe blagopoluchie v pozhilom i starcheskom vozraste* [Psychological well-being in the elderly and senile age]: Abstract of the thesis. dis. cand. Psychol. Sciences, Moscow, Russia (in Russian).

Zavgorodnyaya, I. V., Razgonyayeva, D.A. (2020), "Psychological features of interpersonal needs and life satisfaction among university students", *Bulletin of Voronezh State University. Series: Problems of Higher Education*, (1), 45-51. (In Russian)

Ivanova, V. S., Ivankina, L. I. (2015), "Self-assessment of the health of older people as a factor in their well-being", *Ekonomika Rossii v XXI veke : sbornik nauchnykh trudov XII Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii «Ekonomicheskie nauki i prikladnye issledovaniya»* [Economics of Russia in the XXI century: a collection of scientific papers of the XII International Scientific and Practical Conference "Economic Sciences and

Applied Research"], Publishing House of TPU, Tomsk, Russia, 1, 403-407. (In Russian)

Kitaitseva, O. V. (2017), "The social status of Russian pensioners as a factor in life satisfaction", *Bulletin of the Russian State University for the Humanities. Series "Philosophy. Sociology. Art Criticism"*, 3(9), [Online], available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnoe-polozhenie-rossiyskih-pensionerov-kak-faktor-udovletvorennosti-zhiznyu> (Accessed 13 April 2023). (In Russian)

Kozyreva, P. M., Smirnov, A. I. (2017), "Russian pensioners in a crisis", *Sociological Research*, (1), 64-73. (In Russian)

Labunskaya, V. A. (2019), "Self-assessment, value, significance of appearance in the student environment and life satisfaction", *South Russian journal of social sciences*, 20 (4), 198-209. DOI: 10.31429/26190567-20-4-198-209. (In Russian)

Mestechko, V. V., Solovyov, A. G., Novikova, I. A. (2012), "Epidemiological characteristics of non-psychotic mental disorders in the elderly in the Arkhangelsk region", *Advances in Gerontology*, 25(4), 654-660. (In Russian)

Nikolaeva, E. F. (2020), "Quality of life as a factor of stress in the elderly", *Balkan Scientific review*, 4 (3-9), 56-59. DOI: 10.34671/SCH.BSR.2020.0403.0019. (In Russian)

Nesterova, A. A., Zhuchkova, S. M. (2018), "Factor structure of life satisfaction in elderly and old age: socio-psychological approach", *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Psychology*, (1), 60-72. (In Russian)

Nerushai, A. I. (2021), "Psychological well-being of the elderly", *Bulletin of the Russian state humanitarian university. Series "Psychology. Pedagogy. Education"*, (1), [Online], available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/psihologicheskoe-blagopoluchie-lyudeypozhilogo-vozrasta> (Accessed 13 April 2023). (In Russian)

Novik, A. A., Ionova, T. A. (2006), "Study of the quality of life in clinical medicine", *Bulletin of the National Medical and Surgical Center*, 1 (1), 91-99. (In Russian)

Osin, E. N., Leontiev, D. A. (2020), "Brief Russian-Language instruments to measure subjective wellbeing: psychometric properties and comparative analysis", *Monitoring of public opinion: economic and social changes*, (1), 117-142. DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.1.06>. (In Russian)

Pavlova, N. S., Sergienko, E. A. (2020), "Subjective quality of life, psychological well-being, attitude to time perspective and age among pensioners leading different lifestyles", *Bulletin of St. Petersburg University. Psychology*, 10(4), 384-401. (In Russian)

Savchenko, T. N., Golovina, G. M. (2018), "Study of the subjective quality of life and life satisfaction of adolescents and parents", *Applied legal psychology*, 4 (45), 88-101. (In Russian)

Sadykov, R. M., (2019), "The social situation of Russian pensioners in modern conditions", *Concept*, (6), [Online], available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnoe-polozhenie-rossiyskih-pensionerov-v-sovremennyh-usloviyah> (Accessed 20 April 2023). (In Russian)

Sadykov, R. M. (2016), "Threats of worsening the standard of living of pensioners in the context of the socio-economic crisis", *Young scientist*, 17 (121), 275-278. (In Russian)

Terra, T. K. (2010), *Samootnoshenie i udovletvorennost zhiznyu u muzhchin v period vzroslosti: specialnost 19.00.13 «Psikhologiya razvitiya, akmeologiya»* [Self-attitude and life satisfaction in men during adulthood: specialty 19.00.13 "Developmental psychology, acmeology"]: abstract of the dissertation for the degree of candidate of psychological sciences, St. Petersburg, Russia. (In Russian)

Chestyunina, Yu. V., Kuba, E. A. (2021), "Economic consciousness of the working-age population during a pandemic", *Krizisy nashego vremeni kak vyzov obshchestvu, kulture, cheloveku. Materialy XXIII Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Crises of our time as a challenge to society, culture, and man. Proceedings of the XXIII International Scientific and Practical Conference], ed.by L.A. Zaks [i dr.], Yekaterinburg, Russia, 475-481.

Adams, K. B., Leibbrandt, S., & Moon, H. (2011), A critical review of the literature on social and leisure activity and wellbeing in later life, *Ageing and Society*, 31(4), 683-712. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0144686X10001091>.

Bell, G., Singham, T., Saunders, R., John, A., Stott, J. (2022), Positive psychological constructs and association with reduced risk of mild cognitive impairment and dementia in older adults: A systematic review and meta-analysis, *Ageing Research Reviews*, 77. DOI: 10.1016/j.arr.2022.101594. (In Russian)

Fatemeh, E., Maryam, D., Zahra Rahimi, K., Azadeh, N., Davoud, M., Meimanat, H.,

Roghayeh, E., & Hamidreza, A. (2020), The concept of successful aging: A review article, *Current Aging Science*, 13(1), 4-10. DOI: <https://doi.org/10.2174/1874609812666191023130117>.

Hou, F. (2014), Keep up with the Joneses or keep on as their neighbours: Life satisfaction and income in Canadian urban neighbourhoods, *Journal of Happiness Studies*, 15(5), 1085-1107.

Huxhold, O., Miche, M., & Schüz, B. (2014), Benefits of having friends in older ages: Differential effects of informal social activities on well-being in middle-aged and older adults, *The Journals of Gerontology: Series B*, 69(3), 366-375. DOI: <https://doi.org/10.1093/geronb/gbt029>.

Karagiannidis, C., Mostert, C., Hentschker, C., Voshaar, T., Malzahn, J., Schillinger, G., Jürgen, K., Yanssens, U., Marx, G., Weber- Carstens, S., Kluge, S., Pfeifer, M., Grabenhenrich, L., Welte, T., Busse, R. (2020), Case characteristics, resource use, and outcomes of 10 021 patients with COVID-19 admitted to 920 German hospitals: An observational study, *The Lancet. Respiratory Medicine*, 8(9), 853-862, DOI: [https://doi.org/10.1016/S2213-2600\(20\)30316-7](https://doi.org/10.1016/S2213-2600(20)30316-7)

Knepple, C. A., Graf, A. S., Hudson G., Wilson E. Age moderates perceived COVID-19 disruption on well-being, *The Gerontologist*, 61(1), 30-35. DOI: <https://doi.org/10.1093/geront/gnaa106>.

Mackenzie, C. S., & Abdulrazaq, S. (2021), Social engagement mediates the relationship between participation in social activities and psychological distress among older adults, *Aging and Mental Health*, 25 (2), 299-305. DOI: <https://doi.org/10.1080/13607863.2019.1697200>.

Martinson, M., & Berridge, C. (2014), Successful aging and its discontents: A systematic review of the social gerontology literature, *The Gerontologist*, 55(1), 58-69. DOI: <https://doi.org/10.1093/geront/gnu037>.

Munk, A. J. L., Schmidt, N.M., Alexander, N., Henkel, K., & Hennig, J. (2020), Covid-19-beyond virology: Potentials for maintaining mental health during lockdown, *PLOS ONE*, 15 (8), DOI: <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0236688>.

Nachtigall, I., Lenga, P., Jóźwiak, K., Thürmann, P., Meier- Hellmann A., Kuhlen R., Brederlau J., Bauer T., Tebbenjohanns J., Schwegmann, K., Hauptmann, M., Dengler, J., & Dengler, J. (2020), Clinical course and factors associated with outcomes among 1904 patients hospitalized with COVID-19 in Germany: An observational

study, *Clinical Microbiology and Infection*, 26 (12), 1663-1669. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.cmi.2020.08.011>

Pinquart, M., & Sörensen, S. (2001), Gender differences in self-concept and psychological well-being in old age: A meta-analysis, *The Journals of Gerontology Series B: Psychological Sciences and Social Sciences*, 56 (4), 195-P213.

Steptoe, A. (2019), Happiness and health, *Annual Review of Public Health*, 40(1), 339-359. DOI: <https://doi.org/10.1146/annurev-publhealth-040218-044150>.

Shields-Zeeman, L., Smit, F. (2022), The impact of income on mental health, *The lancet, Public health*, 7 (6), 486-487. DOI: [https://doi.org/10.1016/S2468-2667\(22\)00094-9](https://doi.org/10.1016/S2468-2667(22)00094-9).

Young, Y., Frick, K. D., & Phelan, E. A. (2009), Can successful aging and chronic illness coexist in the same individual? A multidimensional concept of successful aging, *Journal of the American Medical Directors Association*, 10 (2), 87-92. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.yamda.2008.11.003>.

Статья поступила в редакцию 28 августа 2023 г. Поступила после доработки 08 сентября 2023 г. Принята к печати 15 сентября 2023 г. Received 28 August 2023. Revised 08 September 2023. Accepted 15 September 2023.

Конфликты интересов: у авторов нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the authors have no conflicts of interest to declare.

Честюнина Юлия Владимировна, кандидат психологических наук, доцент кафедры психофизиологии и клинической психологии Донского государственного технического университета, Ростов-на-Дону, Россия.

Yuliya V. Chestyunina, Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor of the Department of Psychophysiology and Clinical Psychology, Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russia.

Куба Елена Андреевна, старший преподаватель кафедры специальной и клинической психологии, Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия.

Elena A. Kuba, Senior Lecturer of the Department of Special and Clinical Psychology, Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia.

Забелина Екатерина Вячеславовна, доктор психологических наук, доцент кафедры психологии, Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия.

Ekaterina V. Zabelina, Doctor of Psychology, Professor at the Department of Psychology, Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia.

Задорожная Алёна Валерьевна, студентка магистратуры Института образования и

практической психологии основной профессиональной образовательной программы направления подготовки 44.04.01 Педагогическое образование, Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия.

Alena V. Zadorozhnaya, Master's Degree Student, Institute of Education and Practical Psychology, Direction of Training 44.04.01 Pedagogical Education, Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia.

СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ И СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ SOCIOLOGY OF MANAGEMENT AND SOCIAL TECHNOLOGIES

Оригинальная статья

УДК 316.44

DOI: 10.18413/2408-9338-2023-9-3-0-8

Давыдов А. П.

«Власть-собственность» и неравенство в России
как социальная проблема

Центр социологии управления и социальных технологий ИС ФНИСЦ РАН
улица Кржижановского, дом 24/35, корпус 5, 117218, Москва, Россия
apdavydov@gmail.com

Аннотация. В статье развернута полемика по вопросам есть ли в стране стратегия экономического роста и политика сглаживания неравенств. Делается вывод о том, что принята стратегия, приветствующая обогащение отдельных личностей и одновременно допускается нарастание бедности, обнищание некоторых слоев населения; рост социального расслоения; формирование сословного общества; торможение развития местного самоуправления, малых и средних предприятий. Ставится вопрос о том, как общество может противостоять деятельности монополий, подавляющих в стране рыночную конкуренцию и, следовательно, порождающую экономическое (подходное) и социальное (доступ к благам и шансам) неравенства через механизм «власть-собственность». Рассматриваются варианты стимулирования экономического роста и ослабления неравенств через механизмы рыночного спроса и предложения, формулу «trickle up and trickle down» (просачивания капитала в общество «снизу» и «сверху»). Приводятся антимонополистические элементы программ – социально-экономической Г. Грефа, социально-юридической Г. Явлинского, социально-политической А. Тихонова, социокультурной А. Ахиезера, экономической Р. Гринберга-А. Рубинштейна, направленных на ограничение деятельности «власти-собственности». Вывод: трудность политики ограничения состоит в том, что без «власти-собственности» нельзя обойтись в строительстве инфраструктуры, обслуживании армии, освоении космоса, Арктики, снабжения городов водой, теплом и т. д., поэтому ученые говорят о сглаживании неравенств, а не о их полной ликвидации. В этом зазоре между «надо» и «нельзя» и рождается сращивание коррумпированных госчиновников и крупного капитала. Тем не менее ученые не должны поддаваться искушению и не дать себя увлечь популистскими лозунгами «все приватизировать» либо «все национализировать», требуя построить уравнительное общество без монополий и неравенств.

Ключевые слова: экономическое неравенство; социальное неравенство; просачивание капитала; власть-собственность; монополии; олигархи; антимонополистические программы; государственно-частное партнерство

Информация для цитирования: Давыдов А. П. «Власть-собственность» и неравенство в России как социальная проблема // Научный результат. Социология и управление. 2023. Т. 9, № 3. С. 110-122. DOI: 10.18413/2408-9338-2023-9-3-0-8

Alexey P. Davydov

"Power-property" and inequality in Russia as a social problem

Center for the sociology of management and social technologies
of the IS FCTAS RAS
bld. 24/35 (5), Krzhizhanovskogo str., 117218, Moscow, Russia
apdavydov@gmail.com

Abstract. The article expands the controversy on whether the country has a strategy for economic growth and a policy of smoothing inequalities. It is concluded that a strategy has been adopted that welcomes the enrichment of individuals and, at the same time, the growth of poverty; impoverishment of some layers of the population; the growth of social stratification; the formation of a class society; slowing down the development of local self-government, small and medium-sized enterprises. The question is raised about how society can resist the activities of monopolies that suppress market competition in the country and, consequently, generate economic (income) and social (access to benefits and chances) inequality through the "power-property" mechanism. Options are considered for stimulating economic growth and reducing inequalities through the mechanisms of market supply and demand, the formula "trickle up and trickle down" (capital seepage into society "from below" and "from above"). The antimonopoly elements of the programs are given – G. Gref's socio-economic, G. Yavlinsky's socio-legal, A. Tikhonov's socio-political, A. Akhiezer's socio-cultural, R. Grinberg-A. Rubinshtein aimed at limiting the activity of "power-property". Conclusion: the difficulty of the restriction policy lies in the fact that it is impossible to do without "power-property" in the construction of infrastructure, maintenance of the army, space exploration, the Arctic, supplying cities with water, heat, etc., so scientists talk about smoothing inequalities, not for their complete elimination. It is in this gap between "should" and "should not" that the merging of corrupt government officials and big business is born. Nevertheless, scientists should not succumb to the temptation and not be carried away by leftist slogans "privatize everything" or "nationalize everything", demanding to build an egalitarian society without monopolies and inequalities.

Key words: economic inequality; social inequality; capital infiltration; power-property; oligarchs; monopolies; anti-monopoly programs; public-private partnership

Information for citation: Davydov, A. P. (2023), "Power-property" and inequality in Russia as a social problem", *Research Result. Sociology and management*, 9 (3), 110-122. DOI: 10.18413/2408-9338-2023-9-3-0-8

Введение (Introduction). Тема неравенств, порождаемых в России деятельностью монополий, занимает Центр социологии управления и социальных технологий Института социологии ФНИСЦ РАН последние 15 лет. А. В. Тихонов, руководивший центром в 2003-2021 гг., и его сотрудники видели основную причину роста нера-

венств в стране (подоходных, территориальных, по доступу к образованию, медицинскому обслуживанию, дешевым кредитам, другим благам и шансам) в несовершенстве работы управленческих органов государства. Казалось бы, решение давно известно: правительство должно активнее «прижимать» олигархов через повышение налогов, облигации федерального займа,

конфискационные акции и т. д. и одновременно увеличивать компенсирующие выплаты наиболее уязвимым группам населения. Ученые Института социально-экономических проблем народонаселения РАН опубликовали перечень мероприятий, нацеленных на смягчение неравенств в России: индексация пенсий и зарплат бюджетников, введение прогрессивной шкалы по НДФЛ, отказ от регрессивной шкалы, отказ от наиболее емких выплат (бонусов, премий и т. п.), повышение налогов на дивиденды и др. (Экономическая наука..., 2016: 24-30). Эти мероприятия давно предлагаются учеными, много лет обсуждаются в СМИ и, если будут, наконец, приняты правительством, принесут пользу обществу.

Методология и методы (Methodology and methods). Для социологов важно посмотреть, какие методологические ресурсы наработали ученые и политики, занимающиеся «властью-собственностью» и неравенствами, и дать отобранному для анализа программам адекватную оценку. Исследовались социально-экономическая (Г. Греф), социально-юридическая (Г. Явлинский), социально-политическая (А. Тихонов), социокультурная (А. Ахиезер) и экономическая (Р. Гринберг, А. Рубинштейн) программы. Авторы этих программ отказываются от мышления крайностями и ищут «медиационную» (*mediana* – лат. середина; *media* – лат. среда; *mediation* – англ. поиск середины, медиация) альтернативу им. Почему? Что это за методологическая «середина-поиск середины-медиация», которая так и не была реализована в полной мере?

В публичном пространстве громкие требования «все приватизировать» или «все национализировать» – это сколько угодно. Но взвешенного разбора «за» и «против» в отношении неравенств в условиях господства в стране «власти-собственности» нет. Данная статья призвана привлечь внимание

заинтересованных кругов к этой теме, которая в последние 20 лет обрела в России звучание социальной проблемы.

Научные результаты и дискуссия (Research Results and Discussion). *Объективно-двойственный характер социально-экономического роста.* Социальное неравенство в России возникает как следствие политики правительства РФ и местных органов власти, нацеленной на стимулирование экономического роста в стране и регионах. Экономический рост происходит в тех отраслях и территориях, которые получают поддержку и снабжение ресурсами со стороны государственных органов и частного сектора. В точках роста происходит не только экономическое, но и социальное развитие за счет роста занятости и выплаты более высокой по сравнению с средними уровнями зарплаты в отрасли и регионе. Так рождаются «острова благополучия»/экономическое неравенство (часто с точки зрения населения чрезмерное) на «бедных» территориях и его две стороны: рост занятости, собираемость налогов и частно-благотворительная деятельность, но одновременно увеличение недовольства со стороны населения регионов.

Но что происходит, если экономического роста нет или он ничтожен? *Экономического роста в масштабах страны почти нет и растет социальное расслоение.* 21 июля 2023 г. Центробанк повысил прогноз по росту ВВП России в 2023 г. до 2,5% после 2% в весеннем прогнозе. Согласно новому прогнозу, темп прироста ВВП составит 1,5-2,5% в 2023 г., 0,5-2,5% в 2024 г. и 1-2% в 2025 г. Президент России Владимир Путин в конце июля 2023 г. говорил, что темпы роста экономики России в этом году ускорились от месяца к месяцу, поэтому можно полагать, что в 2023 г. рост полностью перекроет прошлогоднее снижение¹.

¹ Мишустин М.: Экономика России показывает устойчивый рост. URL: <https://clck.ru/35scqD> (дата обращения: 11.08.2023).

Количество сверхбогатых и бедных в стране растет. Вот некоторые цифры. Количество миллиардеров в РФ, согласно Forbes, в 2018 г. было 96, в 2020 г. – 102, в первой половине 2021 г. их стало 123. В СМИ сообщалось, что некоторые владельцы капитала получают доход в размере 1 млн. руб. в день². По данным Henley & Partners, в России проживает 101 тыс. долларовых миллионеров. По количеству долларовых миллиардеров Россия в 2021 г. занимает 5-е место в мире. Обогнав Францию и Италию, Россия попала в десятку стран с наибольшим числом богачей – 435 человек по состоянию на 2022 год. А вот несколько иные цифры: в России за 2022 г. стало на 5 долларовых миллиардеров больше – теперь их 112. Об этом 31 мая 2023 г. сообщает «Коммерсантъ» со ссылкой на результаты исследования компании Wealth-X.³ Вместе с тем по итогам 9 месяцев 2021 г. численность россиян, живущих за чертой бедности (доходы ниже прожиточного минимума) достигла 19,6 млн. человек (13,3% населения страны). По сравнению с аналогичным периодом 2020 г. это больше на 400 тыс. человек⁴ и более 0,5 млн. индивидуальных предпринимателей прекратили существование в 2021 г., – сообщает Росстат⁵. С 1 января 2023 года МРОТ составляет 16 242 руб. (205,31 евро) и (нетто, после вычета налога в 13 %) 14 130,54 руб. (178,62 евро)⁶. Количество людей, живущих за чертой бедности, в первом квартале 2022 г. достигло 14,3%⁷. Итак, экономический рост в стране в 2022-2023 гг. располагается в диапазоне, едва покрывающем уровень падения роста в предыдущие годы, а подоходное и, следовательно, социальное

неравенства стабильно растут. И возникает вопрос: а есть ли в стране стратегия, нацеленная на преодоление или смягчение этого ненормального положения?

Есть ли в современной России стратегия экономического роста? В Конституции РФ идеология запрещена. Однако какие-то элементы идеологии и, следовательно, социально-экономической стратегии у нас все-таки есть:

приветствуется обогащение отдельных личностей и одновременно допускается нарастание бедности;

допускается обнищание некоторых слоев населения;

допускается рост социального расслоения;

происходит формирование сословного общества;

происходит торможение развития местного самоуправления и МСП;

даже после 24 февраля 2022 г. российская финансовая элита, продолжая наращивать свои доходы внутри России, по-прежнему с разрешения власти предпочитает хранить их за рубежом.

Существует ли в России социальное неравенство как проблема для общества? По Г. Блумеру (проф. Калифорнийского университета США) глубокая ошибка полагать, что социальная проблема возникает, как только происходит какое-то событие или обнаруживается некая тенденция в динамике общества. Факт события или обнаружения тенденции должен стать предметом обсуждения в обществе – только тогда можно говорить о возникновении социальной проблемы. Это правило американский

² В России, по данным Forbes, всё больше бедных и всё больше миллиардеров. В чем состоит главная причина роста неравенства? URL: <https://clck.ru/35scrm> (дата обращения: 20.05.2021).

³ Сколько долларовых миллиардеров в России? URL: <https://clck.ru/35scnq> (дата обращения: 31.05.2023).

⁴ В России, по данным Forbes, всё больше бедных и всё больше миллиардеров. В чем состоит главная причина роста неравенства? URL: <https://clck.ru/35scnq> (дата обращения: 20.05.2021).

⁵ Более полумиллиона ИП прекратили деятельность с начала 2021 г. <https://clck.ru/35scvC> (дата обращения: 21.07.2021).

⁶ Минимальный размер оплаты труда в Российской Федерации – Википедия. URL: <https://clck.ru/35sd7L> (дата обращения: 13.01.2023).

⁷ Экономика России 2023. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Экономика_России (дата обращения: 13.01.2023).

профессор переносит на феномен социального неравенства: в США социальное неравенство есть, причем одно из наибольших в мире, а проблемы социального неравенства нет, потому что ни население, ни СМИ, ни органы власти обсуждать эту тему, по Блумеру, не хотят, хотя возможности для обсуждения есть в условиях многопартийности, разделения властей и доступности СМИ. Д.э.н. В. Тамбовцев, перенося методологию Блумера на ситуацию в России, делает вывод: в России нет реальной многопартийности, реального разделения властей, свободного доступа к СМИ, свободы обсуждения общественно значимых проблем и поэтому российское общество не может (или не хочет) обсуждать социальное неравенство. Отсюда его вывод: социальное неравенство, причем, как и в США очень большое, в России есть, а проблемы социального неравенства нет, и дал ответ на свой вопрос, который он задал, исходя из методологии понимания социальных проблем Блумера: «в России экономическое неравенство не является социальной проблемой» (Тамбовцев, 2018: 14).

Смею утверждать обратное: социальное неравенство в РФ не просто есть, оно существует как острая социальная проблема. Специалисты Института социологии ФНИСЦ РАН акад. Горшков М. К. и д.э.н., проф. Тихонова Н. Е. считают, что проблема социального неравенства в России остро ощущается в некоторых социальных слоях и находит понимание в госорганах. Основание для такого вывода Горшков видит в субъективном ощущении людьми уровня своего благополучия (Горшков 2016). Н. Е. Тихонова не отвергает методологию, которую представили Блумер и Тамбовцев (Тихонова 2007: 292), но гораздо более важным объяснительным механизмом, по Тихоновой, является ресурсоспособность людей, групп, регионов: «Главным классовым противоречием при ресурсном подходе к стратификации оказывается не противоречие между «капиталистами» и «рабочими», а противоречие

между собственниками ресурсов, на которые экономика предъявляет спрос, и теми, чьей собственностью являются не востребуемые экономикой активы» (Тихонова, 2007: 292).

Важнейший объяснительный аргумент: причиной неравенств всех типов в России является феномен «власть-собственность». Н. Е. Тихонова указывает на «доминирование в стране этакратической модели развития, основанной на сращенности властных отношений с отношениями собственности» (Тихонова. 2007: 287) как факторе, блокирующем снятие проблемы социального неравенства. «Место в системе стратификации российского общества (состоящего из различных подклассов в соответствии с тем, на какой тип активов они получают основные ренты), определяется тем, что в современной России различные виды капитала концентрируются хотя и в разных комбинациях, но в основном у одних и тех же людей. Эти люди, сосредотачивая и воплощая в себе все значимые в современных условиях виды ресурсов, конвертируемые друг в друга и в традиционный экономический капитал, имеют благодаря этому возможность занимать господствующее положение в обществе. И именно в этом, а не в наличии у них собственного бизнеса, состоит специфика их классовых позиций» (Тихонова. 2007: 293). Тихонова говорит о механизме «власть-собственность», порождающем олигархат, о сращивании коррумпированных госчиновников всех уровней с крупным частным капиталом, и, следовательно, о монопольном способе управления экономикой. Именно в противоречии между интересами общества и монополизмом узкой группы людей постоянно воспроизводится основание социального неравенства в современной России. Как это происходит?

Как сформировался принцип «власть-собственность» в постсоветской России? Россия унаследовала тысячи крупных и мелких монополий, сохранившихся от периода Советской власти. Синкретиз (неор-

ганическое единство) «власть-собственность», порождающий монополизм, еще более распространился в нашей стране как результат номенклатурной приватизации (80-90 гг. XX в.). А. Б. Чубайс рассказывал, как правительство раздавало государственные предприятия будущим олигархам: «Ты получи «Сибнефть», ты получи «Норильский никель», ты получи «ЮКОС» и сделай все, чтобы избирателей не гнобили невыплатой зарплат, чтобы коммунисты не пришли к власти» (История... 2011: 281-282).

Формируя новую экономику, правительство Т. Гайдара создавало новое почти такое же. П. Авен в 2012 г.: «Невозможно было полностью избежать сращивания власти и собственности, которое является главным пороком нашей системы» (Авен, Кох. 2015: 407). А. Чубайс: «Мы, реформаторы 1990-х годов, первую проблему (победа над коммунизмом в России) решили, вторую (отделение власти от собственности, то есть строительство некоррупцированного государства и конкурентной экономики, основанной на частной собственности), к сожалению, нет... Только надо понимать, что это задача – на целое поколение, может быть, и не на одно. Стоит честно признать, что глубину и мощь «взаимного притяжения» власти и собственности в России мы сильно недооценили» (История... 2011, с. 286-287).

И. Ю. Артемьев, министр РФ, руководитель Федеральной антимонопольной службы в 2004-2020 гг., помощник Председателя правительства РФ в 2020-2022 гг.: *монополии и их базовый принцип «власть-собственность» порождает неравенства, блокирует конкуренцию и подавляет развитие регионов*. В интервью «Коммерсанту» 25.09.2018 И. Артемьев сообщил: «Наша экономика во многом остается отсталой,

полуфеодальной, особенно в малоразвитых регионах, конкуренцией там и не пахнет... Это особенность огосударствления экономики и создания государственно-монополистического капитализма, сращивания бизнеса и власти. Это – общая болезнь, которая у нас уже давно. На фоне санкций госсектор еще более укрепился, мы это видим, в частности, на примере банковского сектора или промышленности. И чем больше санкций действует, тем активнее происходит огосударствление»⁸ (Артемьев, 2018). «Ежегодный ущерб от картелизации на товарных рынках и торгах оценивается в 1,5-2% ВВП – триллионы рублей. В год возбуждается более 400 антимонопольных дел, которые связаны с заключением соглашений, ограничивающих конкуренцию. 85% – это картели. Причем их количество увеличивается», – писал Д. А. Медведев в бытность председателем правительства РФ⁹. Конкуренцию мог бы породить равноправный диалог бизнеса и государства, но конкуренция – это, по-видимому, не то, что более всего нужно государству. 1-ый вице-премьер РФ А. Белоусов: «Государство должно брать на себя многие функции гражданского общества. Так было всегда, это исходит из нашей традиции. Менять что-то – означает пойти против естественного процесса становления и развития нашей страны. Равенства государства и бизнеса также быть не может. Отношения должны строиться по принципу “старший партнер - младший партнер”. Естественно, интересы обеих сторон должны учитываться, однако если вопрос является принципиальным, то последнее слово за государством»¹⁰. Но если все решает монопольная позиция госчиновников, которые всегда выступают от имени государства, то как

⁸ Артемьев И. Ю. Глава ФАС назвал экономику России отсталой и полуфеодальной // Коммерсант. 25.09.2018. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3751996> (дата обращения: 27.06. 2019).

⁹ Медведев Д. А. По законам рынка // Российская газета. 27.06.2019. URL: <http://rg.ru/2019/06/27/dmitrij-medvedev-utverdil-programmu-mer-po-borbe-s-karteli-ami.html> (дата обращения: 27.06.2019).

¹⁰ Нам нужна идеология. Белоусов ответил либералам. Интервью. 13.06.2023. URL: <https://dzen.ru/a/ZlgzqlxstWJk8oX7> (дата обращения: 13.06.2023).

развивать конкуренцию, как бороться с монополизмом олигархата и чрезмерных неравенств?

Медиационные социальные программы борьбы против монополий и чрезмерного социального неравенства. Три основные идеи борьбы против «власти-собственности» и чрезмерного социального неравенства. Учитывая, что основной воспроизводственный двигатель рыночной экономики состоит из механизмов спроса и предложения, то и борьба с чрезмерным социальным неравенством может опираться на один из них, либо на оба в различных комбинациях.

Механизм рыночного предложения. Если делать акцент на механизме рыночного предложения, то работает, в основном, плоская шкала налогообложения и принцип «пусть богатые будут еще богаче, а бедные станут богатыми (лозунг «обогащайтесь!»: В. И. Ленин – политика НЭПа; Дэн Сяопин – 1974 г.), потому что чем население богаче, тем лучше в стране развивается потребительский спрос и тем больше богатые инвестируют в экономику». Цель – развитие рыночного спроса, регулятор – рынок, основная опасность – угроза инфляции. Таким образом, недовольство некоторых социальных групп чрезмерным социальным неравенством смягчается (не преодолевается) через принцип «равенства возможностей» на рынке, рыночную конкуренцию и экономический рост во всех слоях населения. Образец – опыт США, Японии, современный опыт Вьетнама, других стран ЮВА.

Механизм рыночного спроса. Если же акцент делается на механизме развития рыночного спроса, то работает, в основном, *прогрессивная шкала* налогообложения и на передний план выдвигается кейнсианское непосредственное насыщение государством рынка деньгами – дешевыми кредитами, повышением зарплат, пенсий, развитием социальной политики и т. д., то есть непосредственное развитие рыночного спроса населения. Главный регулятор – государство, развивающее рыночный спрос и устанавливающее границы спроса; оно

определяет стратегию развития и работает на рынке некоммерческими средствами, опираясь на государственные законы. Частные предприниматели работают на рынке, опираясь на законы рынка, но в рамках границ, установленных государством/правительством. Основная опасность – угроза инфляции. Таким образом, недовольство некоторых социальных групп чрезмерным социальным неравенством смягчается (не преодолевается) через принцип жесткого централизованного контроля рынка со стороны контролирующих органов государства. Образец – опыт КНР, Южной Кореи, Сингапура.

Trickle up and tricle down. Это механизм «просачивания» (Дж. Стиглиц и др.), то есть взаимопроникновения потоков капитала, который выявляет реальную схему насыщения общества капиталом и способствует проведению любой актуальной социальной политики, сопровождающей политику экономического роста. Это trickle down (просачивание сверху вниз), когда капитал с помощью крупных держателей ресурсов концентрируется в государственных и частных фондах, крупных банках и монополиях и затем «просачивается» в средние и мелкие частные компании, прикармливая их и создавая плотную социально-экономическую среду, через которую капитал доходит до населения (опыт США). И другая часть этого же механизма: trickle up (просачивание снизу-вверх), когда капитал через дешевые кредиты концентрируется в бесчисленных мелких и средних предприятиях и, нарастая через экономическую самостоятельность населения и помощь государства, постепенно превращается в крупные компании (опыт Западной Европы). *Плотность этих двух встречных бизнес-потоков существенно смягчает проблему чрезмерного социального неравенства.* Стратегия «просачивания» нацелена не только на смягчение неравенств всех типов, но и на ограничение всевластия монополий, заставляя их вписываться в экономическую деятельность государства, а, следовательно,

подчиняться не только законам рынка, но и государственному законодательству.

Во всех трех упомянутых бизнес-теориях медиация в том, что бизнес-потоки в конечном счете нацелены на обслуживание условной «середины», доводя финансовые ресурсы до слоев населения, их изначально не имеющих, но предъявляющих спрос на капитал и способных быть экономически активными.

Социально-экономическая антимонопольная стратегия Г. Грефа (2001-2011гг.). В программе Грефа, предложенной, обсуждавшейся и принятой правительством РФ на рубеже 90-х-2000-х гг., говорится, что реформа экономической политики может проводиться тремя путями: Один путь, рыночный: «Уход государства практически из всех сфер экономической деятельности, открытие страны внешнему миру и приватизацию большинства социальных функций. Этот сценарий может привести к существенному экономическому росту, более высокому в краткосрочной перспективе, чем в любом другом сценарии»¹¹. Но этот путь, несмотря на свою экономическую привлекательность, может оказаться нереальным из-за высокой вероятности роста чрезмерного социального неравенства.

Другой путь, государственный (идея «социального государства»): «Расширение прямого участия государства в регулировании экономических и общественных отношений..., расширение функций государственной власти до размеров монополий приведет к тому, что государство и экономика... станут заложниками неэффективных менеджеров и чиновников»¹², возникнет возможность слияния чиновников с монополистическим частным капиталом, что

породит экономическое и социальное неравенство огромных масштабов.

И третий путь, предлагаемый программой, который можно назвать медиационным: «Сценарий модернизации, основанный на высвобождении частной инициативы и усилении роли государства в обеспечении благоприятных условий хозяйствования, включая финансовую и социальную стабильность, балансирует элементы двух других вариантов стратегии... Вместо полной закрытости или открытости страны делается ставка на... политику здравого смысла, предлагающую реальные решения соответствующих проблем с учетом существующих на сегодня бюджетных и общих ресурсных ограничений»¹³.

Постулат о «субсидиарном государстве» (название следует признать не очень удачным) в идеале оптимально нацелен на борьбу против монополизма «власти-собственности», стимулирование экономического роста и одновременно ограничение чрезмерного социального неравенства. Но на практике он превратился сегодня в то, что принято называть «раздаточной» экономикой и в то, что блокирует самоорганизацию, местное самоуправление и борьбу с неравенствами.

Антимонопольная социально-юридическая программа Г. А. Явлинского. «В связи с тем, что фундаментом российской политической системы является... слияние бизнеса, собственности и власти, то присвоение собственности и доходов от нее, происходит во многих случаях (особенно когда касается крупной собственности) не путем экономической деятельности, а за счет личного присутствия во власти либо присутствия во властных структурах супруга (супруги), приятелей, купленных людей, то

¹¹ Основные направления социально-экономической политики Правительства Российской Федерации на долгосрочную перспективу. 2000. URL: https://web.archive.org/web/20100918062948/http://budgetrf.ru/Publications/Programs/Government/Gref2000/Gref2000000.htm#HL_2 (дата обращения: 26.07.2023).

¹² Основные направления социально-экономической политики Правительства Российской Федерации на долгосрочную перспективу. 2000. URL: https://web.archive.org/web/20100918062948/http://budgetrf.ru/Publications/Programs/Government/Gref2000/Gref2000000.htm#HL_2 (дата обращения: 26.07.2023).

¹³ Там же.

есть за счет, мягко выражаясь, административного ресурса. В России у бизнеса и власти – общая финансовая система, а потому, строго говоря, то, что у нас называют коррупцией, ею не является. Общепринятое определение коррупции – это противоречащее интересам общества использование должностным лицом своих властных полномочий в целях получения экономической прибыли (ренты). Иными словами, коррупция – это более или менее распространенный частный элемент в политической системе государства. Но в современной России – это не частный случай, а сама суть всей государственной машины... Пока бизнес, собственность и власть неразделимы, едины, ... бизнес всегда должен быть зависимым, то есть в «стойле»» (Явлинский, 2013: 40).

Что конкретно, по Явлинскому, надо сделать, чтобы успешно противостоять монополизации экономики страны и механизму «власть-собственность»? Нужны юридические меры: 1) Установить ««компенсационный налог» на бенефициаров приватизации, измеряемый большими суммами; 2) наложить на них «определенные ограничения в отношении права распоряжения полученными активами в результате приватизации»; 3) «установить некоторые социальные обременения»; 4) «между властью и бизнесом поставить своеобразный барьер, предотвращающий их слияние практически на любом уровне, включая местный...»; 5) создать «систему сдержек и противовесов в отношениях между государством, бизнесом и обществом...» (Явлинский, 2013: 33). И другие меры – принять пакет из по крайней мере трех законов: 1) «об урегулировании отношений бизнеса и власти и отделении последних друг от друга»; 2) «об амнистии по экономическим и налоговым преступлениям»; 3) «о прозрачности финансирования политических партий и транспарентном лоббировании в парламенте» (Явлинский, 2013). Политика медиации здесь в том, что она ограничивает рост крайностей – возможностей и коррупционных чиновников, и коррумпированных

бизнесменов концентрировать в своих руках власть, реализуемую через обладание собственностью. Это существенный блок на пути формирования гигантских экономических неравенств. Юридические предложения Явлинского услышаны и в большей их части взяты на вооружение КПРФ, СПР и другими партиями и объединениями.

Антимонопольный социально-политический принцип А. В. Тихонова и философия А. С. Ахиезера. Тихонов: «Ради модернизации страны и регионов нам нужно сделать нечто похожее на то, что в свое время сделали в США, когда институционально разделили собственность и управление. Они, как известно, стали мировым лидером в области менеджмента. Настала очередь и нам сделать свой цивилизационный шаг вперед: отделить институт управления от института власти, ... вертикаль управления станет непосредственно отвечать за результаты государственной работы, соединяя свои программы с неисчерпаемым потенциалом горизонтальной самоорганизации и самоуправления на местах» (Россия: ..., 2017: 7).

Постановка Тихоновым вопроса о разделении синкретиза «власть-собственность» берет начало в постановке вопроса о «разделении властей» Дж. Локком (Великобритания, 1632-1704) и Ш. Ф. Монтескье (Франция, 1689-1755). Наиболее последовательно принцип разделения властей был проведен в Конституции США 1787 г. (А. Гамильтон, Дж. Мэдисон, Дж. Джей) (Отчет 2023). Тихонов внес в постановку вопроса о расчленении «власти-собственности» свой вклад: добавил в «имя» синкретиза «власть-собственность» третий член – «управление», и это «имя» стало выглядеть как «власть-собственность-управление». После этого преобразования выявилась двойственная структура неорганического слияния власти и собственности и резко расширились возможности его реформирования. Каким образом? 1) Через зависимость управления от целей монополии «власти-собственности» (принцип «у кого

власть, у того и управление»), но одновременно 2) через его независимость и от власти, и от собственности, имея свою собственную эндогенную цель – эффективность, измеряемую двумя полезностями – общественной, за которую отвечает государство, и индивидуальной, за которую отвечает частная инициатива. «Управление» Тихонова на понятийном уровне оппонирует и «власти», и «собственности» как абсолютам и находится в смыслоформирующей «сфере между» ними, в условной межполюсной «середине» – там, где зарождается *медиация/самоорганизация и медиация/диалог*. Именно диалог становится третьим субъектом в развитии системы «Я – Другой» (Давыдов, 2021: 191-202). Но как создать основание для ведения диалога?

На этот вопрос в какой-то степени отвечает философ, культуролог, экономист А. С. Ахиезер (1929-2008): «Борьба с монополиями административными методами... может быть лишь дополнением к иным мерам, прежде всего, к опоре на создание массовой микроструктуры продавцов и покупателей. Этот путь соответствует логике истории мирового хозяйства. Эти люди своей численностью могут создать среду для дальнейшего развития рынка и инициативы. Так как монополия вырастает из каждой клеточки общества, то реальное средство против нее – только объединение сил демократически ориентированного государства и антимонопольных сил "снизу", сочетание политического и хозяйственного давления». (Ахиезер, 1998: 287). Ахиезер говорит о монополии как форме *сговора* одной части общества против другой и раскола между ними: «Опасность сговора в том, что он воспроизводит раскол, дезорганизацию в самом процессе принятия решений... Преодоление сговора возможно лишь в процессе ограничения раскола. Важными элементами ограничения возможности сговора являются *свобода печати, все формы гласности, формирование гражданского общества, правового государства, открытого общества*» (курсив мой – А. Д.) (Ахиезер, 1998: 444). Другими

словами, между коррумпированным чиновником и коррумпированным предпринимателем должно встать медиационное демократическое общество со всеми его институтами – в этой позиции «между» демократическая миссия гражданского общества.

Принцип Тихонова и философия Ахиезера – наиболее глубокое проникновение в механизм «власти-собственности» и проблемы неравенств, требующее медиационной реформы властно-управленческой вертикали и разработки теории и механизмов межсубъектного диалога.

Антимонопольный принцип государственного-частного партнерства Р. С. Гринберга-А. Я. Рубинштейна. Концепция экономической социодинамики этих авторов «(КЭС) анализирует социодинамику как нацеленную на осуществление синтетического принципа «для» в институциональной среде: чиновник функционирует в государственных институтах и имеет дело только с законами, устанавливаемыми государством, а предприниматель действует только на рынке и руководствуется только законами рынка. В результате такого разделения труда в КЭС имеет место параллельная деятельность двух субъектов друг для друга (государство и бизнес) на основаниях, природа которых теоретически несводима. И из несводимости природ возникает общая для обоих субъектов потребность иметь какой-то *медиационный* механизм, объединяющий усилия субъектов в достижении единой цели. Этот механизм, выстраиваясь на третьем основании (принцип «для») и имея амбивалентную природу, ведет, не может не вести обоих к диалогу и синтезу» (Давыдов, 2021: 200).

Из этой общей закономерности рождается правило Гринберга – Рубинштейна: «Один представительный орган (*например, парламент – А. Д.*) устанавливает правила игры, другой (*например, правительство – А. Д.*) вырабатывает приоритеты и иерархию социальных установок. Главное, исполнительный орган должен вести себя [на рынке] исключительно как некоммерческая организация, миссия которой – реализация

общественных интересов. И в этом смысле государственные структуры являются субъектами рынка. Что же касается установления правил игры, то это прерогатива законодательной власти, которая в принципе не может быть субъектом рынка» (Гринберг, 2019: 35).

В идеале – это хорошая медиационная схема, разрушающая угрозу появления неравенств в экономике, но не достаточная. В государственно-частной экономике функции чиновника и частного предпринимателя более сложные, чем они описаны у Гринберга и Рубинштейна: госчиновник руководствуется, в первую очередь, государственными правилами, но всегда ограничивает себя законами рынка; также и бизнесмен: руководствуясь, в первую очередь, правилами рынка, он ограничивает себя законами государства. Эта двойственность дает право на вывод: в управлении на государственно-частном предприятии приоритет отдается не ценности государства либо рынка, а ценности государственно-частного партнерства.

Поэтому правило, которое предложили Рубинштейн и Гринберг, в моей интерпретации звучит несколько по-иному: Через свою амбивалентную двойственность в государственно-частном предприятии и госчиновник, и частный предприниматель – оба являются представителями не государства и не бизнеса, а своего партнерства как самостоятельного экономического уклада в смешанной экономике страны. Это правило можно сформулировать и по-другому: госчиновник и предприниматель через независимое управление служат интересам не столько государства и бизнеса, сколько своего государственно-частного партнерства, которое косвенно служит интересам государства и бизнеса, учредивших его. Этот модифицированный принцип взаимодополнительности раздвоенных, то есть вступивших во взаимодействие (идея Питирима Сорокина) функций госчиновника и предпринимателя в смешанной экономике является

лучшим средством борьбы с угрозой монополизма и, следовательно, любого вида неравенства, которые могли бы исходить и от госчиновника, и от предпринимателя, будь они представителями интересов только государства и бизнеса.

Идея взаимодополнительности бизнеса и государства в государственно-частном партнерстве через механизм «для» – пожалуй первая в России после Питирима Сорокина, М. М. Бахтина и В. А. Лекторского попытка создать теоретические основы диалога противоположностей на общем основании. Эта попытка может быть обогащена концепцией Ж.-П. Сартра соединить несоединимое (смыслов Я и Другого в системе «Я – Другой») на различных основаниях (Давыдов, 2021; Давыдов, 2020). Но это тема уже другой статьи.

Заключение (Conclusions). Сегодня в научных кругах и СМИ усиливается понимание, что неравенства надо не только сглаживать, но против них надо бороться, чтобы ликвидировать. Потому что неравенства имеют целый ряд *косвенных* отрицательных последствий:

- 1) искажают стимулы к накоплению человеческого капитала,
- 2) снижают социальную мобильность,
- 3) способствуют утрате мотивации к труду,
- 4) существенно препятствуют реализации других социально значимых целей.

При этом социальная политика под лозунгом «Обогащайтесь!», адресованная в равной мере ко всем слоям экономически активного населения, признается сегодня недостаточной и даже неадекватной (за рубежом – Дж. Стиглиц (Стиглиц, 2016); в России – И. Артемьев в бытность его пребывания в 2004-2020 гг. в должности руководителя ФАС).

Но для науки важно не поддаваться популистским крайностям – требованиям уничтожить «все до основания», нацеленным на то, чтобы построить эгалитарное общество без монополий и неравенств, либо «либерально-демократический рай».

Анализ выбранных для изучения социальных программ показал, что при всех их различиях их объединяет то, что они ищут альтернативу исторически сложившимся социальным традициям в некой сфере между старым и новым, статикой и динамикой, культурой и обществом. Но достичь такого синтеза можно только через диалог и медиацию. Я согласен с точкой зрения д. соц. н., член-корр. РАН М. Ф. Черныша, которую считаю медиационной: «В современной социологической теории имеются серьезные заделы, позволяющие понять возможные риски применения новых технологий. К числу таких фундаментальных рисков относится становление новых форм неравенства, утрата в обществе традиционных форм защищенности, новая, более высокая степень отчуждения (курсив и подчеркивание мои – А. Д.), ... уже сейчас ясно, что именно цифровизация будет создавать и уже создает предпосылки радикальной трансформации общества, новые возможности и новые риски для общественного порядка, новые различия и новые солидарности (по Н. Луману, значит и новые неравенства – А. Д.). Важно, чтобы эти процессы оставались в центре внимания современной общественной науки, чтобы она осмысливала их последствия и предупреждала общество о тех угрозах, которые в них заключены» (Черныш, 2021: 15-16).

Список литературы

- Авен П., Кох А. Революция Гайдара: История реформ 90-х из первых рук. М.: Альпина Паблишер, 2015. 471 с.
- Ахиезер А. С. Россия: критика исторического опыта (Социокультурная динамика России). Т. 2. Теория и методология. Словарь. Издание 2-е, переработанное и дополненное. Новосибирск. Сибирский хронограф, 1998. 595 с.
- Горшков М. К. Российское общество как оно есть. В 2 т. Т.2. Изд. 2-е. переработанное и дополненное. М.: Новый хронограф, 2016. 496 с.
- Гринберг Р. С. В поисках равновесия. М.: Магистр. 2019. 159 с.
- Давыдов А. П. Методологическая «середина-для» в ракурсе неклассики В. Лекторского, медиации А. Ахиезера и принципа комплементарности Р. Гринберга, А. Рубинштейна // Вопросы философии. 2021. №4. С. 191-202.
- Давыдов А. П. Методологическая «середина» как инструмент изучения социальной реальности // Россия реформирующаяся. Ежегодник. Выпуск 18. М: Новый хронограф, 2020. С. 529-564. DOI: 10.19181/ezheg.2020.23
- История новой России. Очерки, интервью. В трех т. Т. 1. СПб.: Норма, 2011. 1855 с.
- Модернизация отечественной системы управления: анализ тенденций и прогноз развития. Материалы Всероссийской научно-практической конференции и XII-XIII Дридзеvских чтений (21-22 ноября 2013 г.). М.: Институт социологии РАН, 2014 г. 548 с.
- Отчёт 2023: «Власть – собственность» и неравенство в России как социальная проблема. М.: Институт социологии ФНИСЦ РАН. 2023.
- Россия: реформирование властно-управленческой вертикали в контексте проблем социокультурной модернизации регионов. Коллективная монография. Отв. ред. А. В. Тихонов, А. А. Мерзляков. М.: Институт социологии ФНИСЦ РАН. 2021. 455 с.
- Россия: реформирование властно-управленческой вертикали в контексте проблем социокультурной модернизации регионов». Отв. ред. А. В. Тихонов. М.: ФНИСЦ РАН, 2017. 432 с.
- Стиглиц Дж. Великое разделение. Неравенство в обществе, или что делать оставшимся 99% населения. Перевод с англ. Ф. Исафилов. М.: ЭКСМО, 2016. 430с.
- Тамбовцев В. Является ли в России экономическое неравенство социальной проблемой? // Общественные науки и современность. 2018. № 2. С. 34-40.
- Тихонова Н. Е. Социальная стратификация в современной России. Опыт эмпирического анализа. М.: ИС РАН, 2007. 320 с.
- Черныш М. Ф. Цифровизация и неравенство // ИНАБ. 2021. № 4. Структурные аспекты цифровизации. С. 4-16. DOI: 10.19181/INAB.2021.4.1
- Экономическая наука и социальное государство. Сб. материалов Круглого стола в рамках программы «МЭФ-2015». М.: ИСЭПН РАН, 2016. 165 с.
- Явлинский Г. А. «Компенсационный налог» и проблемы защиты прав собственности. // Верховенство права как фактор экономики. Коллективная монография. М.: Мысль, 2013. С. 21-43.

References

Aven, P., Koch, A. (2015), *Revoluciya Gaj-dara: Istoriya reform 90-x iz pervy'x ruk* [Gaidar's Revolution: First-Hand History of Reforms in the 1990s], Alpina Publisher, Moscow, Russia, 471.

Akhiezer, A. S. (1998), *Rossiya: kritika istoricheskogo opy'ta (Sociokul'turnaya dinamika Rossii). T. 2. Teoriya i metodologiya. Slovar'* [Russia: Criticism of Historical Experience (Sociocultural Dynamics of Russia), 2, Theory and methodology. Dictionary], Siberian chronograph, Novosibirsk, Russia, 595.

Gorshkov, M. K. (2016), *Rossiyskoe obshchestvo kak ono est'* [Russian society as it is], New chronograph, Moscow, Russia, 496.

Grinberg, R. S. (2019), *V poiskakh ravnovesiya* [In Search of Balance], Master, Moscow, Russia, 159.

Davydov, A. P. (2021), "Methodological "middle-for" in terms of V. Lektorsky's non-classics, A. Akhiezer's mediation and R. Grinberg's principle of complementarity/A. Rubinstein", *Questions of Philosophy*, (4), 191-202.

Davydov, A.P. (2020), "Methodological "middle" as a tool for studying social reality", *Russia in reform. Yearbook*, (18), New chronograph, Moscow, Russia, 529-564, DOI: 10.19181/ezheg.2020.23

Istoriya novoy Rossii. Ocherki, interv'yu [History of new Russia. Essays, interviews] (2011), In three volumes. V. 1. Norma, St. Petersburg, Russia, 1855.

Modernizatsiya otechestvennoj sistemy` upravleniya: analiz tendentsij i prognoz razvitiya. Materialy` Vserossiyskoj nauchno-prakticheskoy konferencii i XII-XIII Dridzevskix chtenij (21-22 noyabrya 2013 g.) [Modernization of the domestic management system: trend analysis and development forecast. Materials of the All-Russian scientific and practical conference and XII-XIII Dridze readings (November 21-22, 2013)], (2014), Institute of Sociology RAS, Moscow, Russia, 548.

Rossiya: reformirovanie vlastno-upravlencheskoj vertikali v kontekste problem sociokul'turnoj modernizatsii regionov. Kollektivnaya monografiya [Russia: reforming the power-administrative vertical in the context of problems of socio-cultural modernization of the regions. Collective monograph], (2021), rep. ed. Tikhonov, A. V., Merzlyakov, A. A., Institute of Sociology FNISTS RAS, Moscow, Russia, 455.

Rossiya: reformirovanie vlastno-upravlencheskoj vertikali v kontekste problem sociokul'turnoj modernizatsii regionov [Russia:

Russia: reforming the power-administrative vertical in the context of problems of socio-cultural modernization of the regions] (2017), rep. ed. Tikhonov, A. V., FNISTS RAS, Moscow, Russia, 432.

Stiglitz, J. (2016), *Velikoe razdelenie. Neravenstvo v obshchestve, ili Chto delat' ostavshimsya 99% naseleniya* [The great separation. inequality in society, or what to do with the remaining 99% of the population], translation from English by F. Israfilov, EKSMO, Moscow, Russia, 430.

Tambovtsev, V. (2018), "Is economic inequality a social problem in Russia?", *Social sciences and modernity*, (2), 34-40.

Tikhonova, N. E. (2007), *Social'naya stratifikatsiya v sovremennoj Rossii. Opyt` empiricheskogo analiza* [Social stratification in modern Russia. Experience of empirical analysis], IS RAN, Moscow, Russia, 320.

Chernysh, M. F. (2021), "Digitalization and inequality", *INAB*, (4), Structural aspects of digitalization, 4-16. DOI: 10.19181/INAB.2021.4.1

E'konomicheskaya nauka i social'noe gosudarstvo. Sb. materialov Kruglogo stola v ramkax programmy` «MEF-2015» [Economic science and social state. Sat. materials of the round table within the framework of the program "MEF-2015"], (2016), ISEPN RAN, Moscow, Russia, 165.

Yavlinsky, G. (2013), "Compensation tax" and problems of protection of property rights", *The rule of law as a factor in the economy. Collective monograph*, Thought, Moscow, Russia, 21-43.

Статья поступила в редакцию 16 августа 2023 г. Поступила после доработки 28 августа 2023 г. Принята к печати 15 сентября 2023 г.
Received 16 August 2023. Revised 28 August 2023.
Accepted 15 September 2023.

Конфликты интересов: у автора нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the author has no conflicts of interest to declare.

Давыдов Алексей Платонович, доктор культурологии, ведущий научный сотрудник Центра социологии управления и социальных технологий ИС ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Alexey P. Davydov, Doctor of Culturology, Leading Researcher at the Center for Sociology of Management and Social Technologies of the IS FNISCS RAS, Moscow, Russia.

УДК 316.77

DOI: 10.18413/2408-9338-2023-9-3-0-9

Демьяненко В. И.

Оценка субъектности участников взаимодействия по сокращению неравенства в российских регионах

Центр социологии управления и социальных технологий
Института социологии ФНИСЦ РАН

ул. Большая Андроньевская, дом 5, строение 1, Москва, 109544, Россия;

Государственный академический университет гуманитарных наук

Мароновский переулок, дом 26, г. Москва, 119049, Россия

imhocorg@gmail.com

Аннотация. Различия в уровне и качестве жизни населения, условиях для воспроизводства его потенциала и возможностях участия граждан являются важной задачей регионального развития в РФ. В связи с этим институционально-регулятивные органы внедряют механизмы взаимодействия разных заинтересованных лиц (население, государственные, региональные, муниципальные органы управления, бизнес, наука и пр.), что направлено на формирование группового субъекта, развивающего регион. Речь идет об организации такого взаимодействия участников регионального развития, которое приведет к достижению желаемых результатов. В том случае, когда удастся построить столь результативный групповой субъект принято говорить о его субъектности, в противном случае о бес-субъектности (например, механизм внедрен, но коммуникации носят ритуальный характер). Различные министерства разработали методики мониторинга внедряемых ими же механизмов, имеющие отличающуюся логику оценки. Но все они априори предполагают, что анализируемый механизм полезен, поэтому исследуется только масштаб его внедрения. При этом за рамками внимания остается вопрос о том, насколько продуктивен механизм для регионального развития, можно ли добиться лучших результатов используя другие подходы (например, из арсенала классической парадигмы управления, в рамках субъект-объектного взаимодействия). В целях устранения описанного упущения в статье разработан научно обоснованный метод определения субъектности внедряемого механизма взаимодействия. В качестве методологической основы использована модель «социального тела» проблемы, описанная А. В. Тихоновым (в данном исследовании речь идет о субъектности социальной группы, образуемой в процессе решения проблемы регионального развития). Концепт субъектность (деятельностная характеристика, описывающая возможности субъектов управлять взаимодействием таким образом, чтобы определять и формировать должное будущее) рассмотрен для вероятностных (вариативных) ситуаций, в которых организуется субъект-субъектное взаимодействие. Такая субъектность формируется в процессе решения реальных проблем и требует наблюдения некоторый временной промежуток (поскольку речь идет об устойчивости равноотстоящих интервальных рядов, определяемой с помощью коэффициента корреляции Ч. Спирмана, то необходимо иметь статистику не менее чем за пять лет). Разработанный метод основан на корреляционном сравнении временных рядов динамики внедряемого механизма взаимодействия и показателей регионального раз-

вития. Это позволяет прояснить, как наличие и силу взаимосвязи, так и причинно-следственную связь между ними. Работа метода оценки субъектности проиллюстрирована на примере наиболее активно внедряемых механизмов взаимодействия – инициативное бюджетирование, государственно-частное партнерство и добровольчество. Автор полагает, что при принятии решений и в целях повышении государственного управления необходимо опираться на доказательные подходы.

Ключевые слова: социология управления; субъектность; социальное тело проблемы; социальное неравенство; региональное развитие

Информация для цитирования: Демьяненко В. И. Оценка субъектности участников взаимодействия по сокращению неравенства в российских регионах // Научный результат. Социология и управление. 2023. Т. 9, № 3. С. 123-137. DOI: 10.18413/2408-9338-2023-9-3-0-9.

Original article

Vasiliy I. Demyanenko

Assessing the subjectivity of participants in interaction to reduce inequality in Russian regions

Institute of Sociology of FCTAS RAS
5 Bolshaya Andronovskaya St., Moscow, 109544, Russia;
State Academic University for the Humanities
26 Maronovsky Ln., Moscow, 119049, Russia
imhocorg@gmail.com

Abstract. Differences in the level and quality of life of the population, the conditions for the reproduction of its potential and the opportunities for citizens to participate are an important task of regional development in the Russian Federation. State bodies introduce mechanisms for the interaction of various stakeholders. This is aimed at forming a group subject that develops the region. They want to organize such interaction of participants in regional development that will lead to the achievement of the desired results. If the created group subject is effective, then it is subjectness, otherwise it is subjectless (for example, the mechanism is introduced, but communications are of a ritual nature). Various ministries have developed methodologies for monitoring their own mechanisms. Their logic is different, but they all a priori believe that the analyzed mechanism is useful. Therefore, they investigate only the scale of its implementation. How useful the mechanism is is not analyzed. To check the usefulness of the implemented interaction mechanisms, the article proposes a method for determining the subjectness of the implemented interaction mechanism. As a methodological basis for the development of the method, the model of the social body of the problem, described by A.V. Tikhonov (in this study we are talking about the subjectness of a social group formed in the process of regional development). The concept of subjectness is considered for probabilistic situations in which subject-subject interaction is organized. Such subjectness is formed in the process of solving real problems and requires observation of a certain time period (since we are talking about the stability of equally spaced interval series, determined using the Ch. Spearman correlation coefficient, it is necessary to have statistics for at least five years). The developed method is based on the correlation comparison of the time series of the dynamics of the implemented mechanism of interaction and indicators of regional development. This makes it possible to clarify

both the presence and strength of the relationship, and the causal relationship between them. For an example of using the subjectness assessment method, one of the most actively implemented mechanisms of interaction is considered – initiative budgeting, public-private partnership and volunteerism.

Keywords: sociology of management; subjectness; social body of the problem; social inequality; regional development

Information for citation: Demyanenko, V. I. (2023), “Assessing the subjectivity of participants in interaction to reduce inequality in Russian regions”, *Research Result. Sociology and Management*, 9 (3), 123-137, DOI: 10.18413/2408-9338-2023-9-3-0-9.

Введение (Introduction). Согласно Указа Президента Российской Федерации «Об утверждении Основ государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 года» от 16.01.2017 г. № 13 «целями государственной политики регионального развития являются обеспечение равных возможностей для реализации установленных Конституцией Российской Федерации и федеральными законами экономических, политических и социальных прав граждан Российской Федерации на всей территории страны, повышение качества их жизни, обеспечение устойчивого экономического роста и научно-технологического развития регионов, повышение конкурентоспособности экономики Российской Федерации на мировых рынках на основе сбалансированного и устойчивого социально-экономического развития субъектов Российской Федерации и муниципальных образований, а также максимального привлечения населения к решению региональных и местных задач»¹. В этом государственном документе, как и многих других (стратегиях, национальных проектах, федеральных и государственных программах) речь идет об обеспечении равномерного распределения возможностей, доступе к материальным и социальным ресурсам, о преодолении межрегионального и внутрирегионального неравенства.

Федеральные органы власти прикладывают много усилий для поддержки и организации процесса регионального развития. Среди механизмов региональной политики привычными являются: государственные целевые программы развития регионов; функционирование свободных экономических зон; деятельность фондов, ассоциаций поддержки регионального развития; реализация инвестиционных проектов; подготовка для региона квалифицированных кадров; наличие эффективной системы правовых норм, обеспечивающих устойчивость регионального развития. Активно используются разнообразные методы бюджетной поддержки регионов – дотации, субвенции и иные виды трансфертов из общегосударственного бюджета. В рамках классического управления, ориентированного на субъект-объектные отношения, такие подходы играют ключевую роль. Но в современном дискурсе, заметно стремление на построение субъект-субъектных отношений, внимание к неклассической парадигме управления (Россия: реформирование, 2017). Поэтому Стратегия пространственного развития направлена в первую очередь на обеспечение скоординированных действий разных участников («федеральных органов исполнительной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, субъектов естественных монополий по реализации приоритетов пространственного развития Российской

¹ Указ Президента Российской Федерации от 16.01.2017 г. № 13 «Об утверждении Основ государствен-

ственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 года». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41641> (дата обращения: 15.08.2023).

Федерации»². В Концепции долгосрочного развития страны указано, что для достижения целей необходимо «выстраивание эффективных механизмов взаимодействия общества, бизнеса и государства, направленных на координацию усилий всех сторон, обеспечение учета интересов различных социальных групп общества и бизнеса при выработке и проведении социально-экономической политики»³. Институционально-регулятивные органы занимаются разработкой и внедрением механизмов вовлечения, участия в процесс регионального развития всех заинтересованных сторон (население, государственные, региональные, муниципальные органы управления, бизнес, наука и пр.). Механизмы для активного участия разных сторон в управлении и развитии общества, создавая более гибкие и адаптивные модели сотрудничества направлены на повышение результативности и эффективности преодоления неравенства. И сама возможность такого участия создает равноправные условия для всех граждан. Наиболее активно этот процесс реализуется в рамках государственно-частного партнерства (ГЧП), инициативного бюджетирования (ИБ) и добровольчества.

Внедрение подобных механизмов направлено на формирование группового субъекта, развивающего регион, т.е. его субъектности (Демьяненко, 2022 б). Концепт субъектность только в последние десятилетия становится предметом исследования ученых и не имеет устоявшейся трактовки. В данной работе с учетом социологической специфики под субъектностью понимается деятельностная характеристика, описывающая возможности субъектов управлять взаимодействием таким образом, чтобы определять и формировать должное будущее (Демьяненко, 2022 а).

Несмотря на то, что планы по институализации процессов взаимодействия разных участников направлены на региональное развитие преодоление неравенства – это всего лишь намерения. Социолого-управленческий взгляд предполагает соотношение планов по организации совместной деятельности заинтересованных сторон с результатом реальных действий участников социально-экономического развития регионов (Тихонов, 2017). Для нас представляет интерес то, насколько внедряемые механизмы взаимодействия способствуют региональному развитию и преодолению неравенства, не превращаются ли они в ритуальные коммуникации (Дридзе, 1999) и освоение выделенных средств.

Федеральные государственные органы исполнительной власти разработали методики мониторинга внедряемых механизмов. Они подготовлены разными министерствами, агентствами и имеют отличающуюся логику исследования, направленную на сравнение с другими регионами. В целом для них характерны учет большого количества переменных и следующие три особенности: оценивают решение узкой задачи, не характеризующей субъектность; значительное внимание уделяют формальной стороне; направлены на распространение положительного опыта. То есть на основании проводимого мониторинга не представляется возможным ответить на вопрос о том, способствует ли внедряемый механизм региональному развитию. Так при расчете уровня государственно-частного партнерства можно выделить следующие ключевые параметры – учитывается количество инвестиций, исполнение проек-

² Распоряжение Правительства РФ от 13.02.2019 № 207-р «Об утверждении Стратегии пространственного развития РФ на период до 2025 г.» URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72074066/?ysclid=lmoxc1t7i8103663019> (дата обращения: 15.08.2023).

³ Распоряжение Правительства РФ от 17.11.2008 № 1662-р (ред. от 28.09.2018) «О Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82134/?ysclid=lmoxdhlwqc284919928 (дата обращения: 15.08.2023).

тов и состояние нормативно-институциональной среды⁴. Анализ инициативного бюджетирования сосредоточен на количестве практик в регионах, внебюджетных вкладах и нефинансовой поддержке физических и юридических лиц, количестве реализованных проектов, объеме образовательных мероприятий⁵. Формирование добровольческого движения опирается на данные регионов о количестве участвующих организаций, волонтеров, реализованных проектов и граждан, прошедших обучение организации и участию в волонтерской деятельности.

Такой подход к мониторингу априори предполагает, что анализируемый механизм полезен. Поэтому исследуется только масштаб его внедрения. Но за рамками внимания остается вопрос о том, насколько продуктивен механизм для регионального развития, можно было бы добиться лучших результатов используя другие подходы (например, из арсенала классической парадигмы управления, в рамках субъект-объектного взаимодействия). В. В. Глазунова приходит к выводу, что ГЧП способствует экономическому росту региону и повышению социального уровня, но бизнес вкладывается в финансово устойчивые регионы, инвестиционно-привлекательные. Она обращает внимание на то, что ключевыми показателями регионального роста и развития является количество инвестиций и число проектов, но при этом отмечает, что сила их влияния неоднозначна (это особенно заметно в ИТ-секторе) (Глазунова, 2023). С точки зрения ГЧП, как механизма взаимодействия сторон, указанные факторы не рассматривают количество участников, их долю среди представителей бизнес-сообщества в регионе.

Рассмотрение регионального развития и подходов к преодолению социального неравенства с помощью концепта «субъектность» является инновационным. Тем не менее в этом направлении следует отметить ряд ученых, исследующих субъектность, как социологическое понятие, характеризующее управление – А. А. Мерзляков исследует группообразование населения (Мерзляков, 2017), А.В. Попов рассматривает субъектность, как стремление региона к самостоятельности (Попов, 2014), вопросы бессубъектности в государственном управлении поднимаются Т. Г. Лешкевичем и В. Е. Лепским (Лепский, 2019, Лешкевич, 2017).

Методология и методы (Methodology and methods). Для того, чтобы устранить существующие на сегодняшний день упущения в оценке внедряемых инструментов вовлечения разных социальных групп в процесс принятия решений и их реализацию, как способов повышения субъектности регионального развития, нами поставлена цель разработать научно обоснованный метод определения того, является ли устойчивое региональное развитие и преодоление неравенства следствием создаваемых институционально-регулирующими органами механизмов взаимодействия заинтересованных сторон.

Необходимая оценка требует целостного взгляда на процессы регионального развития. Поскольку внедряемые механизмы предполагают взаимодействие разных заинтересованных сторон, то в качестве методологической основы была выбрана модель «социального тела» проблемы, описанная А. В. Тихоновым (Тихонов, 2003, 2013). Согласно ей, в процессе решения какой-то проблемы, вовлеченные в нее участники, со временем формируют

⁴ Приказ Минэкономразвития России от 19 декабря 2019 г. № 816 «Об организации работы в Минэкономразвития России по расчету показателя «Уровень развития сферы государственно-частного партнерства в субъекте Российской Федерации» за 2020 и последующие годы. URL: <https://www.economy.gov.ru/material/dokumenty/prik>

az_minekonomrazvitiya_rossii_ot_19_dekabrya_2019_g_816.html?ysclid=lmoxhdcxym335881068 (дата обращения: 16.08.2023).

⁵ Доклад о лучших практиках развития инициативного бюджетирования в субъектах Российской Федерации и муниципальных образованиях. М.: Министерство финансов РФ, 2020.

«социальное тело» (метафора социальной группы, состоящей из людей каким-то образом, связанных с проблемой, разделяющих или нет цели и подходы к ее преодолению). Такое «социальное тело» проблемы, как групповой субъект, может постепенно приобретать способность справляться с трудностями в означенном направлении и тогда говорят о его субъектности. В противном случае оно рассматривается как бес-субъектное.

В рамках концепции «социального тела» проблемы мы рассматриваем групповой субъект, усилия которого направлены на региональное развитие. Внедряемые механизмы взаимодействия, являются частью этого группового субъекта и тесно взаимосвязаны с ним обратными связями (т.е. развитие механизма является одновременно и причиной, и следствием происходящего с групповым субъектом). В контексте предмета нашего анализа, с одной стороны, формирование одних механизмов взаимодействия может выступать примером для диалоговой модели коммуникации (Дридзе, 2000) вообще в субъекте РФ, запуская или поддерживая неклассическую концепцию управления. То есть речь идет о субъектности «социального тела» решения проблемы регионального развития в целом, а не отдельных его частей. С другой стороны, само успешное региональное развитие может выступить причиной того, что заинтересованные стороны начинают взаимодействовать. И тогда формируемый механизм не является основанием для субъектности.

Анализ научных источников, изучающих концепт субъектность, показал, что характеристики столь комплексного понятия отличаются в зависимости от сложности проблемной ситуации (Демьяненко, 2022 а). Так, для классических систем с детерминированными явлениями, предполагающими возможность ставить четкие планы, способность целедостижения будет определяться наличием ресурсов и предметными навыками исполнителей (Леньков, 2020; Лепский, 2019; Тихонов, 2009). Т.е. субъек-

ектность можно оценить еще на этапе намерения действовать. Для группового субъекта речь в первую очередь идет о точности поставленных целей и исполнительности участников относительно спланированных мероприятий. В условиях же, где события являются вероятностными, а будущая цель может меняться в процессе движения к ней, способность субъекта двигаться к желаемому результату определяется через навык развиваться, строить продуктивные коммуникации, готовность не пасовать перед трудностями. И в этом случае субъектность это характеристика, которая повышается по мере взаимодействия акторов, вовлеченных с «социальное тело» проблемы (Демьяненко, 2022 а).

Поскольку оцениваемые нами внедряемые механизмы предполагают субъект-субъектные отношения, то речь идет в первую очередь не об исполнительности в направлении поставленных целей, а о достижении конструктивного взаимодействия в процессе решения проблем развития. Поэтому для оценки субъектности нам необходимо анализировать динамику временных рядов. Важно понять существует ли связь между ростом во времени распространения механизма взаимодействия по решению проблем регионального развития и позитивной динамикой регионального развития. Корреляционное сравнение между ними по разным регионам позволяет прояснить наличие и силу взаимосвязи. А в случае, когда, анализируя временные ряды вначале, мы наблюдаем рост динамики механизма взаимодействия, а потом устойчивое развитие субъекта РФ – у нас есть веские основания предполагать, что оцениваемый механизм является важной составляющей субъектности регионального развития.

Научные результаты и дискуссия (Research Results and Discussion). Внедряемые механизмы взаимодействия – это способы организации заинтересованных сторон, совместно участвующих в решении проблем. При формировании таких механизмов важен рост количества участ-

ников и объем проблем, которые они совместно решают. Поэтому для оценки развития механизма взаимодействия предложено использовать индикатор, равный сумме данных двух показателей. Их сложение, как двух величин, измеряемых разными единицами, требует превращение показателей в

относительные. К тому же, сравнение индексов во временном ряду наглядно представится в процентном отношении. С этой целью текущий уровень развития механизма взаимодействия предложено оценивать с помощью долей по следующей формуле.

$$УРМ = \frac{ДСПУ + ДОРВ}{2} \quad (1)$$

- УРМ - уровень развития механизма;
- ДСПУ - доля субъектов, принимающих участие;
- ДОРВ - доля объема решаемых субъектами вопросов.

В зависимости от имеющихся статистических данных по каждому механизму доли

могут рассчитываться по-разному. Но в качестве универсальной формулы используются следующие:

$$ДСПУ = \frac{КСПУ}{ОКСР} * 100\%. \quad (1.1)$$

- КСПУ - количество субъектов, принимающих участие;
- ОКСР - общее количество субъектов в регионе.

$$ДСПУ = \frac{ОРСВ}{ООРВ} * 100\%. \quad (1.2)$$

- ОРСВ - объем решаемых субъектами вопросов;
- ООРВ - общий объем решаемых вопросов в регионе.

Рассчитав данные уровня механизма взаимодействия на определенную дату, нам необходимо получить информацию о развитии его во времени. Для этих целей

удобно использовать формулу среднего роста динамики ряда (коэффициент роста), как среднее геометрическое.

$$\overline{Tp} = \sqrt[n]{\frac{y_2}{y_1} \cdot \frac{y_3}{y_2} \cdot \frac{y_4}{y_3} \dots \frac{y_n}{y_{n-1}}} \cdot 100\% = \sqrt[n]{\frac{y_n}{y_1}} \cdot 100\% \quad (2)$$

- Тр- темп роста динамики ряда
- y_i - уровни ряда динамики
- n - длина ряда

Средний темп роста демонстрирует за весь период наблюдения каково среднее число процентов составляет следующий по отношению к предыдущему. Он использует

цепные показатели ряда динамики, что позволяет отобразить интенсивность изменения уровней ряда. Т.о. определяется основ-

ная тенденция, присущая ряду, что позволяет выявить общее направление (рост или падение), если данные уровней не подвержены значительным колебаниям.

В исследуемом нами случае мы вполне можем говорить об равноотстоящих интервальных рядах времени. Традиционно собираются данные за годовой промежуток времени. Важно, чтобы соблюдалось требование сопоставимости входящих в ряд уровней (единая методология учета, единицы измерения, сохранение территориальных границ и т.п.).

Чтобы в полученном коэффициенте роста закономерность преобладала над случайностью, необходимо тенденцию проверить на устойчивость. Определение этого свойства возможно путем поиска закономерностей среди событий, выраженных некоторым числом испытаний (Иванов, 2005). В данном случае с точки зрения статистики под устойчивостью понимается не коэффициент колеблемости, а то, насколько изменения уровней имеют направленный процесс. Для этих целей используется коэффициент корреляции Ч. Спирмена, сравнивающий ранги временного ряда и ранги уровней динамики (Елисеева, 2002). Когда данный коэффициент равен «+1», можно утверждать, что наличествует полная устойчивость возрастающей тенденции. Значение «-1» говорит об устойчивости обратного процесса. Близость к нулю свидетельствует о хаотичности ряда динамики.

Разработанный метод оценки влияния формируемых механизмов взаимодействия на субъектность «социального тела» регионального развития апробируем на конкретных данных. Поскольку применение коэффициента ранговой корреляции Ч. Спирмена имеет ограничение по количеству наблюдений (не менее пяти), то нам необходимо иметь статистику не менее чем за пять лет (Теория статистики, 2008).

Проиллюстрируем работу метода на статистических данных, находящихся в открытом доступе, по трем указанным выше механизмам взаимодействия. Ученые отме-

чают ограниченность информации в открытом доступе, что негативно влияет на качество разрабатываемых индикаторов (Каган, 2022). Большое количество данных находится в государственной автоматизированной системе «Управление». Доступ к ней аналитикам позволит найти информацию, более точно соответствующую указанной универсальной формуле.

Согласно Федеральному закону № 131 «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» регламентируются действия по определению и реализации инициативных проектов. Внедряется механизм инициативного бюджетирования, направленный на вовлечение населения (индивидуумов и социальных групп) в процесс регионального развития и взаимодействия с местными органами управления. С его помощью происходит предложение идей и участие, общественные обсуждения, публичные защиты, конкурсный отбор, возможность софинансировать проекты, осуществлять общественный контроль. Министерство финансов России при поддержке Департамента бюджетной методологии и финансовой отчетности в государственном секторе ежегодно готовит доклад о лучших практиках инициативного бюджетирования, сравнивающий субъекты РФ по широте распространения данного подхода. В соответствии с представленной выше формулой 1 для определения уровня развития инициативного бюджетирования нам важны два признака: какая часть населения участвует в принятии решений; какой объем решений принимается населением. В открытых источниках отсутствуют необходимые показатели, но основываясь на доступных данных можно предложить рассмотреть следующие – доля инициативного бюджетирования в бюджете региона и бюджетная поддержка на одного человека (см. Таблица 1).

Сотрудничество частных компаний с органами власти на местах осуществляется в соответствии с Федеральным Законом

№ 224-ФЗ от 13.07.2015 года «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». В процессе такого взаимодействия происходит объединение рисков и учет интересов всех участников в процессе развития общественной инфраструктуры. Министерство экономического развития

РФ ведет учет результатов такого взаимодействия в соответствии с методикой расчета уровня развития сферы государственно-частного партнерства в субъекте Российской Федерации (приказ № 816 от 19.12.2019 г.). Открытые источники позволяют рассчитать уровень развития ГЧП на основании следующих показателей: доля инвестиций ГЧП в частных инвестициях в основной капитал; доля инвестиций ГЧП в бюджете региона (Таблица 1).

Таблица 1

Показатели уровня развития механизма взаимодействия

Table 1

Indicators of the level of development of the interaction mechanism

Механизмы/ Mechanisms	Доля субъектов, принимающих участие/ Share of entities participating	Доля объема решаемых субъектами вопросов/ The share of the volume of issues resolved by the subjects
Инициативное бюджетирование	Процент населения принимающих участие в решениях (показатель бюджетной поддержки на одного человека)	Процент принятых населением решений (доля средств на ИБ в субъекте РФ)
Государственно-частное партнерство	Процент частных организаций, разделяющих риски с государством (Доля инвестиций в ГЧП в инвестициях в основной капитал)	Процент инвестиций ГЧП в бюджете субъекта РФ (Доля в бюджете)
Добровольчество	Процент населения, являющегося волонтерами (Доля участников волонтерского движения в численности населения субъекта РФ)	Процент реализованных проектов в планах региона относительно социальных задач добровольчества (Отношение количества волонтерских проектов к численности населения субъекта РФ)

Агентство стратегических инициатив и Общественная палата РФ с 2016 года для решения проблем в таких социальных сферах, как образование, здравоохранение, культура, социальная поддержка и социальное обслуживание населения, физическая культура и спорт, охрана окружающей среды, предупреждение и ликвидация последствий чрезвычайных ситуаций разви-

вают механизм добровольчества, позволяющий гражданам безвозмездно участвовать в региональном развитии.

Оценка добровольчества осуществляется по показателю «Общая численность граждан, вовлеченных центрами (сообществами, объединениями) поддержки добровольчества (волонтерства) на базе образовательных организаций, некоммерческих

организаций, государственных и муниципальных учреждений в добровольческую (волонтерскую) деятельность на территории субъекта Российской Федерации», который берется из формы федерального статистического наблюдения «Сведения о сфере государственной молодежной политики», утвержденной приказом Федеральной службы государственной статистики от 2 декабря 2019 г. № 725.

Волонтерство осуществляется путем участия граждан в добровольческих инициативах, проектах. В открытом доступе есть информация о том, сколько проектов и какое количество участников в них по каждому региону. Идеальной характеристикой было бы количество вовлеченных в год добровольцев (но таких данных нет). Важно учесть, как количество волонтеров, так и инициатив, т.е. решенных проблем. Для оценки уровня развития добровольчества с учетом данных в открытом доступе выбраны следующие показатели: процент населения, являющегося волонтерами (доля участников волонтерского движения в численности населения субъекта РФ); процент реализованных проектов в планах региона относительно социальных задач добровольчества (отношение количества волонтерских проектов к численности населения субъекта РФ) (см. Таблица 1).

Ранее было обоснованно, что для оценки субъектности механизма взаимодействия необходимо иметь статистические показатели за пять лет. Данные по государственно-частному партнерству и инициативному бюджетированию еще не имеют столь длительной ретроспективы и это не позволяет проанализировать указанные механизмы. Добровольчество внедряется более долгий период и на его примере проиллюстрируем работу разработанного метода. Для этого проведен корреляционный анализ между динамикой формирова-

ния добровольчества и динамикой регионального развития, рассчитанных по формуле 4. Первый ряд мы получим, рассчитав уровень развития добровольчества (формула 1). А вот второй – требует дополнительного пояснения.

Динамику регионального развития необходимо рассчитывать на основании результатов по целевым показателям. С 2007 года в РФ ведется работа по оценке эффективности деятельности органов исполнительной власти регионов. Ее целью была заявлено определение успешности происходящих в субъектах РФ процессов. Утверждение перечня показателей является обязанностью Президента РФ. Этот процесс превратился в перманентный и почти каждые полтора года происходит изменение контролируемых переменных и способов организации этого процесса. Причина изменений обосновывается трансформацией стратегических целей, желанием сократить количество показателей, избегание одновременного использования разных систем оценки. Е. С. Каган и К. Э. Рыжих считают, что все это время наблюдается агрегирование показателей, но при этом снижается прозрачность оценки того, какие анализируемые данные влияют на региональное развитие (Каган, 2022).

За последние время целевые ориентиры менялись несколько раз. Так Указ Президента Российской Федерации от 16.01.2017 г. № 13, определяющий политику регионального развития, указывал на обеспечение устойчивого движения в социально-экономических сферах. В 2018 году в послании президента Федеральному собранию РФ В.В. Путин заявил о недостаточности для России просто модели устойчивого развития и необходимости прорывного подхода, позволяющего преодолеть технологическое отставание страны, чтобы снизить зависимость и повысить безопасность и возможности для развития⁶. На сегодняш-

⁶ Путин В. Послание Президента РФ Федеральному Собранию. – Президент России. Официальный сайт.

01.03.2018.

URL:

<http://www.kremlin.ru/events/president/news/56957>
(проверено 06.10.2018).

ний день перечень показателей регионального развития утвержден Указом Президента Российской Федерации от 4 февраля 2021 года № 68⁷.

Поскольку текущие показатели для мониторинга оценки эффективности деятельности субъектов Российской Федерации не имеют достаточно накопленных данных для наших целей (периода в пять лет), а в стратегии пространственного развития в качестве первого целевого показателя стоят среднегодовые темпы роста валового регионального продукта (ВРП) субъектов Российской Федерации, то в целях апробации разработанного метода возьмет для сравнения ВРП. Важность этого показателя подчеркивают авторы Атласа социокультурных портретов регионов РФ, указывая на то, что развитие региона обуславливает повышение валового регионального продукта (Атлас модернизации России, 2016). Данный показатель является общим и в первую очередь характеризует только социально-экономические аспекты региона, оставляя за рамками внимания социокультурную. Но разработка индикаторов регионального развития не относится к задачам данного исследования. Поэтому используем в данном случае ВРП для примера работы метода.

Валовый региональный продукт во многом зависит от внешней конъюнктуры и имеет тенденцию отражать более глобальные тенденции (замедляться и расти вместе с результатами страны). Чтобы избежать этого факта будем анализировать динамику доли ВРП субъекта РФ в ВВП по каждому году.

Эмпирической базой послужили статистические данные за период с 2017 по 2021 год о социально-экономическом положении субъектов РФ, собранные Росстатом, и волонтерском движении в регионах

РФ, представленные экосистемой IT-сервисов для развития созидательной гражданской активности Добро.Ру.

Поскольку существуют статистические данные для генеральной совокупности, то анализ проведен по 87 субъектам РФ. Значимая устойчивость тенденций к росту или уменьшению установлена для 46 регионов. Проведенный для них попарный анализ динамики развития ВРП и Добровольчества свидетельствует о том, что теснота корреляционной связи средняя (коэффициент корреляции Спирмена $\rho = -0,359$) при высоком уровне значимости ($t=0,014$). Отрицательная величина коэффициента корреляции свидетельствует о том, что тенденции Добровольчества и ВРП скорее стоит рассматривать, как разнонаправленные.

Статистическая значимость результатов корреляционного анализа рядов динамики волонтерского движения и валового регионального продукта не имеют сильной практической значимости относительно оценки субъектности, т.к. формирование механизма вовлечения в безвозмездное участие населения находится на начальном этапе: во-первых, количество волонтеров и реализуемых проектов мало, поэтому не может оказывать значительного влияния на результаты регионального развития; во-вторых, короткий временной ряд статистики не позволяет определить, что является причиной корреляционной связи.

Заключение (Conclusions). Институционально-регулятивные органы на региональном уровне уделяют значительное внимание формированию механизмов взаимодействия заинтересованных сторон, направленных на преодоление неравенства и вовлечение всех акторов в региональное развитие. Социолого-управленческий подход предполагает соотнесение ожиданий с

⁷ Указ Президента РФ от 4 февраля 2021 г. № 68 «Об оценке эффективности деятельности высших должностных лиц субъектов Российской Федерации и деятельности исполнительных органов субъектов Российской Федерации». URL:

<http://www.kremlin.ru/acts/bank/46402> (дата обращения: 16.08.2023).

результатом. Осуществляемый сегодня мониторинг внедряемых механизмов направлен на анализ масштабов их внедрения, принимая его априори, как полезный.

Оценку полезности внедряемых механизмов взаимодействия для регионального развития целесообразно проводить с использованием концепта «субъектность», описывающего деятельность характеристику группового субъекта, способного управлять взаимодействием участниками так, чтобы определять и формировать должное будущее.

Для проверки того, насколько создаваемые государственными органами механизмы взаимодействия заинтересованных в региональном развитии сторон способствуют формированию субъектности, автором разработан метод оценки влияния такого механизма на результаты регионального развития. В его основе лежит анализ корреляционной зависимости динамики равноотстоящих интервальных временных рядов. Уровни ряда, характеризующего формирование механизма взаимодействия находятся, как сумма относительных величин, отражающих количество участвующих субъектов и объем решаемых ими проблем.

Разработанный метод определяет, как статистическую взаимосвязь между формируемым механизмом и результатами регионального развития, так и причинно-следственные отношения между ними. Таким образом определение субъектности «социального тела», формируемого в процессе внедрения механизма взаимодействия позволяет оценить полезность такого механизма для регионального развития.

Проанализированы существующие в открытом доступе документы и статистические данные о таких механизмах взаимодействия, как государственно-частное партнерство, инициативное бюджетирование и добровольчество. Использование разработанного метода в рамках данной работы столкнулось с объективными трудностями, вызванными двумя факторами: формирование указанных трех механизмов

находится на начальной стадии; статистическая информация в открытом доступе имеет ограничения для разработки индикаторов, обеспечивающих надежность оценки. Для иллюстрации работы метода проведен корреляционный анализ рядов динамики волонтерского движения и валового регионального продукта.

Автор полагает, что внедрение механизмов взаимодействия участников регионального развития должно опираться на доказательные подходы, а не предположения и убеждения. Использование научно-обоснованных методов, опирающихся на накопленные знания и достоверные статистические данные, способствует принятию эффективных решений и повышению качества государственного управления в имеющихся институциональных условиях. Накопление первичных данных о процессе и результатах внедрения механизмов, направленных на повышение субъектности регионального развития, предоставит возможность не только эффективно применять разработанный метод в настоящее время, но и совершенствовать его.

Список литературы

Атлас модернизации России и ее регионов: социоэкономические и социокультурные тенденции и проблемы: коллективный научный труд / сост. и отв. ред. чл.-корр. РАН Н. И. Лапин. М.: Весь Мир, 2016. 360 с.

Глазунова В. В. Влияние государственно-частного партнерства на региональное развитие // Вестник Южно-Российского государственного технического университета (НПИ). Серия: Социально-экономические науки. 2023. Т. 16, № 1. С. 103-114. DOI: 10.17213/2075-2067-2023-1-103-114.

Демьяненко В. И. Сравнительный анализ понятия субъектности в контексте трех парадигм сложности социального управления // Личность. Культура. Общество. 2022 а. Т. 24, № 2 (114). С. 132-142.

Демьяненко В. И. Субъектность в решении проблем социально-экономического развития регионов РФ (по материалам дистанционного анализа открытых источников сети интер-

нет) // Научный результат. Социология и управление. 2022 г. Т. 8, № 4. С. 126-147. DOI: 10.18413/2408-9338-2022-8-4-1-1.

Дридзе Т. М. Две новые парадигмы для социального познания и социальной практики // Социальная коммуникация и социальное управление в экоантропоцентрической и семиосоциопсихологической парадигмах: В 2 кн. / РАН. Ин-т социологии. Центр соц. упр., коммуникации и соц.-проектных технологий; Отв. ред. Т.М. Дридзе. М.: Изд-во Ин-та социологии РАН. 2000. Кн. 1. С. 5-42.

Дридзе Т. М. Социальная коммуникация как текстовая деятельность в семиосоциопсихологии // Общественные науки и современность. 1999. С. 145-152

Елисеева И. И. Общая теория статистики: Учебник для студентов вузов, обучающихся по направлению и специальности «Статистика». М.: Финансы и статистика. 2002. 480 с.

Иванов О. В. Статистика // Учебный курс для социологов и менеджеров. Часть 1. Описательная статистика. Теоретико-вероятностные основания статистического вывода. М. 2005. 187 с.

Каган Е. С., Медянцева С. Г., Рыжих К. Э. Оценка эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2022. Т. 7, № 3(25). С. 315-322. DOI: 10.21603/2500-3372-2022-7-3-315-322.

Козлов А. И. Статистика: Учебное пособие. В 2 ч.: Ч. 1. Н.Новгород: НИМБ, 2002. 100 с.

Леньков Р. В., Богданов В. С. Проблемы «сборки» будущей российской интеллигенции как потенциала социокультурной модернизации: социолого-управленческий дискурс // Научный результат. Социология и управление. 2019. Т. 5, № 4. С. 163-175. DOI: 10.18413/2408-9338-2019-5-4-0-14

Леньков Р. В. Проблема целеполагания социокультурной модернизации российских регионов: закономерности, регуляторы, субъектность // Научный результат. Социология и управление. 2020. Т. 6. № 4. С. 42-54. DOI: 10.18413/2408-9338-2020-6-4-0-3

Лепский В. Е. Методологический и философский анализ развития проблематики управления. М.: Когито-Центр, 2019. 340 с.

Лешкевич Т. Г. «Глобальный модерн» и новое понимание субъектности // Век глобализации. 2017. № 3 (23). С. 31-42.

Мерзляков А. А. Субъектность регионов и ее значение для реформирования // Вестник Института социологии. 2018. № 25, С. 48-65.

Попов А. В. Региональный социум: субъектность как состояние самостоятельности региона / А. В. Попов // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2014. № 12-1. С. 194-198.

Россия: реформирование властно-управленческой вертикали в контексте проблем социокультурной модернизации регионов [монография] / отв. ред. А. В. Тихонов. М.: ФНИСЦ РАН, 2017. 432 с.

Теория статистики / В. Г. Минашкин, Р. А. Шмойлова, Н. А. Садовникова и др.; Под общей редакцией заведующего кафедрой Теории статистики и прогнозирования МЭСИ профессора Минашкина В. Г. Москва: Евразийский открытый институт, 2008. 296 с.

Тихонов А. В. Реформирование работы органов власти и управления как неотложная национальная проблема // Научный результат Социология и управление. 2017. Т. 3, № 4. С. 70-106.

Тихонов А. В. Социологические основы менеджмента в социальной сфере // Менеджмент и маркетинг в социальной сфере: учебное пособие / В. А. Абчук, Г. Е. Алпатов, И. М. Болотников [и др.]; Санкт-Петербург: ООО «Книжный дом», 2003. С. 95-110.

Тихонов А. В. Социология управления. Теоретические основы. М.: Канон +, 2009. 472 с.

Тихонов А. В. Философские проблемы социологии. Очерки. // Специальный выпуск «Основания социологии управления» Приложение к журналу «Философские науки» Сер. «Библиотечка молодого ученого» Тип: монография. 2013. 60 с.

References

Atlas of modernization of Russia and its regions: socio-economic and socio-cultural trends and issues: a collective scientific work (2016), in Lapin, N. I. (ed.), Ves Mir, Moscow, Russia. (In Russian)

Glazunova, V. V. (2023), "Influence of public-private partnership on regional development", *Bulletin of the South Russian State Technical University (NPI). Series: Social and economic sciences*, 16 (1), 103-114. DOI 10.17213/2075-2067-2023-1-103-114. (In Russian)

Demyanenko, V. I. (2022), "Comparative analysis of the concept of subjectness in the context of three paradigms of the complexity of social management", *Personality. Culture. Society*, 24 (2), 132-142. (In Russian)

Demyanenko, V. I. (2022), "Subjectivity in solving the problems of socio-economic development of the regions of the Russian Federation (based on remote analysis of open sources of the Internet)", *Research Result. Sociology and Management*, 8 (4), 126-147. DOI 10.18413/2408-9338-2022-8-4-1-1. (In Russian)

Dridze, T. M. (2000), "Two new paradigms for social cognition and social practice", *Social communication and social management in ecoanthropocentric and semiosociopsychological paradigms*: In 2 books, Publishing House of the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia. (In Russian)

Dridze, T.M. (1999), "Social communication as a textual activity in semiosocial psychology", *Social sciences and modernity*, 145-152. (In Russian)

Eliseeva, I. I. (2002), *General theory of statistics: A textbook for university students studying in the direction and specialty «Statistics»* [Общая теория статистики: Учебник для студентов вузов, обучаемых по направлению и специальности "Статистика"], Publishing House «Finance and Statistics», Moscow, Russia. (In Russian)

Ivanov, O. V. (2005), *Statistika / Uchebny kurs dlya sotsiologov i menedzherov. Chast 1. Opisatel'naya statistika. Teoretiko-veroyatnostnye osnovaniya statisticheskogo vyvoda* [Statistics. Training course for sociologists and managers. Part 1. Descriptive statistics. Theoretical and probabilistic foundations of statistical inference], Moscow, Russia. (In Russian)

Kagan, E. S. (2022), "Evaluation of the effectiveness of the executive authorities of the subjects of the Russian Federation", *Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, sociological and economic sciences*, 7 (3), 315-322. (In Russian)

Kozlov, A. I. (2002), *Statistika: Uchebnoe posobie* [Statistics: Textbook], 1, N. Novgorod, Russia. (In Russian)

Lenkov, R. V. & Bogdanov, V. S. (2019), "The problems of "assembly" of future Russian intellectuals as a potential of socio-cultural modernization: sociological and management discourse", *Research Result. Sociology and Management*,

5 (4), 163-175. DOI: 10.18413/2408-9338-2019-5-4-0-14. (In Russian)

Lenkov, R. V. (2020), "The problem of goal setting for sociocultural modernization of Russian regions: patterns, regulators, subjectivity", *Research Result. Sociology and Management*, 6 (4), 42-54. (In Russian)

Lepsky, V. E. (2019), *Metodologicheskii i filosofskii analiz razvitiya problematiki upravleniya* [Methodological and philosophical analysis of the development of management problems], Kogito-Center, Moscow, Russia. (In Russian)

Leshkevich, T. G. (2017), "Global modernity" and a new understanding of subjectivity", *Age of globalization*, (3), 31-42. (In Russian)

Merzlyakov, A. A. (2018), "Subjectivity of regions and its significance for reforming", *Vestnik Instituta sotsiologii*, 25, 48-65. (In Russian)

Popov, A. V. (2014), "Regional society: subjectivity as a state of independence of the region", *Humanitarian, socio-economic and social sciences*, (12-1), 194-198. (In Russian)

Russia: reforming the power-management vertical in the context of socio-cultural modernization of regions (2017), in Tikhonov, A. V. (ed.), FNISTS RAN publ., Moscow, Russia. (In Russian)

Theory of statistics (2008), Under the general editorship of the head of the Department of Theory of Statistics and Forecasting at MESI, Professor Minashkin V.G., Eurasian Open Institute, Moscow, Russia. (In Russian)

Tikhonov, A.V. (2017), "Reforming the work of authorities and administration as an urgent national problem", *Research Result. Sociology and Management*, 3 (4), 70-106. (In Russian)

Tikhonov, A. V. (2003), *Sotsiologicheskie osnovy menedzhmenta v sotsialnoy sfere* [Sociological foundations of management in the social sphere], Management and marketing in the social sphere: study guide / V. A. Abchuk, G. E. Alpatov, I. M. Bolotnikov [and others], Knizhny Dom LLC, St. Petersburg, Russia. (In Russian)

Tikhonov, A. (2009), *Sotsiologiya upravleniya. Teoreticheskie osnovy* [Sociology of management. Theoretical basis], Ka-non+, Moscow, Russia. (In Russian)

Tikhonov, A. V. (2013), *Filosofskie problemy sotsiologii. Ocherki* [Philosophical problems of sociology. Essays], Special issue "Foundations of the sociology of management" Supplement to the journal "Philosophical Sciences" Ser. Library of a young scientist. (In Russian)

*Статья поступила в редакцию 29 июня 2023 г.
Поступила после доработки 25 августа 2023 г.
Принята к печати 15 сентября 2023 г.
Received 29 June 2023. Revised 25 August 2023.
Accepted 15 September 2023.*

Конфликты интересов: у автора нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the author has no conflicts of interest to declare.

Демьяненко Василий Иванович, младший научный сотрудник Центра социологии управления и социальных технологий Института социологии ФНИСЦ РАН; старший преподаватель Государственного академического университета гуманитарных наук, Москва, Россия.

Vasiliy I. Demyanenko, Junior Researcher at the Center for Sociology of Management and Social Technologies of the Institute of Sociology FCTAS PAS; Senior Lecturer at the State Academic University for the Humanities, Moscow, Russia.

УДК 316.77

DOI: 10.18413/2408-9338-2023-9-3-1-0

Мерзляков А. А. | Моделирование регулирования региональных неравенств

Центр социологии управления и социальных технологий
Института социологии ФНИСЦ РАН
улица Большая Андроньевская, дом 5, строение 1, Москва, 109544, Россия
andrey243@rambler.ru

Аннотация. В статье предпринята попытка использования метода социального моделирования для изучения состояния регулирования региональных неравенств. Данная работа осуществляется в рамках комплексного исследования, посвященного социальному моделированию региональных неравенств и путей их преодоления в контексте межрегиональных и федеративных отношений. Работа носит поисковый характер и продиктована тем, что в ходе разработки государственных стратегий и механизмов, направленных на снижение межрегионального неравенства, как правило, лица, принимающие решения, фокусируются на поиске правовых и финансовых инструментов, зачастую обходя вниманием процессы регулирования социальных связей и взаимодействий, а также особенности работы системы управления в регионах. С нашей точки зрения, система управления регионом является как фактором межрегионального неравенства, так и предпосылкой для его снижения. В этой связи научная проблема состояла в использовании социогуманитарного (в частности, социолого-управленческого) знания и методов для оценки состояния механизма регулирования региональных неравенств, а также влияния на данный механизм системы управления. В качестве такого научно-исследовательского метода было использовано социальное моделирование. Разработана программа исследования, сформулированы методологические основания моделирования регулирования региональных неравенств. Эмпирической базой для моделирования послужили результаты социологических исследований, где был задействован целый комплекс социологических методов: массовый опрос населения, экспертный опрос, анализ документов, анализ статистических данных, контент-анализ сайтов органов власти. Результатом проделанной работы стала разработка нормативной модели. Раскрывается научное содержание модели, описаны ее основные элементы и их функциональные характеристики. Разработанная модель является моделью регулирования региональных неравенств управленческого типа и тесно связана с работой системы управления в регионе. Рассмотрены условия применения модели и разработан перечень показателей для оценки состояния управленческого регулирования региональных неравенств. Одной из преимуществ данной модели является ее практическая ориентированность и встраиваемость в процесс разработки и принятия управленческих решений.

Ключевые слова: социальное регулирование; система управления регионом; модель; система показателей; региональные неравенства

Информация для цитирования: Мерзляков А. А. Моделирование регулирования региональных неравенств // Научный результат. Социология и управление. 2023. Т. 9, № 3. С. 138-153. DOI: 10.18413/2408-9338-2023-9-3-1-0.

Original article

Andrey A. Merzlykov | Regional inequality management modelling

Institute of Sociology of FCTAS RAS
5/1 Bolshaya Andronievskaya St., Moscow, 109544, Russia
andrey243@rambler.ru

Abstract. The paper attempted to use the social modeling method to study the state of regulation of regional inequalities. This work is carried out as part of a comprehensive study on the social modeling of regional inequalities and ways to overcome them in the context of interregional and federal relations. The work is exploratory in nature and is dictated by the fact that in the course of developing government strategies and mechanisms aimed at reducing interregional inequality, as a rule, decision-makers focus on the search for legal and financial instruments, often bypassing the processes of regulating social ties and interactions, as well as the peculiarities of the management system in the regions. From our point of view, the regional management system is both a factor in interregional inequality and a prerequisite for its reduction. In this regard, the scientific problem consisted in the use of sociohumanitarian (sociological and managerial) knowledge and methods for assessing the state of the mechanism for regulating regional inequalities, as well as the impact on this mechanism of the management system. Social modeling was used as such a scientific research method. A research program has been developed, methodological grounds for modeling the regulation of regional inequalities have been formulated. The empirical basis for modeling was the results of sociological research, where a whole range of sociological methods was involved: mass polling of the population, expert polling, document analysis, analysis of statistical data, content analysis of government sites. The result of the work done was the development of a regulatory model. The scientific content of the model is disclosed, its main elements and their functional characteristics are described. The developed model is a model for regulating regional inequalities of the management type and is closely related to the work of the management system in the region. The conditions for applying the model were considered and a list of indicators was developed to assess the state of management regulation of regional inequalities. One of the advantages of this model is its practical orientation and integration into the process of developing and making management decisions.

Keywords: social regulation; region management system; model; scorecard; regional inequality

Information for citation: Merzlykov, A. A. (2023), "Regional inequality management modelling", *Research Result. Sociology and Management*, 9 (3), 138-153, DOI: 10.18413/2408-9338-2023-9-3-1-0.

Введение (Introduction). Проблема социального неравенства является, пожалуй, одной из наиболее актуальных проблем современного российского общества. В своем докладе на Вологодской конференции академик РАН М. К. Горшков, обозначая важные в современных условиях

направления социальных исследований, особо отмечает социальное неравенство как ключевой фактор, влияющий на состояние развитие всего общества, выделяя различные формы его проявления, такие как неравенство в доходах и образе жизни, доступу к жизненно важным социальным ресурсам,

особенностям проявления на региональном уровне. В этой связи становится важным акцентировать свое внимание на разработке научно обоснованных данных о механизмах, детерминирующих проявление и углубление неравенств (Горшков, 2022).

Отдельного рассмотрения заслуживает проблема неравномерного развития регионов, которые, как отмечал Н. И. Лапин, двигаются «с различными цивилизационными скоростями», что в конечном итоге приводит к многомерной межрегиональной дифференциации и усилению социально-экономического неравенства в развитии территорий. «Данные тенденции прослеживаются на различных территориальных уровнях: стран, регионов и муниципальных образований» (Новиков, 2013: 1). Это приводит к возрастанию рисков, стимулирующих углубление социальных неравенств и к усилению региональной дифференциации.

В чем заключаются истоки региональной дифференциации, каковы причины углубления социально-экономического неравенства регионов, а также какие возможности для преодоления неравенства регионов существуют? Н. В. Зубаревич, определяя глубинные причины региональной дифференциации, различает экономическое и социальное неравенство. К причинам появления экономических неравенств она относит процесс концентрации экономической деятельности на территориях, которые обладают преимуществами, позволяющими снижать издержки бизнеса, называя их факторами «первой природы». Основными причинами появления социальных неравенств являются «выращиваемые» преимущества территории (уровень развития человеческого капитала, лучшая институциональная среда и т.д.), которые она называет факторами «второй природы». Совершенствование факторов «второй природы» должно стать первоочередной задачей нашего государства (Зубаревич, 2008). А. А. Новиков, соглашаясь с такой постановкой проблемы, указывает, что факторы

«второй природы», должны рассматриваться в качестве барьеров развития регионов (Новиков, 2013: 7).

Разработка научно обоснованных механизмов, средств социально-экономического и политического характера, способствующих преодолению таких барьеров, становится одной из приоритетных задач в рамках снижения межрегионального неравенства. «Реализация политики... невозможна без научно обоснованной информации о том, какие социальные механизмы рождают тенденцию к углублению неравенства, и какие средства, включая средства политического и экономического характера, могут быть использованы для того, чтобы этому противодействовать» (Горшков, 2022: 24-25).

Акцентируя внимание на способах преодоления межрегионального неравенства, мы, в первую очередь говорим о механизмах и инструментах, направленных на повышение социально-экономического уровня развития регионов. В научных дискуссиях достаточно подробно описана проблема необходимости поиска адекватных текущим условиям механизмов для регулирования межрегионального неравенства. Некоторые авторы, исследуя возможные пути решения существующих проблем регионов, зачастую сводят такой поиск исключительно в плоскость экономических мер. Например, предлагается введение дифференцированной ставки налогообложения, разработки механизма получения налоговых льгот, дотаций для отстающих регионов (Каргополова, 2019; Анисимова 2017).

Другие авторы связывают регулирование проблемы межрегионального неравенства с разработкой эффективной государственной социальной политики, где основная роль отводится государству как ключевому регулятору. В качестве конкретных мер предлагается совершенствование нормативно-правовой базы, а также политико-правового инструментария, способного оказывать влияние на межрегиональ-

ное неравенство. Как правило, авторы в основе решения проблемы видят корректировку и совершенствование ключевых положений федеральных документов, таких как стратегия социально-экономического развития регионов (Карпова, 2018).

Не игнорируя значимость предлагаемых экономических и правовых мер для снижения межрегионального неравенства, мы останавливаем свое внимание на механизме социальной регуляции. Регион представляет собой сложную социальную систему, «пронизанную» разнообразными социальными связями и отношениями. При этом такие связи и отношения формируются как внутри самого региона, так и в ходе взаимодействия с федеральными властями и с другими регионами. Поддержка функционирования сложившихся связей и отношений на должном уровне, их постоянное развитие и совершенствование с целью решения поставленных перед регионом задач является предметом социального регулирования.

Проблема преодоления межрегионального неравенства нами рассматривается в рамках регулирования отношений с одной стороны, региональных органов власти и населения региона, с другой стороны, федерального центра и регионов. В этой связи решение существующих проблем и определение путей устойчивого развития регионов должно быть направлено в первую очередь на поиск адекватных управленческих механизмов. Разработка эффективных управленческих стратегий развития регионов с научно-обоснованным содержанием, по нашему мнению, будет содействовать ослаблению межрегионального неравенства. (Мерзляков, Богданов, 2022). Под управленческими механизмами мы понимаем «причинно-следственные и инструментальные регуляции отношений, действий и взаимодействий, характеризующих и определяющих состояние и качество функционирования сложившейся системы управления» (Тихонов, 2009: 14).

Выше сказанное подводит нас к мысли о том, что эффективность работы системы управления регионом является одним из ключевых факторов, оказывающих влияние на механизм социальной регуляции, на общее состояние социально-экономического развития региона. Сама система управления регионом, используемые методы и инструменты для регулирования отношений как внутри региона, так и при взаимодействии с федеральным центром могут быть существенным преимуществом одних регионов над другими.

Для исследования управленческих механизмов регулирования регионального неравенства требуется привлечение научного социогуманитарного, в том числе социолого-управленческого знания. Одним из способов научно-обоснованного подхода к исследованию особенностей регулирования региональных неравенств является моделирование управленческого механизма регулирования социальных связей и отношений в регионе и оценка влияния сложившейся системы управления на данный механизм регуляции.

Методология и методы (Methodology and methods). *Постановка проблемы, методология и программа исследования.* Социальное моделирование представляет собой направление научных исследований, ориентированное на изучение социальных объектов и явлений. Данный метод представляет собой конструирование объекта или явления при помощи его искусственного построения, выделение ключевых связей и показателей. Результатом моделирования становится модель, важной характеристикой которой является ее применимость в практической деятельности, реалистичность использования в управленческой практике.

В настоящее время в Институте социологии ФНИСЦ РАН реализуется комплексное исследование, посвященное социальному моделированию региональных неравенств и путей их преодоления в контексте межрегиональных и федеративных от-

ношений. В данном случае применение метода социального моделирования, направлено на разработку и обоснование модели или моделей, идентифицирующих реальные процессы или явления в определённом социальном пространстве, где ключевым аспектом такого моделирования становится социально-пространственная идентификация регионов (Маркин, 2015). Такая идентификация может быть исследована по различным основаниям (географическим, климатическим, производственным, экономическим, социальным, управленческим и др.). Данные основания в свою очередь становятся критериями для исследования региональных неравенств.

Важной частью моделирования регионального неравенства является разработка средств и способов снижения негативных последствий проявления социальных неравенств в регионах. Здесь мы говорим о необходимости конструирования механизма регулирования социального поведения и взаимодействия людей с целью упорядочивания их деятельности по выработке согласованных действий, направленных на преодоление, а в лучшем случае, профилактику проявления избыточности неравенств в регионе. В этой связи на первый план выходит моделирование процесса регулирования социального взаимодействия по выработке общей стратегии по преодолению неравенств, выявление и упреждение возможных барьеров, снижающих эффективность такого взаимодействия. Итогом социального моделирования становится разработка модели регулирования региональных неравенств.

Переходя к раскрытию возможностей такого моделирования, необходимо в первую очередь определиться с ключевыми понятиями, раскрыть их содержательный аспект. Под социальным регулированием в научной литературе в самом общем виде понимается упорядочивание общественных отношений. Такое упорядочивание несет целенаправленный характер и ориентировано либо на поддержание существующего социального порядка в виде устоявшейся

системы социальных отношений и взаимодействий, либо на ее поэтапное, дозированное изменение (Щербина, 2020). В нашем исследовании мы используем особый тип регуляции – управленческая регуляция. Под управленческой регуляцией мы понимаем «организационное воздействие, смысл которого – упорядочение, регулирование состояния объекта управления, а также создание предпосылок для его самоорганизации» (Тихонов, 2020: 75). Особенностью управленческого регулирования выступает его сознательный и целенаправленный характер, который ориентирован на изменение объекта управления для приведения его в должное состояние.

Основой социального моделирования становится проблемная ситуация, которая определяется на его начальном этапе. Проблемная ситуация заключается в том, что проводимые в последние десятилетия социально-экономические реформы не способствовали разработке и внедрению эффективных управленческих механизмов регулирования межрегионального неравенства (Шанин, 1990). Отсутствие таких механизмов в системе государственного управления привело к формированию неравных возможностей регионов. В этой связи одни регионы за счет обладания хорошим административным ресурсом, богатым сырьевым потенциалом, удачным местоположением с развитой транспортной инфраструктурой смогли обеспечить свое социально-экономическое развитие, другие регионы, лишённые каких-либо преимуществ, остались на прежних позициях или ухудшили свое положение. По нашему мнению, одним из способов выхода из сложившейся ситуации является повышение эффективности работы системы управления регионом.

Результаты проведенных Центром социологии управления и социальных технологий ФНИСЦ РАН исследований показывают высокую степень чувствительности населения в отношении деятельности региональных органов власти при оценке общего положения дел в регионе: в регионах

с более высокой оценкой социально-экономического развития работа властных структур всех уровней также оценивается лучше (Россия..., 2017; Реформирование...2021). Переводя представленные выводы в плоскость рассматриваемой нами проблемы региональных неравенств можно сделать предположение о том, что эффективность работы системы управления оказывает влияние на текущее положение дел в регионе, на качество принимаемых решений, связанных с достижением запланированных целей. В этой связи мы выдвигаем ещё одно предположение, что одним из ключевых условий для снижения межрегионального неравенства является повышение эффективности работы самой системы управления и ее отдельных звеньев в регионах.

В рамках поставленной проблематики объектом моделирования выступает регулирование взаимодействия субъектов регионального развития с целью решения актуальных социально значимых проблем в регионах, а предметом степень влияния системы управления региона на состояние такой регулируемости. Следует отметить, что решаемые в регионе социально-значимые проблемы (социальные неравенства) в свою очередь являются показателями для оценки состояния межрегионального неравенства. В этой связи основной целью моделирования становится разработка нормативной модели по совершенствованию управленческих механизмов, направленных на повышение эффективности регулирования социальных неравенств в регионах. Для достижения поставленной цели решались следующие исследовательские задачи: а) сконструировать механизм управленческого регулирования социальных неравенств в регионе и раскрыть его содержательные аспекты; б) определить характер влияния сложившейся системы управления на механизм регулирования социальных неравенств, а также оценить эффективность деятельности органов власти и управления

как ключевого регулятора социальных неравенств в регионе.

Для сбора эмпирических данных на основании методологии определения уровней социокультурной модернизации регионов было отобрано 12 регионов (субъектов РФ): по три региона для каждого из четырех уровней (высокий, средний, ниже среднего, низкий)¹. В ходе эмпирического исследования был задействован целый ряд методов по сбору и анализу эмпирических данных, которые в свою очередь стали основанием для разработки нормативной модели управленческого регулирования региональных неравенств. К таким методам можно отнести анализ данных статистики для оценки состояния социальных неравенств в регионах; анализ нормативно-правовых документов для анализа принятых федеральных и региональных стратегий по регулированию социальных неравенств в регионах; социологические опросы населения, нацеленные на оценку положения дел в регионах в различных сферах жизнедеятельности; экспертные опросы, фокусирующие внимание на оценке эффективности работы системы управления в регионах, контент-анализ текстов, размещенных на официальных сайтах региональных органов власти для определения перечня средств и инструментов, используемых органами власти с целью снижения социальных неравенств (Мерзляков, 2022; Богданов, Почестнев, 2022; Демьяненко, 2022; Савельев, 2022).

Научные результаты и дискуссия (Research Results and Discussion). Одной из задач социального моделирования является изучение общественных процессов и связано с конструированием механизмов, направленных на упорядочивание социальных связей и отношений. В нашем случае целью такого упорядочивания является решение актуальных проблем, направленных на снижение избыточности социальных неравенств в регионе. Такие проблемы носят разносторонний характер и ориентированы

¹ В основу методологии положена методика, разработанная в Центре изучения социокультурных изменений (ЦИСИ) Института философии РАН (Атлас,

2016). Более подробно о принципах отбора конкретных регионов для исследования см. (Реформирование...2021).

на обеспечение социального благополучия населения и повышение уровня социально-экономического развития региона. Это в первую очередь касается решения проблем безработицы, строительство жилья, работы системы здравоохранения и многое другое, что составляет основу системы жизнеобеспечения любого региона. Другими словами, мы моделируем не возможные пути решения существующих проблем в регионе, а организацию процесса для выработки эффективных решений. В этом проявляется особенность управленческого регулирования – это поиск оптимальных условий и механизмов для достижения поставленной цели – снижения избыточности социальных неравенств в регионе.

В рамках моделирования регулирования региональных неравенств необходимо в первую очередь дать описание основным характеристикам такой модели. В социальном исследовании используются различные виды моделирования: структурно-функциональное, концептуальное, имитационное (компьютерное) и другие. В нашем случае мы занимаемся концептуальным моделированием. Построение концептуальной модели связано с разделением образа изучаемого объекта на составные части (элементы) между которыми устанавливаются устойчивые связи (Радудова, 2015).

Еще один важный аспект моделирования связан с определением содержания и норм социального регулирования управленческого типа. Регион – сложная саморегулирующаяся и саморазвивающаяся система, состоящая из большого количества социальных связей различных социальных групп, организаций, институтов. Одни виды социальных взаимодействий носят стихийный характер, в других случаях регулирование нацелено на поддержание устоявшегося социального порядка, и наконец, еще один вид регуляции ориентирован на устойчивое развитие, которое предполагает определенное воздействие или влияние на объект с целью приведения его к заданной цели. (Щербина, 2020; Бандурин, 2004). Мы свое внимание останавливаем на

последних двух видах регулирования, напрямую относящихся к управленческому типу. Регулирование осуществляется посредством создания и использования регулятивных механизмов, состоящих из определенной совокупности норм и правил поведения. Относительно управленческого типа социальной регуляции – это такие нормы и правила, которые ориентированы на сознательное приведение объекта регулирования в запланированное состояние, характеризующееся сохранением его целостности и устойчивым развитием.

Создаваемая модель, представляет собой особый, управленческий тип регуляции. Она обладает следующими значимыми признаками, во-первых она носит целеориентированный характер, т.е. ориентирована на приведение объекта исследования к поставленной цели – снижение избыточности неравенств; во-вторых, используемые в модели механизмы регуляции носят институциональный характер, т.е. закреплены в определенных нормах и правилах социального поведения; в-третьих, такого рода регуляция, ориентирована на участие всех субъектов регионального развития (органов власти, различных целевых групп и т.п.).

Моделирование регулирования межрегионального неравенства требует уточнения видов неравенств, которые могут стать объектами регулирования. Для этого важно зафиксировать следующие принципиальные моменты. Не все виды региональных неравенств поддаются регулированию. Мы исключаем из данного перечня неравенства, т.н. первичной природы или нерукотворной среды. К ним относятся климатические, географические особенности регионов, наличие определенных природных ресурсов и т.д. Данные неравенства не поддаются регулированию, но являются детерминантами для появления и воспроизводства других видов региональных неравенств, таких как неравенства, относящиеся к характеристикам рукотворной природы (промышленные предприятия, инфраструктурные объекты и т.д.), социальных систем

(транспортная, экономическая системы, система здравоохранения и образования и т.д.), антропологическим характеристикам социальных групп (демографическая ситуация, материальное обеспечение, профессиональный состав населения и т.д.), культурным нормам и образцам поведения (накопленные знания, традиции и обычаи) (Шкаратан, 2009). В рамках нашего исследования, в поле зрения моделирования попадают неравенства, связанные с обеспечением социального благополучия населения регионов и устойчивым развитием территорий. Это, прежде всего, социально-экономические и социокультурные неравенства, т.е. такие неравенства, которые относятся к области социальных систем, антропологических характеристик социальных групп, а также норм и образцов поведения.

Моделирование предполагает создание модели, отражающей объект исследования в упрощенной форме, т.е. воссоздается структура исследовательского объекта. Однако создание такой структуры для конструирования и описания регуляции социального взаимодействия затруднительно, т.к. моделированию подвергается на социальное явление, а социальный процесс. Регулирование взаимодействия субъектов регионального развития представляет собой стихийно или сознательно организуемый процесс социальной деятельности, ориентированный на получение определённого результата или достижения постепенной цели. В нашем случае такой упрощенной формой модели становится теоретическая схема, состоящая из последовательно реализуемых элементов, скрепленных между собой причинно-следственными связями.

На рисунке представлена схема нормативной модели управленческого регулирования региональных неравенств. Струк-

турно данный теоретический конструкт состоит из отдельных элементов, связанных функциональными связями. Логика представленной модели основана на соединении механизма социального регулирования (управленческого типа) с региональной системой управления и направлена на организацию решения социально-экономических и социокультурных проблем, характеризующих социальные неравенства региона. Далее остановимся более подробно на каждом выделенном элементе представленной модели и определим их функциональные характеристики.

Первым элементом модели являются так называемые целевые ориентиры, которые разрабатываются на федеральном уровне и направлены на создание возможностей для выравнивания социально-экономических условий развития регионов по базовым показателям, например, по минимальной заработной плате, по определению жилой площади на 1 человека, по количеству врачей на 100 пациентов и т.д. Данные ориентиры становятся основой для выстраивания стратегий по преодолению межрегионального неравенства. Они закладываются в федеральную программу развития регионов в формате государственной социальной политики и утверждаются федеральными законодательными актами и подзаконными документами. В качестве основных принципов государственной социальной политики можно выделить соблюдение общественных интересов, экономический рост регионов, повышение благосостояния населения. Основная функция политики – это «контроль и регулирование с целью смягчения социального неравенства, поддержания баланса интересов, достижения общего консенсуса, стимулирования экономической активности различных групп населения» (Геймбихнер, 2022: 127).

Рисунок. Нормативная модель управленческого регулирования региональных неравенств
Figure. Normative model of management regulation of regional inequalities

Далее на основании разработанных целевых ориентиров региональные органы управления совместно с федеральными властями разрабатывают целевые показатели, которые регион планирует достичь за определённый временной период. Такие показатели оформляются в региональных базовых стратегических документах, таких как стратегия социально-экономического развития региона, стратегия научно-технологического развития региона и т.д. В данных документах прописываются не только сами показатели, но также основные меры и инструменты по их достижению, которые, как правило, носят нормативно-правовой и финансовый характер. Здесь необходимо организовать возможности для интеграции региональной и государственной социальной политики, с целью, с одной стороны, ослабления внутри регионального общественного напряжения, а с другой, сохранения

целостности государственного устройства. А. А. Новиков выделяет следующие ключевые приоритеты такой интеграции: «ускорение развития крупных городов, центров регионов и их агломераций; инфраструктурные инвестиции в территории; концентрация конкурентных преимуществ территорий; снижение экономического расстояния для бизнеса и большинства жителей страны; обеспечение нормального уровня жизни и увеличения доходов населения; развитие рынка труда и обеспечения занятости населения и социальной защиты; реализация принципов территориальной справедливости; устранение резкой социальной дифференциации населения». (Новиков, 2013: 8). Разработанные и утвержденные показатели социально-экономического развития в конечном итоге становятся ключевой целью, на достижение которой ориентирован регион.

После определения целевых показателей проводится работа по степени их актуализации в системе регионального планирования. Для этого целевые показатели сопоставляются с объективными и субъективными показателями, характеризующими текущее состояние развития региона. Объективные показатели – это показатели, определяющие состояние оцениваемого параметра на основе различных статистических индексов и определяющие глубину проблемной ситуации. Субъективные показатели – это показатели чувствительности населения региона в отношении рассматриваемого параметра, они фиксируются на основе социологических замеров. Данные показатели характеризуют остроту рассматриваемой проблемной ситуации. Содержанием сопоставительного анализа, как правило, становятся конкретные сферы жизнедеятельности региона – здравоохранение, рынок труда, жилье, дороги и т.д. и социальные институты, отвечающие за их функционирование. Как показали результаты нашего исследования, субъективные и объективные показатели не всегда сопоставимы и зачастую имеют разный уровень актуализации для органов власти и населения региона (Мерзляков, 2023).

Разработка целевых показателей и их сопоставление с субъективными и объективными показателями являются содержанием диагностики состояния социальных неравенств в регионе. Основная цель такой диагностики – определение социальных неравенств, характеризующихся высокой степенью избыточности для региона, для их последующего регулирования. Степень избыточности социальных неравенств должна определяться на основе принципов государственной стабильности и устойчивого экономического развития региона и учитывать его социокультурную специфику. Для этого предлагается воспользоваться следующими принципами.

1. Ориентация на модель управления институциональной стабильностью, достигаемой через этатизацию общества и соци-

ализацию государства в условиях экономического (технологического) роста. Это такая система отношений, которая нацелена на смягчение остроты противоречия между государством, проводящим политику экономического роста в РФ, и российским обществом, испытывающим тревогу в отношении существующего в стране и регионах социального неравенства (Левашев, 2019).

2. Сохранение социально-экономического неравенства как возможности для экономического роста в регионах РФ. Неравенство – это политика стимулирования экономического развития, это объективная закономерность экономической динамики, плюсы которой надо изучать, а влияние минусов смягчать. Надо принять как неизбежность тот факт, что переход к стимулированию экономического и технологического роста по определению порождает (не может не порождать) экономическое, а значит и социальное неравенство. «Важно, чтобы эти процессы оставались в центре внимания современной общественной науки, чтобы она осмысливала их последствия и предупреждала общество о тех угрозах, которые в них заключены» (Черныш, 2021: 15-16).

3. Учет неинституциональных форм социальной регуляции. Такие формы социальной регуляции вырабатываются в процессе совместной жизнедеятельности людей и формируются на основе культурных, личностных и социальных факторов. Общность, самостоятельно вырабатывает неинституциональные нормы в качестве субъекта социальной регуляции, и сама эти нормы реализует, но уже в качестве его объекта (Бандурин, 2004). Здесь важным становится соблюдение принципов «совместимости» и «непротиворечивости» с институциональными нормами, которые в свою очередь реализуются посредством четких инструкций и законов.

После составления перечня актуальных проблем, характеризующихся высокой степенью избыточности, происходит выработка мер, направленных на снижение такой избыточности. Механизм социальной

регуляции характеризуется сложными системными свойствами. Как и во всех сложных системах, к которым в полной мере можно отнести регион, в нем сочетаются механизмы регуляции (основанные на внешне заданных нормах) и саморегуляции (базирующиеся на нормах, вырабатываемых и реализуемых самой системой). Однако в механизме социальной регуляции, присутствует механизм, оказывающей доминирующее регулирующее действие. Его можно определить, как центральный механизм социальной регуляции, который «означает способ направления и координации социальных действий в процессе достижения социальных целей» (Бандурин, 2004: 21). Для социальной регуляции управленческого типа таким центральным механизмом выступает процесс принятия управленческих решений, включающий в себя весь управленческий цикл – от разработки до контроля исполнения принятых решений. Данный механизм регуляции носит институциональный характер и становится базовым, доминирующим механизмом, направленным на снижение избыточности социальных неравенств в регионе.

Структурно процесс принятия управленческих решений можно представить в виде отдельных взаимосвязанных этапов – планирования, утверждения решения, реализации и контроля. Однако на каждом из представленных этапов могут возникать определенные трудности с исполнением запланированных мер по снижению избыточности социальных неравенств, что может вести к деформации механизма регулирования и снижению эффективности принятого управленческого решения. По результатам экспертного опроса к таким типам барьеров относятся административные, социально-политические, социально-организационные, инвестиционно-финансовые, инфраструктурные, барьеры поддержки инициатив, социально-коммуникативные, межэтнические (Богданов, Почестнев, 2022).

По итогам принятых мер, направленных на снижение актуализированных нера-

венств, проводится сопоставление полученных результатов с целевыми показателями. Определение степени отклонения от целевых показателей и будет выступать мерой оценки эффективности принятых мер. В дальнейшем достигнутые результаты, а также перечень трудностей (барьеров), препятствовавших их эффективному выполнению, передаются в федеральные органы власти для итогового анализа и последующей корректировки целевых ориентиров. Итоговый системный анализ результатов, полученных из регионов РФ, является основанием для проведения межрегионального сравнительного анализа. По результатам такого анализа происходит обновление целевых ориентиров, разработка новых или корректировка старых механизмов и мер по достижению запланированных результатов. Данная работа завершается внесением изменений в государственную социальную политику и проектированием новых целевых ориентиров, которые становятся основанием для выработки новых целевых показателей для регионов и определением ключевых инструментов по их достижению.

Выше была представлена схема нормативной модели управленческого регулирования региональных неравенств. Однако следует отметить, общественные процессы носят изменчивый характер и во многом зависят от особенностей ситуаций, в которых они себя проявляют, и детерминированы субъективной волей людей. Реализация представленной нормативной модели требует соблюдения определённых условий, касающейся требований к работе системы управления в регионе.

Это в первую очередь относится к нормам функционирования системы управления и тех ролей, которые выполняют участники регионального развития. Управленческие отношения внутри системы управления регионом воспринимаются через призму социальных ролей, которые реализуют органы власти и различные группы населения в процесс регионального управления. Как отмечает А. А. Почестнев, управленческие отношения формируются с

одной стороны властями с целью эффективного воздействия на социальную реальность, а с другой, формируются объективным образом, как продукт отношений и зависимости субъектов управления. В этой связи важно зафиксировать, какие нормы управленческого регулирования преобладают в регионе. Это относится к способности региона создавать собственные стратегии развития, учитывая специфику внутренних потребностей; уровень допуска различных групп населения к процедуре обсуждения и разработки стратегических решений; степень согласованности интересов участников принятия решений; уровнем общественной активности; способностью властей искать новые подходы, инструменты развития, новые технологии управления; прозрачностью принимаемых и выполняемых решений; гуманистической направленностью деятельности органов власти и управления. Данные условия могут непосредственным образом оказывать влияние на функционирование механизма регулирования социальными неравенствами. Вышеуказанные возможности поддаются социологическому измерению и становятся показателями по оценке состояния развития системы управления регионом.

Важным условием высокой результативности работы системы управления является создание возможностей для совместного взаимодействия органов власти с другими субъектами регионального развития, а также разработка механизмов такого взаимодействия. Это определяет качество принимаемых решений. Степень развитости таких возможностей, по мнению В. И. Демьяненко, позволяет измерять субъектность регионального развития, которая интерпретируется им как «способность справляться с возникающими трудностями на пути реализации стратегии с помощью развития межсубъектных отношений» (Демьяненко, 2022: 129). Такая субъектность, по мнению автора, определяется развитостью механизма взаимодействия с целью консолида-

ции усилий всех заинтересованных субъектов регионального развития. Высокий уровень развитости субъектности способствует повышению вероятности достижения желаемых результатов. Оценка такого механизма взаимодействия осуществляется посредством определения возможностей и условий для вовлечения в решение проблемы, определением состава субъектов решения, формами такого вовлечения, оценкой качества взаимодействия, когда субъекты из отдельных участников превращаются в коллективный орган принятия решений. Все эти показатели также поддаются социологическому измерению и последующему анализу (Демьяненко, 2022).

Еще одним важным условием эффективности работы системы управления выступает способность региональных органов власти и управления решать проблемы, характеризующиеся высокой степенью чувствительности со стороны населения. Региональные органы власти и управления являются ключевым звеном, регулирующим процесс принятия решений и принимающим на себя ответственность за организацию взаимодействия субъектов регионального развития с целью ослабления социальных неравенств в регионе. Как показали наши исследования выявлена сильная взаимосвязь между общественными оценками способности региональных властей решать существующие проблемы и общей оценкой положения дел в регионе. Это говорит о высокой значимости в общественном сознании роли органов власти в решении актуальных социально значимых проблем региона (Мерзляков, 2022).

В этой связи требуется выявить и оценить перечень инструментов, ресурсов, используемых региональными властями для регулирования неравенств, вызывающих высокую степень обеспокоенности населения. Это касается системы информирования о реализуемых в регионе стратегических программах и мероприятиях по их реализации; организации обратной связи с населением по поводу функционирования

ключевых сфер жизнедеятельности региона; практик взаимодействия власти и населения. В последнем случае это могут быть как различные интерактивные площадки (конференции, совещания, встречи), так и общественные собрания, и слушания по актуальным проблемам и т.п. В рамках нашего исследования данная задача решалась в ходе контент-анализа официальных сайтов исполнительных органов власти регионов (Савельев, 2022). Результаты показали, что органы власти используют простые формы взаимодействия с населением: прием обращений, подача жалоб и размещение открытых данных. Сам официальный сайт как перспективный ресурс для организации обратной связи с населением и создания коммуникативных площадок, для активного общения используется властями крайне редко. Анализ степени развитости инструментов, используемых органами власти для поддержания обратной связи с населением, позволяет оценить способность региональных властей контролировать механизм регулирования социальных неравенств и осуществлять профилактические мероприятия по предотвращению социальной напряженности и эскалации конфликтных ситуаций.

Заключение (Conclusions). Результаты нашего исследования показывают, что регулирование региональных неравенств – это сложный социокультурный процесс, требующий учета множества факторов. Предложенная модель направлена на конструирование процесса социального регулирования полного цикла: от разработки целевых показателей и их соотнесения с целевыми ориентирами, до оценки эффективности принятых мер по снижению социальных неравенств в регионе и корректировки планов по дальнейшей работе. Использование данной модели позволит, в конечном итоге, во-первых, сопоставлять результаты работы регионов по снижению социальных неравенств, во-вторых, разрабатывать дополнительные меры по совершенствованию государственной социальной поли-

тики в отношении межрегионального неравенства, в-третьих, оказывать помощь в планировании и утверждении целевых показателей социально-экономического развития региона в краткосрочной и среднесрочной перспективе.

Включение социогуманитарного знания в процесс регулирования региональными неравенствами, несомненно, делает данную модель более жизнеспособной и реалистичной. Использование наряду со статистической информацией данных социологических исследований позволяет поставить полноценный диагноз состоянию социальных неравенств в регионе, определить степень их избыточности и стать основой для выстраивания стратегии разработки комплекса мер по их снижению.

Несомненным преимуществом данной модели является то, что она гармонично встраивается в управленческий цикл, в существующую систему принятия решений, начиная с этапа планирования и заканчивая оценкой проделанной работы по выполнению мер, направленных на снижение социальных неравенств в регионе.

Важной особенностью данной модели выступает то, что в ней учитывается эффективность работы системы управления. Данная модель ориентирована на выстраивание социальных отношений и взаимодействий субъектов регионального развития с целью решения существующих проблем в регионе, снижение избыточности социальных неравенств. Сама система управления выступает как один из факторов, детерминирующих региональные неравенства. Высокий уровень эффективности работы системы управления может стать серьезным преимуществом для региона при решении задач любой сложности и социальной направленности.

Модель предусматривает социологическое измерение характера функционирования системы управления в регионе, которое является условием реализации данной модели. Научным коллективом Центра социологии управления и социальных техно-

логий ИС ФНИСЦ РАН разработан комплекс социологических показателей, направленных на оценку и анализ эффективности работы системы управления, включая используемые нормы, формы и инструменты взаимодействия с населением.

Мы надеемся, что практическое применение модели регулирования региональных неравенств наряду с применением финансовых, правовых, экономических и других мер, направленных на снижение межрегионального неравенства, будет способствовать устойчивому социально-экономическому развитию регионов и страны в целом.

Список литературы

Анисимова Г. В. Социально-экономическое неравенство и перспективы инновационного развития российской экономики // РОС-СИЯ: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. 2017. Выпуск 12(2). С.552-559.

Атлас модернизации России и её регионов: социоэкономические и социокультурные тенденции и проблемы: монография / Сост. отв. ред. Н. И. Лапин. М.: Весь Мир, 2016. 360 с.

Бандурин А. П. Социальная регуляция как объект социально-философского исследования // Известия Вузов. Северо-кавказский регион. Общественные науки. 2004. № 3. С. 19-22.

Богданов В. С., Почестнев А. А. Методология установления управленческих барьеров в реализации политики смягчения неравенств регионов // Научный результат. Социология и управление. 2022. Т. 8, № 4. С. 102-116.

Геймбихнер В. Р. Модель неравенства потребительских расходов различных категорий населения Российской Федерации // Умная цифровая экономика. 2022. № 2. С. 122-129.

Горшков М. К. Социальная наука и социальная практика: запрос на активное взаимодействие // Россия реформирующаяся: ежегодник: вып. 20 / Отв. ред. М. К. Горшков; ФНИСЦ РАН. М.: Новый Хронограф, 2022. С. 21-46.

Демьяненко В. И. Субъектность в решении проблем социально-экономического развития регионов РФ (по материалам дистанционного анализа открытых источников сети интернет) // Научный результат. Социология и управление. 2022. Т. 8, № 4. С. 126-147.

Зубаревич Н. В. Социально-экономическое развитие регионов: мифы и реалии выравнивания // Журнал «SPERO». 2008. № 9. С. 7-22.

Каргополова Е. В., Арясова А. Ю. Прогрессивный налог как механизм регуляции социального неравенства в оценках населения // Вестник Сургутского государственного педагогического университета, № 2 (59). 2019. С.212-218.

Карпова А. В. Государственно-правовой механизм регулирования социального неравенства: «культура неравенства» и политика / Социальное неравенство современности: новая реальность научного осмысления. Материалы VI Международной научной конференции. Ответственный редактор С. Г. Ивченков. 2018, С.211-214.

Левашев В. К. Доклад. Учёные записки ФНИСЦ РАН / Отв. ред. М.К. Горшков. Выпуск 6. Социально-политическая устойчивость общества. М.: ФНИСЦ РАН, 2019. С.7-17.

Маркин В. В. Региональное развитие Юга России: проблемы многомерной идентификации и моделирования // Гуманитарий Юга России. 2015. Т. 0. № 4. С. 123-133.

Мерзляков А. А., Богданов В. С. Об исследовании социолого-управленческих аспектов регулирования социальных неравенств в регионах России // Вестник Института социологии. 2022. Том 13, № 4. С. 130-143.

Мерзляков А. А. Система управления как фактор межрегионального неравенства // Государственная служба. 2022. Т. 24, № 6. С. 56-63.

Мерзляков А. А. Компаративный анализ объективных и субъективных показателей по оценке состояния социальных неравенств в регионах // Социологическая наука и социальная практика. 2023. Т. 11, № 3. (находится в печати).

Новиков А. А. Региональное неравенство в социально-экономическом развитии России // Интернет-журнал НАУКОВЕДЕНИЕ. 2013. 1(14). С.1-9.

Реформирование властно-управленческой вертикали в условиях реализации национальных проектов и активизации процессов спонтанного группообразования: монография / Отв. ред. А.В. Тихонов; А.А. Мерзляков. ФНИСЦ РАН. М.: ФНИСЦ РАН, 2021. 455 с.

Родюкова Т. Н. Специфика использования социального моделирования в управлении // Новый взгляд. Международный научный вестник. 2015. № 8. С. 154-163.

Россия: реформирование властно-управленческой вертикали в контексте проблем социокультурной модернизации регионов / Отв.

ред. А.В. Тихонов. М.: ФНИСЦ РАН, 2017. 432 с.

Савельев И. А. Организационно-управленческие условия реализации стратегических документов в контексте социально-экономических и социокультурных различий регионов // Научный результат. Социология и управление. 2022. Т. 8, № 4. С. 159-171.

Тихонов А. В. От социологии менеджмента к социологии управления как научно-исследовательской программе // Социология власти. 2009. №7. С 7-16.

Тихонов А. В., Богданов В. С. От «умного регулирования» к «умному управлению»: социальная проблема цифровизации обратных связей // Социологические исследования. 2020. № 1. С. 74-81.

Черныш М. Ф. Цифровизация и неравенство // ИНАБ. 2021. № 4. Структурные аспекты цифровизации. С. 4-16.

Шанин Т. Западный опыт и опасность «сталинизм» наоборот // Коммунист. 1990. № 1. С 65-67.

Шкаратан О. И. Социально-экономическое неравенство и его воспроизводство в современной России. М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2009. 560 с.

Щербина В. В. Социология управления как специальная социолого-регулятивная теория: генезис, рост, перспективы // Социологические исследования. 2020. № 5. С. 56-66.

References

Anisimova, G. V. (2017), "Socio-economic inequality and prospects for innovative development of the Russian economy", *RUSSIA: trends and prospects for development. Yearbook*, 12(2), 552-559. (In Russian)

Atlas modernizatsii Rossii i eyo regionov: sotsioekonomicheskie i sotsiokulturnye tendentsii i problemy: monografiya [Atlas of Russian modernization and its regions: socio-economic and socio-cultural trends and problems: monograph], (2016), Ed. N. I. Lapin, Ves Mir, Moscow, Russia. (In Russian)

Bandurin, A. P. (2004), "Social regulation as an object of socio-philosophical research", *Izvestia Universities. North Caucasus region. Social Sciences*, (3), 19-22. (In Russian)

Bogdanov, V. S., Pochestnev, A. A. (2022), "Methodology for establishing management barriers in the implementation of regional inequality mitigation policy", *Research Result. Sociology and Management*, 8(4), 102-116. (In Russian)

Gamebichner, V. R. (2022), "Model of inequality in consumer spending of various categories of the population of the Russian Federation", *Smart digital economy*, (2), 122-129. (In Russian)

Gorshkov, M. K. (2022), "Social science and social practice: a request for active interaction", *Rossiia reformiruyushchayasya: ezhegodnik: vyp. 20* [Reforming Russia: yearbook: issue 20], Ed. M. K. Gorshkov, New Chronograph, Moscow, Russia, 21-46. (In Russian)

Demyanenko, V. I. (2022), "Subjectivity in solving the problems of socio-economic development of the regions of the Russian Federation (based on the materials of remote analysis of open sources of the Internet)", *Research Result. Sociology and Management*, 8(4), 126-147. (In Russian)

Zubarevich, N. V. (2008), "Socio-economic development of regions: myths and realities of alignment", *SPERO Journal*, (9), 7-22. (In Russian)

Kargopolova, E. V., Aryasova, A. Yu. (2019), "Progressive tax as a mechanism for regulating social inequality in population estimates", *Bulletin of Surgut State Pedagogical University*, 2(59), 212-218. (In Russian)

Karpova, A. V. (2018), State-legal mechanism for regulating social inequality: "culture of inequality" and politics. *Sotsialnoe neravenstvo sovremennosti: novaya realnost nauchnogo osmysleniya. Materialy VI Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii*. [Social inequality of our time: a new reality of scientific understanding. Proceedings of the VI International Scientific Conference], Ed. S. G. Ivchenkov, Moscow, Russia, 211-214. (In Russian)

Levashev, V. K. (2019), Report. *Uchyonye zapiski FNISSC RAN. Vypusk 6. Sotsialno-politicheskaya ustoychivost obshchestva*. [Scientific notes of the Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences. Issue 6. Socio-political sustainability of society], Ed. M.K. Gorshkov, FNISSC RAN publ., Moscow, Russia, 7-17. (In Russian)

Markin, V. V. (2015), "Regional development of the South of Russia: problems of multidimensional identification and modeling", *Gumaniy YUga Rossii*, (4), 123-133. (In Russian)

Merzlyakov, A. A., Bogdanov, V. S. (2022), "On the study of the sociological and managerial aspects of regulating social inequalities in the regions of Russia", *Bulletin of the Institute of Sociology*, 13(4), 130-143. (In Russian)

Merzlyakov, A. A. (2022), "Management system as a factor of interregional inequality", *Public Service*, 24(6), 56-63. (In Russian)

Merzlyakov, A. A. (2023), "Comparative analysis of objective and subjective indicators to assess the state of social inequalities in the regions", *Sociological science and social practice*, 11(3), (in print). (In Russian)

Novikov, A. A. (2013), "Regional inequality in the socio-economic development of Russia", *Online journal SCIENCE*, 1(14), 1-9. (In Russian)

Reformirovanie vlastno-upravlencheskoy vertikali v usloviyah realizatsii natsionalnykh projektov i aktivizatsii protsessov spontannogo gruppobrazovaniya: monografiya. [Reforming the power and management vertical in the context of the implementation of national projects and the activation of spontaneous grouping processes: monograph], (2021), Ed. A. V. Tikhonov, A. A. Merzlyakov, FNISTS RAN publ., Moscow, Russia. (In Russian)

Rodyukova, T. N. (2015), "Specifics of the use of social modeling in management", *New look. International Scientific Bulletin*, (8), 154-163. (In Russian)

Rossiya: reformirovanie vlastno-upravlencheskoy vertikali v kontekste problem sotsiokulturnoy modernizatsii regionov [Russia: reforming the power-management vertical in the context of sociocultural modernization of the regions], (2017), Ed. Tikhonov A.V. FNISTS RAN publ., Moscow, Russia. (In Russian)

Savelyev, I. A. (2022), "Organizational and management conditions for the implementation of strategic documents in the context of socio-economic and socio-cultural differences in the regions", *Research Result. Sociology and Management*, 8(4), 159-171. (In Russian)

Tikhonov, A. V. (2009), "From the sociology of management to the sociology of administration as a research program", *Sociology of Power*, (7), 7-16. (In Russian)

Tikhonov, A. V., Bogdanov, V. S. (2020), "From "smart regulation" to "smart management": the social problem of digitalization of feedbacks", *Sociological research*, 1, 74-81. (In Russian)

Chernysh, M. F. (2021), "Digitalization and Inequality", *INAB «Structural aspects of digitalization»*, (4), 4-16. (In Russian)

Shanin, T. (1990), "Western experience and danger of "Stalinism" on the contrary", *Communist*, (1), 65-67. (In Russian)

Shkaratan, O. I. (2009), *Sotsialno-ekonomicheskoe neravenstvo i ego vosпроизводство v sovremennoy Rossii* [Socio-economic inequality and its reproduction in modern Russia], OLMA Media Group, Moscow, Russia. (In Russian)

Shcherbina, V. V. (2020), "Sociology of management as a special sociological and regulatory theory: genesis, growth, prospects", *Sociological Research*, (5), 56-66. (In Russian)

Статья поступила в редакцию 26 августа 2023 г. Поступила после доработки 05 сентября 2023 г. Принята к печати 15 сентября 2023 г. Received 26 August 2023. Revised 05 August 2023. Accepted 15 September 2023.

Конфликты интересов: у автора нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the author has no conflicts of interest to declare.

Мерзляков Андрей Александрович, кандидат социологических наук, руководитель Центра социологии управления и социальных технологий, Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Andrey A. Merzlykov, Candidate of Sociology, Head of the Center for the Sociology of Management and Social Technologies, Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia.

УДК 316.44

DOI: 10.18413/2408-9338-2023-9-3-1-1

Петровская Ю. А.

**Информатизация социальной работы:
анализ практики в Республике Карелия**

ФГБОУ ВО «Петрозаводский государственный университет»
проспект Ленина, дом 33, Петрозаводск, 185910, Россия
yulia_petrovskaya85@mail.ru

Аннотация. В статье представлены результаты авторского анализа практик информатизации социальной работы на примере Республики Карелия. Актуальность темы определяется повышенным вниманием государства к процессам цифровизации и объективной необходимостью информатизации большинства сфер общественной жизни, особенно в пандемийный и постпандемийный периоды. Социальную проблему исследования составляют организационные и технические противоречия, затрудняющие процесс информатизации социальной работы. Информационные технологии и электронный документооборот, внедряемые в практику социальной работы, в данный момент представляют собой дополнительную нагрузку для специалистов ввиду сохранения параллельного бумажного документооборота. Кроме того, сами программные комплексы и информационные ресурсы, используемые в системе социальных учреждений, не всегда совершенны и просты в использовании рядовыми специалистами по социальной работе и социальными работниками. Научная проблема состоит в том, что несмотря на стремительное развитие информационных технологий, в научной литературе неоправданно мало внимания уделяется процессу информатизации социальной работы. Представленные научные работы содержат, в основном, теоретический анализ данной проблематики и не обращаются к эмпирическим исследованиям. В Карелии подобных исследований ранее не проводилось. Методы исследования: анализ документов и научной литературы; полуструктурированное интервью; анкетирование. В результате исследования дана характеристика информационным технологиям, наиболее часто используемым в практике социальной работы, определены проблемы использования и возможности совершенствования информационных технологий в социальной работе. Мы приходим к выводу о том, что на современном этапе главная цель внедрения информационных технологий в практику социальной работы (оптимизация и упрощение деятельности социальных учреждений, повышение доступности социальных услуг для граждан) не достигнута. Только системная работа с выделенными автором группами факторов позволит достичь этой цели.

Ключевые слова: социальная работа; социальная сфера; социальное обслуживание; информатизация; информационные технологии; цифровизация; инновационные технологии

Благодарность: Автор выражает благодарность выпускнику Петрозаводского государственного университета Метла Роману Сергеевичу, оказавшим содействие в сборе эмпирических данных в рамках исследования.

Информация для цитирования: Петровская Ю. А. Информатизация социальной работы: анализ практики в Республике Карелия // Научный результат. Социология и управление. 2023. Т. 9, № 3. С. 154-167. DOI: 10.18413/2408-9338-2023-9-3-1-1.

Research article

Yuliya A. Petrovskaya

**Informatization of social work: analysis of practice
in the Republic of Karelia**

Petrozavodsk State University
33 Lenin Ave., Petrozavodsk, 185910, Russia
yulia_petrovskaya85@mail.ru

Abstract. The article presents the results of the author's analysis of the practices of informatization of social work on the example of the Republic of Karelia. The relevance of the topic is determined by the increased attention of the state to the processes of digitalization and the objective need for informatization of most spheres of public life, especially in the pandemic and post-pandemic periods. The social problem of the study consists of organizational and technical contradictions that complicate the process of informatization of social work. Information technologies and electronic document management, introduced into the practice of social work, currently represent an additional burden for specialists due to the preservation of parallel paper document management. The software and information resources used in the system of social institutions themselves are not always perfect and easy to use by ordinary social work specialists and social workers. The scientific problem is that despite the rapid development of information technologies, the scientific literature pays unjustifiably little attention to the process of informatization of social work. The presented scientific papers contain mainly a theoretical analysis of this problem and do not refer to empirical research. No similar studies have been conducted in Karelia before. Research methods: analysis of documents and scientific literature; semi-structured interview; questionnaire. As a result of the research, the characteristic of information technologies is given, which are most often used in the practice of social work, the problems of using and opportunities for improving information technologies in social work are identified. We come to the conclusion that at the present stage, the main goal of introducing information technologies into the practice of social work (optimization and simplification of the activities of social institutions, increasing the availability of social services for citizens) has not been achieved. Only systematic work with the groups of factors identified by the author will achieve this goal.

Keywords: social work; social sphere; social services; informatization; information technologies; digitalization; innovative technologies

Acknowledgment: The author expresses gratitude to Roman Sergeevich Metla, a graduate of Petrozavodsk State University, who helped to collect empirical data in the framework of the study.

Information for citation: Petrovskaya, Yu. A. (2023), "Informatization of social work: analysis of practice in the Republic of Karelia", *Research Result. Sociology and Management*, 9 (3), 154-167, DOI: 10.18413/2408-9338-2023-9-3-1-1.

Введение (Introduction). *Актуальность.* В настоящее время тема информатизации различных сфер общественной жизни приобретает всё большую актуальность и востребованность, особенно с 2020 года. Ограничения, связанные с пандемией коронавирусной инфекции, стали своего рода катализатором процессов цифровизации и информатизации, которые неизбежно охватили практически все сферы жизнедеятельности человека: здравоохранение, образование, политика, религия, культура, социальная защита и другие (Кострова, 2019: 304). В сложившихся обстоятельствах цифровизация стала естественным следствием событий, побуждающих осуществлять взаимодействие населения с различными социальными институтами в удалённом режиме, осуществлять оперативный обмен информацией, находить наиболее приемлемые формы коммуникации.

Информационные технологии предназначены для того, чтобы стать инструментом, обеспечивающим доступность и удобство в получении мер социальной поддержки и социального обслуживания, упрощать работу специалистов социальной сферы. В то же время предварительный анализ практики показывает, что зачастую информационные технологии не только не упрощают деятельность специалистов по социальной работе, но и становятся дополнительной нагрузкой. Получатели мер социальной поддержки и социальных услуг в разной степени владеют информационными технологиями, проявляют разные установки в отношении удаленных форм помощи, обладают разными техническими возможностями. Сама по себе социальная сфера не изобилует цифровыми возможностями, поскольку основана, во многом, на прямом контакте с людьми. С. Е. Гасумова обращает внимание на отставание российской сферы социальной защиты населения в использовании информационных технологий по сравнению со странами-лидерами

в области информатизации социальной сферы (Гасумова, 2011).

Тема исследования малоизучена и слабо представлена в научных источниках. Анализ практического применения информационных технологий в социальной работе в научной литературе тоже представлен слабо. Все эти размышления и вызывают интерес к изучаемой теме.

Информатизация понимается нами как комплекс явлений и процессов, направленных на сбор, хранение, обработку и передачу информации с использованием современных средств компьютерной техники, информационных технологий и соответствующего программного обеспечения.

Социальная сфера гибко реагирует на развитие и распространение информационных технологий, которые становятся все более доступными для населения и открывают новые возможности для социальной практики. Появляется больше возможностей предоставления населению информационных услуг, оперативного размещения актуальной информации, автоматизации действий и операций в процессе предоставления социальных услуг. Активно используются программные комплексы, позволяющие создать единое информационное пространство в сфере социальной защиты и социального обслуживания, обеспечить электронное взаимодействие с гражданами, а также организаций социальной защиты и социального обслуживания между собой. Например, в Республике Карелия, как и в двенадцати других пилотных регионах, используется программный комплекс «Катарсис: Соцзащита».

Согласно Федеральному закону РФ от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», под *информационными технологиями* понимаются процессы, методы поиска, сбора, хранения, обработки, предоставления, распространения информации и способы осуществления таких процессов и

методов¹. Отличительной особенностью информационных технологий является то, что и предметом, и конечным продуктом деятельности выступает информация, а средствами достижения результата – компьютерная, телекоммуникационная и электронно-вычислительная техника.

По данным, приведенным в Концепции цифровой и функциональной трансформации социальной сферы, относящейся к сфере деятельности Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации, на период до 2025 года, в 2020 году более 75 млн человек получили поддержку от государства на сумму свыше 11,9 трлн рублей², суммарно подав более 350 млн обращений за предоставлением мер социальной поддержки. Было установлено более 380 видов мер социальной поддержки различных уровней и 20 тыс. мер, включая пенсии, пособия, льготы, субсидии и т.д. В среднем на 5-10% в год сокращается число личных обращений граждан и увеличивается количество людей обращающихся за предоставлением услуг в электронном формате.

В 2021 г. в Республике Карелия была утверждена Стратегия в области цифровой трансформации отраслей экономики, социальной сферы и государственного управления Республики Карелия³, а затем Программа цифровой трансформации Республики Карелия⁴. В 2022 г. Правительством РФ утверждена Концепция цифровой и функциональной трансформации социальной сферы, предполагающая постепенный

переход всех мер социальной поддержки – федеральных и региональных – в электронный формат. Таким образом, процессы цифровизации получают всё большую законодательную регламентацию и всё большее расширение сфер применения.

Проблему исследования составляют объективно присутствующие противоречия социального и научного характера. Процесс информатизации социальной сферы неизбежен, его значимость не вызывает сомнений. В связи с этим информационные технологии получают всё большее распространение в социальных учреждениях и организациях. Все государственные социальные учреждения, как минимум, имеют официальные сайты и страницы в социальных сетях. Для осуществления внутриорганизационных коммуникаций используются мессенджеры и различные интернет-приложения. В то же время в основе профессионального взаимодействия специалиста по социальной работе (или социального работника) с клиентами, получателями социальных услуг лежит контактная работа в системе «человек – человек». Информационные технологии пока не способны заменить живое человеческое общение.

Информационные технологии внедряются в практику социального обслуживания и социальной защиты, в том числе, для упрощения и ускорения документооборота, освобождения специалистов от ведения бумажной отчетности, однако на практике всё происходит иначе. Информационные технологии и электронный документооборот,

¹ Об информации, информационных технологиях и о защите информации. Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ. Принят Государственной Думой 08.07.2006 // КонсультантПлюс: справочно-правовая система [Москва], сор. 2015. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798/ (дата обращения: 27.12.2022).

² Концепция цифровой и функциональной трансформации социальной сферы, относящейся к сфере деятельности Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации, на период до 2025 года. Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 20.02.2021 № 431-р. // Консорциум «Кодекс» [Москва], сор. 2015. URL:

<https://docs.cntd.ru/document/573761704> (дата обращения: 27.02.2022 г.).

³ Стратегия в области цифровой трансформации отраслей экономики, социальной сферы и государственного управления Республики Карелия. Утверждена распоряжением Правительства Республики Карелия от 19 августа 2021 года № 607р-П. URL: https://adm.gov.karelia.ru/upload/iblock/6a5/Strategiya_TST.docx (дата обращения: 23.03.2023).

⁴ Программа цифровой трансформации Республики Карелия. Утверждена распоряжением Правительства Республики Карелия от 27 декабря 2021 года № 973р-П. URL: <https://docs.cntd.ru/document/465429524> (дата обращения: 23.03.2023).

внедряемые в практику социальной работы, в данный момент представляют собой дополнительную нагрузку ввиду сохранения параллельного бумажного документооборота.

Научная проблема состоит в том, что несмотря на стремительное развитие информационных технологий и повсеместную цифровизацию, в научной литературе неоправданно мало внимания уделяется процессу информатизации социальной работы, её влиянию на деятельность специалистов и специфику взаимодействия с получателями социальных услуг.

Методология и методы (Methodology and methods). Теоретико-методологическую базу исследования составила концепция постиндустриального общества Д. Белла (Bell, 1996), согласно которой процесс становления информационного общества является процессом планомерной эволюции, а информация представляет собой ключевой фактор развития общества. В рамках концепции К. Колина (Колин, 1995) акцентируется важность информационных технологий рассматриваются с точки зрения рационализации бюджета и экономии социального времени.

Анализ теоретических подходов к пониманию постиндустриального общества представлен в работах В. В. Орлова (Орлов, 2005) и Ю. Р. Вольфсона (Вольфсон, 2017). Теоретико-методологические основы цифровой социологии анализируются в статье В. Ф. Ницевича (Ницевич, 2018). Информатизация социальной сферы в контексте современных модернизационных процессов анализируется в работах Е. Б. Архиповой и С. Н. Панковой (Архипова, Панкова, 2015), С. Е. Гасумовой (Гасумова, 2007), В. М. Жеребина и О. Н. Махровой (Жеребин, Махрова, 2015), В. С. Ускова (Усков, 2022), Ю. П. Калмыкова (Калмыков, 2021). Проблемы использования информационных технологий в социальной работе рассматриваются в трудах С. Е. Гасумовой (Гасумова, 2011), Ю. Б. Костровой (Кострова, 2019), М. В. Фирсова, М. В. Вдовиной, Л. И. Савинова (Фирсов, Вдовина, Савинов,

2020), В. В. Лычагиной (Лычагина, 2010), И. В. Фокина, В. А. Фокина (Фокин, Фокин, 2010). Работа Т.Б. Корнеевой посвящена вопросам диалога гуманизации и информатизации университетского образования в горизонте информационной социальности (Корнеева, 2009). Исследования А. Ж. Насипова (Насипов, 2010), З. Р. Салимьяновой (Салимьянова, 2013) посвящены вопросам становления личностной технологической культуры и компьютерной грамотности.

В указанных работах анализируется процесс информатизации социальной сферы и социальной работы, специфика, особенности, тенденции и проблемы протекания процесса, описывается опыт внедрения новых информационных технологий, потенциал использования современных информационных технологий при формировании социальной политики, управлении социальной защитой. Все приведённые работы опубликованы в допандемийный период.

Теоретической базой эмпирического исследования послужил подход М. В. Фирсова, М. В. Вдовиной и Л. И. Савинова, выделяющие специфику (по существу – функции) цифровизации социальной работы. В рамках их подхода:

- информационные технологии должны помочь институтам социальной защиты включиться в коллективную систему рыночной экономики на всех уровнях;

- информационные технологии призваны повышать качество управления органов социальной защиты и организаций социального обслуживания, способствовать реализации повседневной деятельности по движению информации как внутри учреждений, так и во внешнем информационном поле;

- информационные технологии должны развивать систему управления социальных служб, их оперативную и эффективную помощь в преодолении трудностей, возникающих у социально незащищенных категорий населения (Фирсов, Вдовина, Савинов, 2020).

Все это, однако, требует от специалистов качественно иных компетенций и изменения подходов в работе с е-клиентами.

Правовой базой информатизации современной российской социальной сферы служат: Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»; Федеральный закон «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» от 28.12.2013 № 442-ФЗ; Распоряжение Правительства РФ от 20.02.2021 № 431-р «Об утверждении Концепции цифровой и функциональной трансформации социальной сферы, относящейся к сфере деятельности Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации, на период до 2025 года»; Указ президента Российской Федерации «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 г.»; Указ Президента РФ от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 – 2030 годы»; «Цифровая экономика Российской Федерации» и другие нормативно-правовые акты⁵.

Проведено эмпирическое исследование в Республике Карелия. Исследований на эту тему в Карелии до этого не проводилось. Сбор эмпирических данных осуществлялся автором и выпускником

ПетрГУ Р. С. Метла под научным руководством автора. *Методы исследования*: анализ документов и научной литературы; полуструктурированное интервью; анкетирование.

Реестр поставщиков социальных услуг в Республике Карелия включает в себя 45 организаций социального обслуживания разных форм собственности⁶ (Интерактивный портал Министерства социальной защиты Республики Карелия). В соответствии с действующим законодательством эти организации имеют официальные сайты в сети Интернет. С 2019 года все поставщики социальных услуг в своей работе используют программный комплекс «Катарсис: Соцзащита», представляющий собой единую региональную автоматизированную систему в сфере социальной защиты и социального обслуживания. Социальные работники, осуществляющие надомное социальное обслуживание, работают с помощью приложения «Личный кабинет социального работника», установленного на планшетном устройстве. Применение этих технологий требует от специалистов специальных навыков элементарного программирования, владения техникой и программного обеспечения.

⁵ О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 г. Указ президента Российской Федерации от 21.07.2020 № 474 // КонсультантПлюс: справочно-правовая система [Москва], сор. 2015. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_216363/ (дата обращения: 27.12.2022); Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации. Федеральный закон от 28.12.2013 № 442-ФЗ. Принят Государственной Думой 23.12.2013 // КонсультантПлюс: справочно-правовая система [Москва], сор. 2015. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_156558/ (дата обращения 27.12.2022 г.); Об утверждении Концепции цифровой и функциональной трансформации социальной сферы, относящейся к сфере деятельности Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации, на период до 2025 года. Распоряжение Правительства РФ от 20.02.2021 № 431-р // Правительство России [Официальный сайт]. URL: <http://static.government.ru/media/files/i2keGFnJGgf832zbAW9tQ7yDDLUEe3Ru.pdf>

f (дата обращения: 27.12.2022); О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы». Указ Президента РФ от 09.05.2017 № 203 // КонсультантПлюс: справочно-правовая система [Москва], сор. 2015. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_216363/ (дата обращения: 27.12.2022); Цифровая экономика Российской Федерации. Национальная программа. Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 28 июля 2017 г. № 1632-р // Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации. Официальный сайт. [Москва], сор. 2015. URL: <https://digital.gov.ru/ru/activity/directions/858/> (дата обращения: 27.12.2022).

⁶ Интерактивный портал Министерства социальной защиты Республики Карелия. 2022. URL: <https://social.karelia.ru/> (дата обращения: 19.01.2023).

База проведения эмпирического исследования – ГБУ СО «Комплексный центр социального обслуживания населения Республики Карелия» (далее КЦСОН), Отделение социального обслуживания граждан на дому по Петрозаводскому городскому округу и Прионежскому району. КЦСОН РК – самое крупное учреждения социального обслуживания в Карелии и типичный поставщик социальных услуг в любом регионе.

Предмет эмпирического исследования – практика применения информационных технологий в социальной работе: трудности и возможности. *Целью* исследования послужило изучение проблем, связанных с применением на практике информационных технологий в социальной работе, а также возможностей их совершенствования. *Задачи исследования:*

1. Охарактеризовать информационные технологии, наиболее часто применяющиеся в практике социального учреждения;
2. Выявить проблемы, возникающие при использовании информационных технологий специалистами социальной сферы и получателями социальных услуг;
3. Проанализировать возможности расширения области применения информационных технологий в социальной работе;
4. Сформулировать рекомендации по эффективному применению информационных технологий социальными работниками и специалистами по социальной работе.

В ходе исследования мы проверяли предположение о том, что главная цель внедрения цифровизации социальной работы на данный момент не достигнута. Под главной целью цифровизации социальной работы нами понимается оптимизация и упрощение деятельности социальных учреждений, повышение доступности социальных услуг для получателей.

Эмпирическую базу исследования составили:

– результаты полуструктурированных интервью с заведующими отделениями социального обслуживания на дому для

граждан пожилого возраста и инвалидов в ГБУ СО «КЦСОН РК»;

– результаты анкетирования жителей Республики Карелия, достигших 18 лет.

Интервью проводилось с заведующими пяти отделений надомного социального обслуживания для граждан пожилого возраста и инвалидов. В Петрозаводске действует семь отделений социального обслуживания на дому ГБУ СО «Комплексный центр социального обслуживания населения Республики Карелия», в районах Карелии – еще 34. Полуструктурированное интервью не предполагает сплошного подхода в организации опроса. Количество информантов определяется тем, что при опросе пятого информанта стали звучать повторяющиеся мнения и оценки. В силу должностных обязанностей заведующие отделениями регулярно на протяжении трех лет непосредственно работают с программным комплексом «Катарсис: Соцзащита» и приложением «Личный кабинет социального работника» на планшетном устройстве, хорошо знают специфику этой системы. Кроме того, заведующие отделениями занимаются организацией подобной работы среди надомных социальных работников, их обучением, работают с их комментариями и жалобами в отношении программного и технического обеспечения, а потому могут представить развернутый анализ. Вопросы интервью затрагивали практику применения информационных технологий, их эффективность в работе с получателями социальных услуг, преимущества, трудности и проблемы их применения в районах Карелии. Особое внимание уделялось вопросам, связанным с влиянием применения информационных технологий на загруженность специалистов и доступность социальных услуг для населения. Заведующим отделениями предлагалось оценить возможности совершенствования и перспективы развития информационных технологий в социальной работе.

Анкетирование жителей Республики Карелия проводилось выборочно. Генеральная совокупность – жители республики

от 18 лет и старше (484 400 чел.). Стихийная выборка составила 456 человек. Тип выборки обусловлен разведывательным характером исследования. Сбор эмпирических данных проводился посредством распространения анкетного опроса в Google Forms среди жителей Республики Карелии, достигших совершеннолетия.

Основные задачи анкетирования:

- оценить востребованность получения государственных и муниципальных услуг в электронном виде без необходимости личного обращения граждан в учреждения социальной защиты.
- определить наиболее востребованные категории электронных услуг среди совершеннолетних жителей Республики Карелии.

Исследование проводилось на примере использования портала «Госуслуги».

В соответствии с поставленными задачами короткая анкета, состоящая из 10 вопросов (2 из них – о поле и возрасте респондентов), включала в себя вопросы следующего характера: пользуется ли респондент порталом «Госуслуги»; с какой периодичностью; за какими категориями услуг чаще обращается; за какими услугами обращался туда в последний раз; считает ли, что интернет-портал «Госуслуги» облегчает жизнь; преимущества и недостатки данного интернет-ресурса; оценка полезности портала по 5-бальной шкале.

Эмпирическое исследование проводилось в 2022 г.

Научные результаты и дискуссия (Research Results and Discussion). *Результаты интервью.* Основными информационными технологиями, используемыми в Отделении надомного социального обслуживания КЦСОН являются: официальный сайт учреждения, сообщество в социальной сети, программный комплекс «Катарсис: Соцзащита», приложение «Социальный работник» на планшетном устройстве. Для организации внутренних коммуникаций в учреждении используются мессенджеры и электронные платформы.

Эффективность этих технологий оценена специалистами неоднозначно. С одной стороны, отмечаются скорость, оперативность, удобство, четкость, экономия времени, удобство организации межведомственного взаимодействия. Однако обратной стороной этих достоинств является необходимость выполнять «двойную работу» с использованием планшетных устройств. Система не исключает сбоев, в районах республики существуют проблемы со связью и интернет-соединением, вследствие чего специалистам приходится дублировать внесённые в систему данные на бумажные носители. В то же время, в основном, специалисты довольны работой с новыми технологиями, они почувствовали разницу с их внедрением. Когда система работает без сбоев, то процесс поиска необходимой служебной информации занимает значительно меньше времени, нежели при работе с бумажными документами.

Проблемы при использовании информационных технологий, обозначенные специалистами, зачастую носят инфраструктурный характер: отсутствие Интернет-доступа, неустойчивость связи; не во всех районах у социальных работников есть возможность оперативно приехать к стационарному рабочему месту, где установлено программное обеспечение «Катарсис».

Специалисты подчёркивали, что в настоящий момент развитие информационных технологий в социальном обслуживании происходит однонаправленно. Оно ориентировано, в большей степени, на организацию деятельности социальных работников и специалистов по социальной работе, нежели на усовершенствование процесса оказания социальной помощи получателям, повышение доступности социальных услуг. Заведующие отделениями предполагают вероятность того, что в будущем в программном комплексе «Катарсис: Соцзащита» появится «окно» для обращения граждан. На сегодняшний день получатели социальных услуг мало задействованы в работе с этим программным комплексом. Специалисты во многом это связывают с

особенностями целевой группы. Основными получателями надомных социальных услуг являются пожилые люди и инвалиды, многие из них либо не имеют возможности приобрести современные гаджеты, либо им не хватает технической и компьютерной грамотности, однако ситуация постепенно меняется.

На основе анализа серии интервью можно выделить главные *трудности*, возникающие при использовании информационных технологий:

1) Специалисты по социальной работе и социальные работники не проходят предварительного обучения по работе с программным комплексом «Катарсис: Соцзащита». Наличие инструкции к нему не исключает ошибок, поскольку работа в основном осуществляется интуитивно.

2) Специалистам, работающим в сельской местности, потребовалось достаточно много времени для того, чтобы обучиться работе с планшетными устройствами.

3) Имеются расхождения в функционале программного комплекса «Катарсис: Соцзащита» и структуре отчетности учреждения, в частности по названиям категорий населения. В связи с этим невозможно сформировать определенные отчетные документы прямо в системе, и учреждению приходится вести дополнительные информационные базы, регистры, списки и т.д.

4) Указанное программное обеспечение было внедрено уже почти четыре года назад, однако бумажные носители информации (дневники) по-прежнему сохраняются, и социальные работники вынуждены выполнять двойную работу по ведению двух видов отчетности: электронного и бумажного.

5) Отсутствие систематического взаимодействия разработчиков программного комплекса и специалистов-практиков, ввиду чего нет возможности оперативно устранять неполадки, «пробелы» программного обеспечения и консультироваться по его использованию. Технические

сбои, по словам заведующих отделениями, случаются достаточно часто.

Возможности дальнейшего развития и совершенствования информационных технологий в социальной работе:

- проработка возможности подачи заявления на социальное обслуживание для граждан в ПК «Катарсис: Соцзащита» или на портале «Госуслуги»;

- внедрение специальной системы контроля профессиональной деятельности социальных работников на основе GPS-технологий (такая практика в других регионах уже реализуется);

- добавление в ПК «Катарсис: Соцзащита» системы голосового ввода текста для людей с ограниченными возможностями здоровья (эта потребность существует и со стороны населения, и со стороны социальных работников);

- в информационной базе программного комплекса «Катарсис: Соцзащита» разработать более подробную дифференциацию категорий получателей социальных услуг (например, добавить категорию «Дети войны»);

- синхронизация ПК «Катарсис: Соцзащита» с обновляющейся базой нормативно-правовых документов;

- совершенствование процессов, связанных с межведомственным документооборотом (например, возможность запрашивать информацию из Центра социальной работы о ежемесячной денежной компенсации полным списком, а не делать запросы на каждого получателя социальных услуг);

- разработка и внедрение обучающей программы для социальных работников по работе с программным комплексом «Катарсис: Соцзащита»;

- адаптация официального сайта учреждения под особенности людей с различными нарушениями функций организма;

- регулярное обновление содержания официального сайта, размещение на нём, в том числе, обучающих материалов, отвечающих потребностям целевых групп (пожилые, инвалиды, их родственники, осуществляющие уход).

На основе информации, полученной в ходе интервью с заведующими отделениями социального обслуживания на дому Комплексного центра социального обслуживания Республики Карелия, можно выделить две группы информационных технологий, применяемых в социальной работе:

1. Технологии, применяемые в сфере социального обслуживания для организации профессиональной деятельности социальных работников и специалистов по социальной работе (ПК «Катарсис: Соцзащита», приложение «Личный кабинет социального работника» и т.д.);

2. Технологии, применяемые в сфере социальной защиты для организации предоставления мер социальной поддержки граждан (Интернет-портал «Госуслуги», мобильное приложение «Соцзащита», Интерактивный портал Министерства социальной защиты Республики Карелия).

Результаты анкетирования. Анкетирование проводилось среди жителей Республики Карелия, достигших 18-летнего возраста, на примере использования Интернет-портала «Госуслуги», потому что именно этот ресурс предназначен для пользования широкими группами населения, а не только специалистами. В исследовании приняли участие 456 человек от 18 до 73 лет, по большей части женщины (82,5%).

Подавляющее большинство опрошенных (89%) пользуются Интернет-порталом «Госуслуги», когда им необходимо обратиться за той или иной услугой. Из них 37,4% обращаются к portalу реже, чем раз в месяц, раз в месяц – 33,3%; 19,2% – раз в неделю; каждый день – 4,2%. 3,5% опрошенных указали, что пользуются порталом по необходимости.

Наиболее востребованными категориями услуг (можно было указать не более трех вариантов) оказались: «Справки и Выписки» (50,7%) и «Здоровье» (43,6%). Далее в порядке убывания востребованности расположились варианты: «Пособия. Пенсии. Льготы» (24,9%); «Дети. Образование» (12,1%); «Семья» (10,1). Остальные варианты были указаны сравнительно редко:

Получение сертификата о вакцинации (0,8%); Оплата налогов (0,9%); Аутентификация на других сайтах через приложение «Госуслуги» (0,8%).

Население ощущает практическую пользу от Интернет-портала «Госуслуги». 40,9% ответили, что портал облегчает им жизнь. Еще 43,8% ответили «скорее да, чем нет». Главными преимуществами этого интернет-ресурса жители Карелии считают экономию времени (75,1 %); отсутствие очередей (73,9 %); возможность отслеживать статус заявления (48,5 %); большое количество предоставляемых услуг (31,8 %); доступность информации по услуге (30 %). Некоторые также отмечали, что при обращении за услугами через портал «дешевле госпошлина» (можно оплачивать со скидкой), наличие обратной связи в случае неудовлетворительного ответа или отказа.

Главными недостатками портала «Госуслуги» (указать не более трёх) жители Карелии посчитали: ошибки в работе портала («зависания», сбои и т.д.) (69,7 %); неполный перечень необходимых услуг (35,7 %); долгое ожидание обработки заявления (24,1 %); оформление, интерфейс и логистика Интернет-портала (21,9 %); недостоверная или неполная информация по услуге (13,5 %). Кроме того, были указаны также такие проблемы, как «сложность записи к врачу пожилым людям», невозможность отыскать нужную услугу, «проблемы с интернетом, связью и обеспеченностью современной техникой».

В итоговой оценке полезности портала мнения респондентов разделились. Оценивание происходило по 5-бальной шкале, где 1 – очень полезен, 5 – бесполезен. 16% опрошенных считает Интернет-портал «Госуслуги» очень полезным. 3 и 4 балла поставили 22,2% и 26,8% соответственно. 22,4% считает этот ресурс практически бесполезным.

Интернет-портал «Госуслуги» пользуется спросом и востребован среди жителей Республики Карелия. Он экономит время и позволяет получить многие госу-

дарственные услуги в сфере социальной защиты без необходимости личного посещения социальных учреждений. Однако содержание, интерфейс и логистика портала требует совершенствования. Необходимо расширение спектра услуг, которые можно было бы получать в удалённом режиме, адаптация и упрощение интерфейса и логистики портала для доступного пользования разными категориями получателей услуг. Нуждается в дополнительном анализе высказанное мнение о недостоверной или неполной информации по услуге (этот вариант отметили 13,5% респондентов).

Заключение (Conclusions). Существует множество различных видов информационных технологий, открывающих перед социальной сферой новые возможности: получение новой оперативной информации; ускорение процессов информационного обмена; точная и быстрая обработка данных, необходимых для принятия управленческих решений; рационализация процессов, связанных с организацией социального обслуживания и предоставления мер социальной защиты; электронный документооборот; оптимизация большинства механических функций и т.д. Однако весь потенциал информационных технологий в социальной практике не задействован и внедряется крайне медленно, встречая сопротивление как со стороны специалистов, так и со стороны населения. Это сопротивление возникает на стыке трёх групп факторов:

- техническая оснащённость и инфраструктура социальных учреждений;
- информационная культура и техническая грамотность специалистов и получателей социальных услуг;
- человеческий фактор (личностные и социально-демографические особенности представителей целевых групп, привычное восприятие социальной сферы как области контактной работы в системе «человек – человек»).

Только системная работа с этими группами факторов позволит достичь главной цели внедрения информационных технологий в практику социальной работы –

оптимизации и упрощения деятельности социальных учреждений, повышения доступности социальных услуг для граждан. Тем самым подтвердилась гипотеза нашего исследования.

Список литературы

Архипова Е. Б., Панкова С. Н. Информатизация социальной сферы в условиях современных модернизационных процессов // Вестник Омского университета. Серия «Экономика». 2015. № 3. С. 226-231. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/informatizatsiya-sotsialnoy-sfery-v-usloviyah-sovremennyh-modernizatsionnyh-protsessov> (дата обращения: 14.03.2023).

Вольфсон Ю. Р., Вольчина А. Е. Проблема классификации теорий информационного общества // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). 2017. Т. 8, № 3-1. С. 80-110. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-klassifikatsii-teoriy-informatsionnogo-obschestva> (дата обращения: 19.01.2023).

Гасумова С. Е. Информатизация социальной политики и управления социальной сферой // Вестник Пермского университета. 2007. Выпуск 8 (13). С. 232-248. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/informatizatsiya-sotsialnoy-politiki-i-upravleniya-sotsialnoy-sferoy> (дата обращения: 14.03.2023).

Гасумова С. Е. Информатизация социальной работы: российский и зарубежный опыт // Учёные записки Санкт-Петербургского государственного института психологии и социальной работы. 2011. № 1 (15). С. 15-21. URL: https://notes.psycwork.ru/fileadmin/user_upload/UZ_2011-1_03.pdf (дата обращения: 14.03.2023).

Жеребин В. М., Махрова О. Н. Информатизация общества и развитие новых форм социальных отношений // Народонаселение. 2015. №1. С. 27-36. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/informatizatsiya-obschestva-i-razvitie-novykh-form-sotsialnyh-otnosheniy> (дата обращения: 14.03.2023).

Калмыков Ю. П. Информатизация институтов социального страхования // Автомобильная промышленность. 2021. № 9. С. 36-39. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=47293397> (дата обращения: 17.03.2023).

Колин К. К. Благополучие нации и перспективные технологии // Вестник Российского

общества информатики и вычислительной техники. ВИМИ. 1995. № 6. С. 11-19.

Корнеева Т. Б. Основания и предпосылки диалога гуманизации и информатизации как тенденции современного университетского образования в горизонте информационной социальности // Гуманизация образования. 2009. № 3. С. 42-48. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovaniya-i-predposylki-dialoga-gumanizatsii-i-informatizatsii-kak-tendentsii-sovremennogo-universitetskogo-obrazovaniya-v-gorizonte> (дата обращения: 15.03.2023).

Кострова Ю. Б. Информационные технологии в системе социальной работы // Научные исследования XXI века. 2019. № 1 (1). С. 304-308. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_41867823_72248208.pdf (дата обращения: 19.01.2023).

Лычагина В. В. Применение информационных технологий в деятельности специалиста по социальной работе: теоретический аспект // Вестник КемГУ. 2010. № 3. С. 177-182. URL: <https://vestnik.kemsu.ru/jour/article/view/4142/3689> (дата обращения: 19.01.2023).

Насипов А. Ж. Этапы становления технологической культуры личности: грамотность, компетентность, культура // Наука и школа. 2010. № 3. С. 16-19. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_15233185_79105050.pdf (дата обращения: 19.01.2023).

Ницевич В. Ф. Цифровая социология: теоретико-методологические истоки и основания // Цифровая социология. 2018. Т 1, № 1. С. 18-28. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovaya-sotsiologiya-teoretiko-metodologicheskie-istoki-i-osnovaniya> (дата обращения: 14.03.2023).

Орлов В. В. Теория постиндустриального общества и марксизм // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2005. № 13. С. 10-17. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoriya-postindustrialnogo-obshchestva-i-marksizm> (дата обращения: 19.01.2023).

Салимьянова З. Р. Компьютерная грамотность и информационная культура лиц третьего возраста // Актуальные вопросы современной педагогики: материалы IV Междунар. науч. конф. (г. Уфа, ноябрь 2013 г.). Уфа: Издательство «Молодой ученый», 2013. С. 214-217. URL: <https://moluch.ru/conf/ped/archive/97/4453/> (дата обращения: 19.01.2023).

Усков В. С. Развитие информационного общества в РФ: проблемы и перспективы // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2022. Том 15, № 2. С. 120-137. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitiye-informatsionnogo-obshchestva-v-rf-problemy-i-perspektivy> (дата обращения: 14.03.2023).

Фирсов М. В., Вдовина М. В., Савинов Л. И. Цифровизация российской социальной работы: современная практика и пути развития // Теория и практика общественного развития. 2020. № 9 (151). С. 13-21. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_43985507_54532754.pdf (дата обращения: 19.01.2023).

Фокин И. В., Фокин В. А. Информационные технологии в социальной работе: реальность и перспективы // Инженерные технологии и системы. 2010. № 2. С. 71-76. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/informatsionnye-tehnologii-v-sotsialnoy-rabote-realnost-i-perspektivy?ysclid=len2v3inic472835058> (дата обращения: 14.03.2023).

Bell D. The cultural contradictions of capitalism. N.Y.: Basic books, 1996. 333 P.

References

Arkhipova, E. B. & Pankova, S. N. (2015), "Informatization of the social sphere in the conditions of modern modernization processes", *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya "Economica"*, (3), 226231, [Online], available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/informatizatsiya-sotsialnoy-sfery-v-usloviyah-sovremennyh-modernizatsionnyh-protsessov> (Accessed 14 March 2023). (In Russian)

Volfson, Yu. R. & Volchina, A. E. (2017), "The problem of classification of information society theories", *Sovremennye issledovaniya sotsialnykh problem (elektronnyy nauchnyy zhurnal)*, 8 (3-1), 80-110, [Online], available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-klassifikatsii-teoriy-informatsionnogo-obshchestva> (Accessed 19 January 2023). (In Russian)

Gasumova, S. E. (2007), "Informatization of social policy and social sphere management", *Vestnik Permskogo universiteta*, 8(13), 232-248, [Online], available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/informatizatsiya-sotsialnoy-politiki-i-upravleniya-sotsialnoy-sferoy> (Accessed 14 March 2023). (In Russian)

Gasumova, S. E. (2011), "Informatization of social work: Russian and foreign experience", *Uchenye zapiski Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo instituta psikhologii i sotsialnoy raboty*,

15 (1), 15-21, [Online], available at: https://notes.psycwork.ru/fileadmin/user_upload/UZ_2011-1_03.pdf (Accessed 14 March 2023). (In Russian)

Zherebin, V. M. & Mahrova, O. N. (2015), "Informatization of society and development of new forms of social relations", *Narodonaseleniye*, (1), 27-36, [Online], available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/informatizatsiya-obschestva-i-razvitiye-novykh-form-sotsialnykh-otnosheniy> (Accessed 14 March 2023). (In Russian)

Kalmykov, Yu. P. (2021), "Informatization of social insurance institutions", *Avtomobilnaya promyshlennost*, (9), 36-39, [Online], available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=47293397> (Accessed 17 March 2023). (In Russian)

Kolin, K. K. (1995), "The welfare of the nation and promising technologies", *Vestnik Rossiyskogo obshchestva informatiki i vychislitel'noy tekhniki*, (6), 11-19. (In Russian)

Korneeva, T. B. (2009), "The foundations and prerequisites of the dialogue of humanization and informatization as a trend of modern university education in the horizon of information sociality", *Gumanizatsiya obrazovaniya*, (3), 42-48, [Online], available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovaniya-i-predposylki-dialoga-gumanizatsii-i-informatizatsii-kak-tendentsii-sovremennogo-universitetskogo-obrazovaniya-v-gorizonte> (Accessed 15 March 2023). (In Russian)

Kostrova, Yu. B. (2019), "Information technologies in the social work system", *Nauchnye issledovaniya XXI veka*, 1(1), 304-308, [Online], available at: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_41867823_72248208.pdf (Accessed 19 January 2023). (In Russian)

Lychagina, V. V. (2010), "Application of information technologies in the activities of a social work specialist: theoretical aspect", *Vestnik KemGU*, (3), 177-182, [Online], available at: <https://vestnik.kemsu.ru/jour/article/view/4142/3689> (Accessed 19 January 2023). (In Russian)

Nasipov, T. Zh. (2010), "Stages of formation of technological culture of personality: literacy, competence, culture", *Nauka i shkola*, (3), 16-19, [Online], available at: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_15233185_79105050.pdf (Accessed 19 January 2023). (In Russian)

Nitsevich, V. F. (2018), "Digital sociology: theoretical and methodological origins and foundations", *Tsifrovaya Sotsiologiya*, 1(1), 18-28,

[Online], available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovaya-sotsiologiya-teoretiko-metodologicheskie-istoki-i-osnovaniya> (Accessed 14 March 2023). (In Russian)

Orlov, V. V. (2005), "Theory of post-industrial society and Marxism", *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta*, (13), 10-17, [Online], available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoriya-postindustrialnogo-obschestva-i-markszm> (Accessed 19 January 2023). (In Russian)

Salimyanova, Z. R. (2013), "Computer literacy and information culture of third-age persons", *Aktualnye voprosy sovremennoy pedagogiki: materialy IV Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii (g. Ufa, noyabr' 2013 g.)*, «Molodoy ucheny», Ufa, Russia, 214-217, [Online], available at: <https://moluch.ru/conf/ped/archive/97/4453/> (Accessed 19 January 2023). (In Russian)

Uskov, V. S. (2022), "Development of the Information Society in the Russian Federation: problems and prospects", *Economicheskies i sotsialnye peremeny: facty, tendentsii, prognoz*, 15 (2), 120-137, [Online], available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitiye-informatsionnogo-obschestva-v-rf-problemy-i-perspektivy> (Accessed 14 March 2023). (In Russian)

Firsov, M. V. & Vdovina, M. V. & Savinov, L. I. (2020), "Digitalization of Russian social work: modern practice and ways of development", *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*, 9 (151), 13-21, [Online], available at: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_43985507_54532754.pdf (Accessed 19 January 2023). (In Russian)

Fokin, I. V. & Fokin, V. A. (2010), "Information technologies in social work: reality and prospects", *Inzhenernyye tekhnologii i sistemy*, (2), 71-76, [Online], available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/informatsionnye-tehnologii-v-sotsialnoy-rabote-realnost-i-perspektivy?ysclid=len2v3inic472835058> (Accessed 14 March 2023). (In Russian)

Bell, D. (1996), *The cultural contradictions of capitalism*, Basic books, N.Y.

Статья поступила в редакцию 28 января 2023 г. Поступила после доработки 23 августа 2023 г. Принята к печати 15 сентября 2023 г.
Received 28 January 2023. Revised 23 August 2022. Accepted 15 September 2023.

Конфликты интересов: у автора нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the author has no conflicts of interest to declare.

Петровская Юлия Александровна, кандидат социологических наук, доцент, заведующая кафедрой социологии и социальной работы Института истории,

политических и социальных наук Петрозаводского государственного университета, Петрозаводск, Россия.

Yuliya A. Petrovskaya, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Sociology and Social Work, Institute of History, Political and Social Sciences, Petrozavodsk State University, Petrozavodsk, Russia.

УДК 316.354:351/354

DOI: 10.18413/2408-9338-2023-9-3-1-2

Савельев И. А.

Управление регионом в контексте преодоления негативных
последствий неравенств по данным контент-анализа сайтов

Центр социологии управления и социальных технологий
Институт социологии ФНИСЦ РАН
улица Большая Андроньевская, дом 5, строение 1, Москва, 109544, Россия
ivansave-80@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу различных аспектов управления регионом в контексте преодоления негативных последствий социального неравенства. Доказано, что необходимым условием реализации стратегических документов, программ и инициатив станет перевод взаимодействия региональной власти и граждан преимущественно на уровень партнерства и гражданского соучастия в управлении. Актуальность исследования обусловлена поиском нового знания относительно социологического измерения работы властно-управленческой вертикали по преодолению негативных последствий неравенств в регионах разного социокультурного уровня модернизации. Научная проблема определяется необходимостью поиска нового знания относительно социологических показателей работы властно-управленческой вертикали по преодолению последствий неравенств и фактическим отсутствием объективной и комплексной оценки этой работы. Практическая проблема определяется противоречием между необходимостью формирования благоприятных средовых условий включения населения регионов в обсуждение, оценку, контроль реализации стратегических документов регионального развития для повышения управляемости и недостаточной заинтересованностью региональных властей в формировании этих условий и конструктивном приложении субъектности населения. Объектом исследования является взаимодействие региональных органов власти с населением в рамках реализации стратегических инициатив в том числе по снижению последствий социального неравенства. Предмет исследования – специфика управления регионом в контексте преодоления негативных последствий социальных неравенств, таких как неконтролируемая поляризация доходов населения, рост социальной напряженности, социальная депривация и пр. Эмпирической базой послужили результаты дистанционного контент-анализа двенадцати сайтов региональных правительств по взаимодействию власти и населения в плане реализации стратегических документов и инициатив, а также данные Медиалогии по упоминанию национальных проектов в информационном пространстве РФ. Результаты исследования показали, что официальные сайты правительств регионов могут выступать не просто технической площадкой взаимодействия власти и населения, но стать агентами политики цифровизации, основой социотехнического взаимодействия. Для повышения управляемости региона в контексте преодоления последствий социального неравенства необходимо взаимодействие региональной власти с населением на уровнях партнерства и гражданского самоуправления. По сути, это и есть реальное взаимодействие, в процессе которого решение практических задач по реализации стратегического развития региона,

преодолению социальных последствий неравенства и т.д. выражается в делегировании обществу части полномочий, анализе и поддержке инициатив гражданского населения. В более широкой перспективе это может касаться корректировки нормативно-правовой базы, обеспечивающее работу официальных сайтов, оценку практики принятия и реализации решений для корректировки со стороны общественных организаций, формирование системы общественного контроля. Исследование подтвердило ключевые гипотезы о недостаточной реализации региональной властью современного потенциала информационно-коммуникативных технологий и недостаточного упоминания региональными проектами ключевого документа регионального развития – Стратегии социально-экономического развития региона. Это же касается и ориентации региональных властей больше на отчетность перед центром, чем на выработку решений по преодолению негативных последствий неравенств при участии населения на основе реализации принципа обратной связи.

Ключевые слова: управление регионом; стратегия социально-экономического развития региона; последствия социального неравенства; дистанционный анализ сайта

Информация для цитирования: Савельев И. А. Управление регионом в контексте преодоления негативных последствий неравенств по данным контент-анализа сайтов // Научный результат. Социология и управление. 2023. Т. 9, № 3. С. 168-185, DOI: 10.18413/2408-9338-2023-9-3-1-2.

Research article

Ivan A. Savelyev

**Regional management in the context of overcoming
the negative consequences of inequalities according
to website content analysis**

Institute of Sociology of FCTAS RAS
5/1 Bolshaya Andronievskaya St., Moscow, 109544, Russia
ivansave-80@mail.ru

Abstract. The article is dedicated to the research of various aspects of the region's management in the context of overcoming the negative consequences of social inequality. It has been proved that a necessary condition for the implementation of strategic documents, programs and initiatives will be the transfer of interaction between regional authorities and citizens mainly to the level of partnership and civic participation in management. The *relevance* of the study is due to the search for new knowledge regarding the sociological dimension of the work of the power-administrative vertical to overcome the negative consequences of inequalities in regions of different socio-cultural levels of modernization. The *scientific problem* is determined by the need to search for new knowledge regarding the sociological indicators of the work of the power-administrative vertical to improve the results of inequalities and the actual lack of an objective and comprehensive assessment of this work. The *practical problem* is determined by the contradiction between the need to create favorable environmental conditions for the inclusion of civil society of the regions in the discussion, evaluation, control over the implementation of strategic documents of regional development to improve manageability and insufficient interest of regional authorities in the formation of these conditions and constructive application of subjectivity of the population. The

object of the investigation is the interaction of regional authorities with the population in the framework of the implementation of strategic initiatives, including those to reduce the consequences of social inequality. The *subject* of the investigation is the specifics of regional management in the context of overcoming the negative consequences of social inequalities, such as uncontrolled polarization of population incomes, the growth of social tension, social deprivation, etc. The *empirical base* was the results of a remote content analysis of twelve sites of regional governments on the interaction between the authorities and the population in terms of the implementation of strategic documents and initiatives, as well as Medialogy data on the mention of national projects in the Russian media. The *results* of the investigation demonstrated that the official websites of regional governments can act not just as a technical platform for interaction between the authorities and the population, but become agents of digitalization policy, the basis of sociotechnical interaction. However, in order to increase the controllability of the processes region in the context of overcoming the consequences of social inequality, it is necessary to interact with the population of the regional authorities at the levels of partnership and civil self-government. In fact, this is real interaction, in the process of which the solution of practical problems for the implementation of the strategic development of the region, overcoming the social consequences of inequality, etc. is carried out on the basis of partial delegation of authority, support for the initiative of the population. In a broader perspective, this may concern the adjustment of the regulatory framework, which ensures the operation of official websites, the assessment of the practice of making and implementing decisions for adjustment by public organizations, the formation of a system of public control. The study *confirmed* the key hypotheses about the insufficient implementation by the regional authorities of the modern potential of information and communication technologies and the insufficient mention by regional projects of the key document of regional development – the Strategy for the Socio-Economic Development of the Region. The same applies to the orientation of regional authorities more towards reporting to the center than towards developing solutions to overcome the negative consequences of inequalities with the participation of the population based on the realization of the feedback's principle.

Keywords: management of the region; strategy of socio-economic development of the region; consequences of social inequality; remote analysis of the site

Information for citation: Savelyev, I. A. (2023), "Regional management in the context of overcoming the negative consequences of inequalities according to website content analysis", *Research Result. Sociology and Management*, 9 (3), 168-185, DOI: 10.18413/2408-9338-2023-9-3-1-2.

Введение (Introduction). Современное социально-экономическое развитие регионов России характеризуется крайней неравномерностью и определяется множеством факторов. В этой связи актуальность исследования обусловлена поиском нового знания относительно социологического измерения работы властно-управленческой вертикали по преодолению негативных последствий неравенств в регионах разного

уровня модернизации по Н. И. Лапину. Традиционные каналы коммуникации власти и граждан теряют актуальность и уступают место информационным технологиям, важным средством взаимодействия в этой связи становятся сайты официальных органов власти. Сайты региональных правительств предоставляют широкие возможности для власти: оперативное информирование и консультирование граждан по ключевым вопросам жизнедеятельности региона,

получение и анализ обратной связи по реализации стратегических управленческих решений, согласование позиций различных региональных сообществ по актуальным проблемам, в частности, по преодолению негативных последствий социального неравенства, безработицы и пр. В то же время остается открытым вопрос об интенциональности работы самой региональной системы управления и способах ее фиксации. Управление регионом в условиях преодоления негативных последствий неравенств, таким образом, получает дополнительную актуальность.

Научная проблема определяется необходимостью поиска нового знания относительно социологических показателей работы властно-управленческой вертикали по преодолению последствий неравенств и фактическим отсутствием объективной и комплексной оценки этой работы.

В этой связи практическая проблема определяется противоречием между необходимостью формирования благоприятных средовых условий включения населения регионов РФ в обсуждение, оценку, контроль реализации стратегических документов регионального развития, к которым мы относим стратегии социально-экономического развития регионов до 2020 и 2030 гг., федеральное законодательство о стратегическом планировании, паспорта национальных проектов и документы о их реализации и пр.) для повышения управляемости и недостаточной заинтересованностью региональных властей в формировании этих условий и конструктивном приложении субъектности населения.

Собственно, научный интерес к проблеме совершенствования управленческой деятельности регионального уровня властно-управленческой вертикали в интернет-пространстве связан, с одной стороны, с увеличением потребителей электронных государственных услуг, появлением новых вариантов взаимодействия власти и общества в условиях цифровизации, а также со значимостью информационных технологий в управленческой работе.

Методология и методы (methodology and methods). Объектом исследования, предложенного в статье, является взаимодействие региональных органов власти с населением в рамках реализации стратегических инициатив в том числе по снижению последствий социального неравенства в регионе.

Эмпирическим объектом является сайт исполнительной власти двенадцати регионов РФ, находящихся на различных уровнях социокультурной модернизации. В нашем случае сайт региональных правительств – это средство системного, подробного и оперативного информирования о текущей работе правительства региона.

Предмет исследования – специфика управления регионом в контексте преодоления негативных последствий социальных неравенств, таких как неконтролируемая поляризация доходов населения, рост социальной напряженности, социальная депривация и пр.

Цель исследования – разработка рекомендаций совершенствования управленческой деятельности региональной власти по повышению управляемости и повышению качества организации взаимодействия с населением и, как следствие, моделирование работы сайтов региональных правительств в плане реализации стратегии социально-экономического развития.

Анализ предшествующих работ позволяет выделить две группы источников. К первой группе относятся авторы, рассматривающие интернет-пространство как особую среду взаимодействия, опосредованную электронными устройствами, это нашло отражение в работах М. Кастельса, М. Макклюза, Д. Белла, М. Постера и др. Ко второй группе можно отнести публикации авторов, посвященные взаимодействию органов власти и населения в условиях реализации стратегических документов, программ и инициатив, это работы П. Люпен и Г. Чирибога, И. Линдгрена и С. Мадсен, А. В. Аксеновой, В. П. Бабинцева, В. С. Богданова, Н. И. Лапина,

В. В. Маркина, А. А. Мерзлякова, А. В. Тихонова, В. А. Шиловой и многих других.

Данная работа продолжает работу Центра СУиСТ ИС ФНИСЦ РАН по социологическому измерению проблем управления и моделированию последствий работы властно-управленческой вертикали.

Как отмечал А. В. Тихонов, исследования на основе контента сайтов региональных органов власти и материалов экспертизы в регионах делают возможным понять интенцию систем управления, конечный объект их деятельности: реальную реализацию управленческих функций или отчетность, проанализировать социальные условия, влияющие на процесс реализации стратегически важных для страны решений, на основе таких документов как Концепция, Стратегия и Программа инновационного развития (Тихонов, Мерзляков, 2020: 112).

В то же время, как справедливо отмечает О. В. Аксенова, понятие «развитие», потеснившее как предмет исследования модернизацию, «имеет множество теоретических интерпретаций, управленческих и политических моделей, в т.ч. и альтернативных его модернистской версии». В таком случае, само понятие «развитие» неизбежно сопрягается с проблемами усиления неравенств, экологическим кризисом, социокультурными противоречиями и пр. (Аксенова, 2019: 9). Следовательно, оценка работы властно-управленческой вертикали в условиях реализации стратегических документов развития региона получает дополнительную актуальность.

Как было отмечено выше, эмпирическим объектом нашего исследования являются сайты региональных правительств.

Как показали наши исследования (Тихонов, Мерзляков, 2020; Савельев, 2022), именно сайты региональных правительств доносят формализованную позицию власти в плане реализации стратегических документов регионального развития. Понимая определенные ограничения метода анализа сайтов, мы не рассматриваем его в качестве единственного эмпирического метода.

Также были задействованы данные государственной и региональной статистики, контент «альтернативных сайтов», а также данные Медиалогии. Теоретическим конструктом анализа управляемости регионом в контексте преодоления негативных последствий неравенств является Атлас модернизации российских регионов, созданный коллегами из ИФ РАН под руководством Н. И. Лапина.

Эмпирической базой послужили результаты дистанционного контент-анализа двенадцати сайтов региональных правительств по взаимодействию власти и населения в плане реализации стратегических документов и инициатив, а также данные Медиалогии по упоминанию национальных проектов в информационном пространстве РФ.

Дистанционный анализ сайтов как эмпирический метод определяется спецификой самого эмпирического объекта: сайты региональных правительств доступны для обращения и анализа круглосуточно, проанализировать можно любой массив данных без ограничения по времени публикаций, возможно использование наличие архивов на сайтах и пр.

Данный метод является составной частью разработанного в Центре СУиСТ ИС ФНИСЦ РАН дистанционного мониторинга, включающего систему процедур по получению предварительной (фоновой) информации о проблемной ситуации в системе управления на бесконтактной основе, кроме того данный метод «электронного респондента» позволяет фиксировать потенциал субъектности для участия в принятии и реализации управленческих решений (ИНАБ № 1, 2012).

Гипотеза исследования заключается в следующих взаимосвязанных предположениях.

Во-первых, основными причинами невысокой степени участия населения в реализации стратегических инициатив является то, что региональные власти не полностью используют возможности современных информационно-коммуникативных

технологий, однако у власти есть возможность попытаться сделать сайты правительств дискуссионными площадками реализации стратегических инициатив. Однако это потребует нового уровня взаимодействия власти и граждан: уровня гражданского управления и уровня партнерства.

Во-вторых, при моделировании негативных последствий неравенств региональные правительства не всегда ссылаются и учитывают Стратегию социально-экономического развития, Стратегию пространственного развития, нацпроекты. Это может стать причиной отсутствия системного подхода к преодолению негативных последствий социально-экономического неравенства.

В-третьих, характер информирования населения регионов о реализации стратегических документов регионального развития говорит о том, что региональные органы власти ориентированы больше на реализацию бюрократических задач и отчетность перед центром, чем на выработку решений актуальных социально-экономических проблем регионов при участии самого населения на основе реализации принципа обратной связи. Это может выражаться, в частности, в превалировании уровней консультирования и информирования во взаимодействии с населением.

Социальное неравенство определяет степень доступности населения к экономическим и социальным благам. Как практически любое социальное явление социальное неравенство имеет негативные и позитивные последствия. Выраженной тенденцией современной России считается рост подоходной дифференциации населения. Социальное неравенство способно привести общество к социальному разлому и резкой поляризации доходов. Следствием этого является беднеющее население, отсутствие для значительной части населения доступа к медицинским, образовательным и иным услугам.

Действительно, социальное неравенство в этом плане является одним из риско-

образующих факторов: в Докладе о человеческом развитии ПРО ООН говорится, что избыточное социальное неравенство сокращает величину человеческого потенциала на 1/5 (Кирдяшкина, 2020: 139). Говоря о страновом различии, обращает на себя факт отставания России от лидеров инновационного развития, прежде всего от Великобритании и Швейцарии по основным ключевым индикаторам ресурсного потенциала науки и востребованности результатов (Усков, 2020: 71). В целом о стагнационном характере экономики и отставании современной России от мировых лидеров говорят такие параметры как низкий уровень инновационной активности предприятий (около 10%); смещение структуры экспорта (порядка 80%) в сторону продукции низкой сложности; небольшое число патентов в сфере аддитивных технологий, робототехники и пр. (Усков, 2020: 80).

Ориентация российской экономики на сырьевой экспорт, а также контрастная дифференциация территорий внутри страны отрицательно влияет на инновационный потенциал региональных экономик. Следовательно, межрегиональное неравенство как разновидность социального остается актуальной проблемой: по уровню и глубине дифференциации регионов Россия опережает Бразилию, Индию и Китай (Бондаренко, Губарев, 2020: 60). Н. Е. Бондаренко и Р. В. Губарев отмечают, что проблема межрегионального неравенства усложняется, в частности, валовый региональный продукт на душу населения в регионах различается в 17 раз: «В Сахалинской области он сравним с уровнем Сингапура, а в Республике Ингушетия – приближается к уровню Гондураса» (Бондаренко, Губарев, 2020: 57). Данные этих и других исследований подчеркивают значимость проблемы преодоления негативных последствий неравенств самой региональной системой управления.

В то же время социальное неравенство дает возможность конкуренции и роста, является причиной социальной дина-

мики и мобильности. Более того, межрегиональное неравенство считается неустраняемым, как утверждает лауреат Нобелевской премии по экономике Пол Кругман: территориальное развитие всегда неравномерно и всегда основано на конкурентных преимуществах (Кругман, 2005: 124). Как правило, преодоление негативных последствий социального неравенства и поиск его оптимального уровня может предполагать несколько способов: повышение минимального размера оплаты труда, изменение структуры государственных расходов, создание в регионе дополнительных рабочих мест, выделение прогрессивной шкалы налогообложения, повышение доступности и качества образования. В конце концов, совокупность вышеуказанных аспектов регионального и социального неравенства сказывается на миграционных процессах, отражающих реализацию ожиданий населения от властных структур и воплощение ими в жизнь программ регионального развития (Стоянов, Ермолаева, 2020: 67).

Решение проблемы снижения межрегионального неравенства заложено, в частности, в реализации Стратегии пространственного развития Российской Федерации до 2025 года, одним из направлений которой, является «сокращение уровня межрегиональной дифференциации в социально-экономическом развитии субъектов РФ и снижение внутрирегиональных социально-экономических различий» (Бондаренко, Губарев, 2020: 60).

В то же время вопрос о реальном воплощении стратегических документов развития регионов остается в значительной степени открытым. По данным В. А. Корниловича, на 2015 г. общее количество стратегических документов всех уровней власти «достигает порядка 300, а из 84 регионов – 61 уже имеют утвержденные стратегии социально-экономического, инновационного развития и программы долгосрочного развития» (Корнилович, 2015: 6). Он справедливо отмечает, что: «суть дела состоит не в наличии или отсутствии стра-

тегического плана как такового (что оценивается Минрегионом России как эффективность деятельности органов власти), а в превращении стратегий в технологии социальных трансформаций и развития общества» (Корнилович, 2015: 21).

В этой связи В. В. Узунов в качестве основного фактора, влияющего на развитие российских регионов, отмечает «фактор институциональной трансформации» (Узунов, 2019: 61). Регион в таком случае можно определить, как «одновременно динамичную и статичную социокультурную общность», причем его статичность определяется прежде всего «ментальной спецификой региона в совокупности традиционных ценностей и мировоззренческих установок, моделей и стилей поведения населяющих его народов» (Узунов, 2019: 59).

С ним солидарен Н. И. Лапин, понимающий регион как «исторически сложившееся территориальное социокультурное сообщество людей в составе большого общества, мезоуровень его социокультурного пространства» (Атлас, 2016: 36). При этом он отмечал, что если экономический статус региона во многом определяется политикой федеральных властей, то социальный и культурный статусы региона всегда противоречивы (Там же). Эти региональные позиции во многом определяются самим региональным сообществом, образующим социокультурную среду, близкую жизнедеятельности его членов.

Таким образом, значимость субъектности населения региона при реализации стратегических документов регионального развития и повышения управляемости регионом отмечается практически всеми исследователями.

Перейдем к анализу специфики реализации стратегических инициатив региональными властями с помощью своих сайтов. При этом следует остановиться на краткой характеристике самих регионов РФ. Как отмечал Лапин, в современной России одновременно осуществляются обе стадии модернизации, что свидетельствует о неравномерности модернизации в разных

регионах одной страны. Показательна в этой связи его мысль о необходимости учета региональной субъектности при реализации стратегического планирования: сложность модернизации России зависит не только от разработанных «социальных проектов, или от спонтанно осуществляемых преобразований или от намерений правящей элиты, но и от того, что эти намерения и действия могут утонуть в тихой заводи традиций и привычек народной массы» (Атлас, 2016: 46). Н. И. Лапин выделял четыре компонента модернизации: технико-технологическую; социально-экономическую (соотношение сферы услуг и материального производства, а также обеспечение прав человека «второго поколения»); социокультурную и институционно-регулятивную.

Для нашего анализа особое значение имеет четвертая компонента. Она включает изменение совокупности регулирующих институтов и организаций во всех общества, демократизацию, учет конструктивной субъектности населения регионов, работу судебной системы, противодействие избыточности бюрократических процедур и пр.

Научные результаты и дискуссия ((Research Results and Discussion)). Мы провели контент-анализ сайтов региональных правительств двенадцати регионов РФ по методике Н. И. Лапина. Ниже в таблице отмечено наполнение региональных сайтов документами стратегического развития на апрель 2023 г.

Таблица 1

Размещение стратегических документов на официальных сайтах исполнительной власти регионов РФ различного уровня модернизации

Table 1

Placement of strategic documents on the official websites of the executive authorities of the regions of the Russian Federation at various levels of modernization

№	Субъект РФ / The subject of the Russian Federation	Адрес сайта / Web site address	Федеральный закон о стратегическом планировании / Federal law on strategic planning	Стратегия соц-эк. развития региона до 2020 / Strategy for socio-economic development of the region until 2020	Стратегия соц-эк. развития региона до 2030 / Strategy for socio-economic development of the region until 2030	Стратегия пространственного развития / Spatial development strategy
1	Амурская обл. / Amur region	https://www.amurobl.ru/	упоминается	не упоминается	не упоминается	не упоминается
2	Башкирия / Bashkortostan	https://pravitelstvorb.ru/ru/	упоминается	упоминается в других	упоминается в других	упоминается
3	Белгородская обл. / Belgorod region	https://belregion.ru/	не упоминается	упоминается	упоминается	документ размещен

4	Брянская обл. / Bryansk region	http://www.bryanskobl.ru/	документ размещен	документ размещен	документ размещен	документ размещен
5	Вологодская обл. / Vologda region	http://www.vologda-oblast.ru/	не упоминается	документ размещен	документ размещен	не упоминается
6	Калмыкия / Kalmykia	http://kalmregion.ru/	не упоминается	упоминается	упоминается	документ размещен
7	Московская обл. / Moscow region	https://mosreg.ru/	не упоминается	упоминается	документ размещен	не упоминается
8	Нижегородская обл. / Nizhny Novgorod region	https://www.government-nnov.ru/	не упоминается	не упоминается	не упоминается	не упоминается
9	Омская обл. / Omsk region	http://omskportal.ru/	документ размещен	не упоминается	не упоминается	не упоминается
10	Республика Саха (Якутия) / Republic Sakha (Yakutia)	https://www.sakha.gov.ru/	документ размещен	упоминается	упоминается	упоминается
11	Свердловская обл. / Sverdlovsk region	http://midural.ru/	документ размещен	документ размещен	документ размещен	упоминается
12	Смоленская обл. / Smolensk region	https://www.admin-smolensk.ru/	упоминается	документ размещен	документ размещен	не упоминается
Всего доступных документов / All available documents			4	4	5	3

Отобранные регионы представляют всю линейку уровней социокультурной модернизации. Так, Атлас модернизации России и ее регионов относил Калмыкию¹ к регионам самого низкого состояния модернизированности (тип 1); Белгородскую, Брянскую, Смоленскую, Вологодскую, Амурскую – к регионам низкого состояния модернизированности (тип 2); Башкортостан и Омскую область – к регионам средней модернизированности зрелой стадии первичной модернизации (тип 3); республику Саха

(Якутия) – к регионам средней модернизированности начальной фазы вторичной модернизации (тип 4); Свердловскую – к регионам высокого состояния модернизированности фазы начала вторичной модернизации (тип 5), наконец, Нижегородскую и Московскую области – к регионам самого высокого состояния модернизированности, находящихся на фазе роста вторичной модернизации (тип 6).

Стратегии социально-экономического развития региона до 2020 г. и 2030 г.

¹ Данные на 2016 г.

являются важнейшими ориентирами региона, они размещены только на четырех и пяти соответственно из двенадцати сайтов.

Прямой связи между уровнем модернизации региона и особенностями размещения стратегических документов на сайте его правительства конечно же не существует. Однако мы можем косвенно проследить преобладающий

характер взаимодействия власти и населения в интернет-пространстве, сопоставив данные официальных сайтов с данными Медиалогии и т.н. альтернативными сайтами соответствующих субъектов РФ.

Согласно Атласу, Калмыкия находится в фазе устойчивой стагнации первичной модернизации, отстает по экономической и когнитивной составляющей. На сайте размещена только Стратегия развития региона до 2030 г.

Белгородская область признается одним в Центральном Федеральном округе по диверсификации. Однако препятствием для дальнейшей модернизации признается состояние финансовой сферы и инфраструктуры, низкая активность индивидуального жилого строительства, адаптация профобразования к реальным потребностям региональной экономики (Атлас, 2016: 134). На сайте размещена только Стратегия развития региона до 2030 г.

Основной характеристикой модернизационных процессов в Вологодской Смоленской, Брянской областях является разновекторное, развитие территорий, которое стало следствием монопрофильной структуры их экономики. Н. И. Лапин отмечал, что «одним из главных факторов невысоких темпов развития модернизационных преобразований является неэффективность государственного и муниципального управления» (Атлас, 2016: 155). Только на сайте Брянской области размещены все стратегические документы.

Республика Саха (Якутия) – дальневосточный регион, показывающий поступательную модернизацию. Для Якутии харак-

терны стабильность, прозрачность управления. На сайте размещен в полной версии только федеральный закон о планировании.

Нижегородская область наряду с Самарской является безусловным регионом-лидером инновационной активности Поволжского Федерального округа (Атлас, 2016: 210), Свердловская – лидером Уральского Федерального округа. На сайте правительства размещены все три стратегии. Показательно, что, став в Уральском округе лидером модернизации промышленного типа и отличаясь самым высоким уровнем политической и гражданской активности, область «притормозила» на фазе начала вторичной модернизации в связи с недостаточным качеством управления в регионе. Московская область одной из первой достигла высшей стадии модернизации. На сайте размещена стратегия социально-экономического развития области до 2030 г.

Таким образом, анализируемые нами регионы относятся к различным уровням социокультурной модернизации по методологии Н. И. Лапина и репрезентируют эти уровни соответственно. Логично предположить, что региональные власти находятся в различных условиях при реализации стратегических документов регионального развития, хотя в целом алгоритм работы исполнительной власти достаточно стандартизирован.

В то же время важно отметить недостаточный уровень активности самого населения, причиной которого может быть, в частности низкий уровень информационной и (или) правовой культуры самих граждан. Этот факт также фиксируется исследователями, при анализе взаимодействия власти с органами местного самоуправления: сильным барьером, ограничивающим развитие ТОС на муниципальном уровне, является низкая активность местного сообщества, вызванная незнанием форм участия населения в местном самоуправлении, низким уровнем правовой грамотности населения. Наблюдается отсутствие у обществен-

ности стимулов для установления партнерских отношений с органами власти (Медведева, 2021: 76).

Таким образом, для улучшения взаимодействия региональной власти с населением в контексте преодоления негативных последствий социального неравенства важно учитывать характер информирования населения об этих последствиях и реализации стратегических документов. Однако для эффективного регионального управления этого недостаточно. В этой связи заслуживает внимания подход Е. Г. Смолиной, которая обоснованно выделяет четыре уровня взаимодействия органов местной исполнительной власти и населения в интернет-пространстве: «информирования, консультирования, партнерства и гражданского управления» (Смолина, 2020: 4). Кроме того, она выделяет две формы «онлайн» и «офлайн» такого взаимодействия. Считаем рациональным использовать данный подход и при анализе работы властно-управленческой вертикали на региональном уровне. Региональная власть активна на каждом уровне взаимодействия с населением. Но остается открытым вопрос о наиболее предпочтительном для нее.

В таком случае можно условно ранжировать уровни такого взаимодействия:

уровень информирования, по сути, заключается в предоставлении правительством региона населению необходимых сведений, носящих общий характер. Как можно видеть из таблицы и с этим уровнем есть проблемы: только один регион разместил в свободном доступе все ключевые документы развития региона. Только треть регионов из нашей выборки разместили на своих сайтах по одному из таких документов. По сути, граждане сами должны искать информацию по стратегическому развитию.

С другой стороны, данные Медиалогии (Рис. 1) показывают, что региональный уровень освещения реализации Национальных проектов в сравнении с федеральным и зарубежным составляет 3/4. Всего за отчетный период было зафиксировано 141304 сообщений. По всей видимости, сам сайт правительств субъектов не считается региональными властями основным, и они используют другие региональные СМИ. Поэтому на уровне информирования региональный уровень властно-управленческой вертикали работает достаточно комплексно. Характер освещения реализации Национальных проектов на региональном уровне нашел отражение в предыдущих публикациях автора (Савельев, 2022).

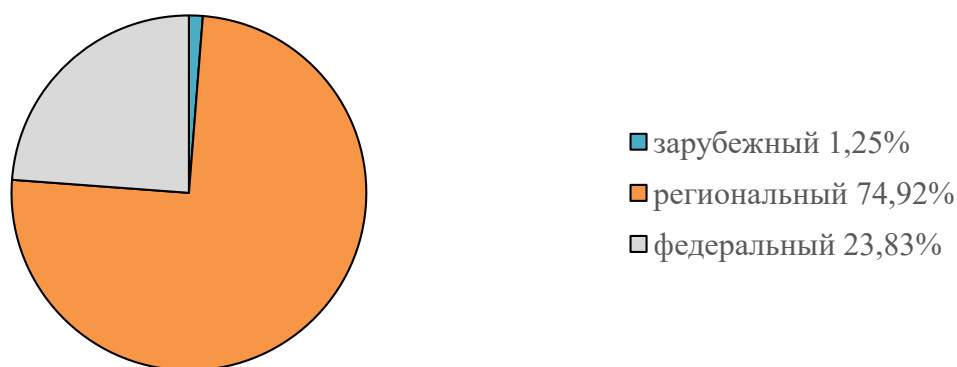

Рисунок 1. Освещение Национальных проектов по данным Медиалогии.

Временной период: 01 января 2019 по 20 апреля 2023 г.

Figure 1. Coverage of National Projects according to Medialogy.

Time period: 01 January 2019 to 20 April 2023

Уровень консультирования заключается в разъяснении, пояснении со стороны власти различных аспектов, задач, в нашем случае, мероприятий по реализации мероприятий стратегического развития. В этом

случае показательны данные Медиалогии по нашему запросу о статистике упоминания Национальных проектов в СМИ с 2019-2023 гг.

Таблица 2

Статистика упоминания Национальных проектов России в отечественных СМИ по данным Медиалогии с 2019-2023 г. Соотношение отраслей СМИ. Временной период: 01 января 2019 по 20 апреля 2023 г.

Table 2

Statistics of mentions of National projects of Russia in domestic mass media according to the data of Medialogy from 2019-2023. Correlation of media industries. Time period: 01 January 2019 to 20 April 2023

Объект / Object	Количество сообщений / Number of messages
Интернет	120 049
Газеты	10 702
Информагентства	8 256
ТВ	2 354
Журналы	490
Радио	48
Блоги	0
ВСЕГО	141 304

Доминирование интернет-источников по информированию о реализации Национальных проектов дает возможность гражданам взаимодействовать с властью именно на уровне консультации по различным вопросам, в том числе по поиску рабочих мест, консультациям по льготам, страхованию и пр.

Взаимодействие на уровне партнерства характеризуется равноправием власти и граждан, имеет спланированный и прогнозируемый характер.

На уровне гражданского управления население региона рассматривается как полноправный и квалифицированный источник взаимодействия. На этом уровне, в частности, население может привлекаться в качестве эксперта или заинтересованного

участника (голосование по благоустройству территорий, рейтинги школ и пр.).

Стоит согласиться с Е. Г. Смолиной (Смолина, 2022), что два последних уровня обладают наибольшим потенциалом в рамках культуры «электронной демократии» и задач по повышению качества муниципального (регионального И.С.) управления.

В рамках анализа этих уровней взаимодействия власти и населения мы проанализировали упоминание разработчиков Национальных проектов на официальных сайтах исполнительной власти регионов и на, так называемых, «альтернативных сайтах», которые мы отобрали по данным Медиалогии на период реализации Национальных проектов.

Таблица 3
Упоминание разработчиков Национальных проектов (региональных паспортов)
на официальных сайтах субъектов РФ

Table 3
Mention of developers of national projects (regional passports) on official sites
of subjects of the Russian Federation

Регион / Region	Тип сайта / site type	Адрес сайта / website address	Разработчики / developers
Амурская обл. / Amur region	оф. портал	https://www.amurobl.ru/	региональные органы власти
Башкирия / Bashkortostan	оф. сайт	https://pravitelstvorb.ru/ru/	региональные органы власти муниципальные органы власти общественные организации
Белгородская обл. / Belgorod region	оф. сайт	https://belregion.ru/	региональные органы власти муниципальные органы власти
Брянская обл. / Bryansk region	оф. сайт	http://www.bryanskobl.ru/	региональные органы власти муниципальные органы власти
Вологодская обл. / Vologda region	оф. портал	http://www.vologda-oblast.ru/	муниципальные органы власти
Калмыкия / Kalmykia	оф. сайт	http://kalmregion.ru/	не упоминаются
Московская обл. / Moscow region	оф. сайт	https://mosreg.ru/	региональные органы власти общественные организации
Нижегородская обл. / Nizhny Novgorod region	оф. сайт	https://www.government-nnov.ru/	региональные органы власти
Омская обл. / Omsk region	оф. портал	http://omskportal.ru/	не упоминаются
Республика Саха (Якутия) / Republic Sakha (Yakutia)	оф. портал	https://www.sakha.gov.ru/	не упоминаются
Свердловская обл. / Sverdlovsk region	оф. сайт	http://midural.ru/	региональные органы власти
Смоленская обл. / Smolensk region	оф. портал	https://www.admin-smolensk.ru/	региональные органы власти

Таблица 4
Упоминание разработчиков Национальных проектов (региональных паспортов)
на альтернативных сайтах субъектов РФ

Table 4

Mention of developers of national projects (regional passports) on alternative sites
of subjects of the Russian Federation

Регион / Region	Официальное название / official name	Адрес / website address	Разработчики / developers
Амурская область / Amur region	информационное агентство Дальнего Востока	https://www.amur.info/	не упоминаются
Башкирия / Bashkortostan	новости Уфы и Башкирии	https://mkset.ru/	региональные органы
Белгородская область / Belgorod region	сетевое информационное агентство	bel.ru	не упоминаются
Брянская область / Bryansk region	электронное периодическое издание	https://www.bragazeta.ru/	не упоминаются
Вологодская область / Vologda region	информационное агентство Вологда регион	https://vologdaregion.ru/	не упоминаются
Калмыкия / Kalmykia	сетевое издание "МК в Калмыкии"	https://www.mk-kalm.ru/news/	не упоминаются
Московская область / Moscow region	ООО Медиахолдинг «Вести Подмосковья»	https://vmo24.ru/	не упоминаются
Нижегородская область / Nizhny Novgorod region	Сетевое издание Ньюс-НН.ру	https://newsnn.ru/	не упоминаются
Омская область / Omsk region	Сетевое издание - Региональное информационное агентство «СуперОмск»	superomsk.ru	не упоминаются
Республика Саха (Якутия) / Republic Sakha (Yakutia)	информационно-развлекательный портал Якутска	https://ykt.ru/	не упоминаются
Свердловская область / Sverdlovsk region	информационное агентство	https://ura.news/svrd	не упоминаются
Смоленская область / Smolensk region	ООО «Реадовка.Ру»	Readovka.ru	не упоминаются

Данные альтернативных сайтов были использованы нами в предыдущем исследовании для сопоставления новостных лент официальных и неофициальных сайтов по освящению реформирования девяти ключевых сфер региональной жизнедеятельности (Савельев, 2022).

Заключение (Conclusions). Статистика посещения сайтов региональных правительств гражданами, а также характер освещения документов стратегического развития региона позволяет сделать следующий промежуточный вывод: с одной стороны, граждане могут ожидать от власти региона более открытого взаимодействия и привлечения к обсуждению реализации стратегических инициатив.

С другой стороны, региональная власть может ожидать от пользователей сайтов повышения своей легитимности. Поэтому официальные сайты правительств регионов могут выступать не просто технической площадкой взаимодействия, но своего рода агентами политики цифровизации, основой социотехнического взаимодействия.

В то же время, несовпадение взаимных ожиданий ведёт к ретрансляции ответственности (перекладыванию проблем друг на друга) (Стоянов, Гущина, 2020: 193), что также необходимо учитывать в процессе взаимодействия власти и граждан.

Исследователи отмечают, что «необходимы более открытые и мониторинговые действия (включая научный анализ)», чтобы повлиять на более широкое использование гражданами потенциала цифровизации публичной политики, а в долгосрочной перспективе включив в число условий этой цифровизации активное электронное участие граждан в публичной политике» (Сморгунов, 2021: 111).

В то же время, интерактив на сайтах исполнительной власти изучаемых регионов довольно типичен и сводится как правило к приему обращений и подача жалоб через Госуслуги (все регионы); открытые данные (все регионы); противодействие коррупции (все регионы)/

Таким образом, для повышения управляемости региона в контексте преодоления последствий социального неравенства необходимо взаимодействие региональной власти с населением на уровнях партнёрства и гражданского самоуправления. По сути, это и есть реальное взаимодействие, в процессе которого решение практических задач по реализации стратегического развития региона, преодолению социальных последствий неравенства и т.д. выражается в делегировании обществу части полномочий, анализе и поддержке инициатив гражданского населения. Сведение же такого взаимодействия в интернет-пространстве к уровню консультирования и информирования приводит к неполной реализации таких управленческих функций как мониторинг, координация, социальный контроль на принципе обратной связи. В плане функционирования сайта это означает создание дискуссионных площадок, публикация реальной статистики посещений и просмотров сайта и его разделов, публикация ключевых документов регионального развития, иными словами, создание средовых условий для проявления полисубъектности населения.

В более широкой перспективе это может касаться корректировки нормативно-правовой базы, обеспечивающее работу официальных сайтов, оценку практики принятия и реализации решений для корректировки со стороны общественных организаций, формирование системы общественного контроля.

Исследование подтвердило ключевые гипотезы о недостаточной реализации региональной властью современного потенциала информационно-коммуникативных технологий и недостаточного упоминания региональными проектами ключевого документа регионального развития – Стратегии социально-экономического развития региона. Это же касается и ориентации региональных властей больше на отчетность перед центром, чем на выработку решений по преодолению негативных последствий

неравенств при участии населения на основе реализации принципа обратной связи.

Список литературы

Аксенова О. В. Стратегия развития российских регионов: официальная версия // Власть. 2019. Т. 27, № 1. С. 9-17. DOI: <https://doi.org/10.31171/vlast.v27i1.6192>.

Атлас модернизации России и ее регионов: социоэкономические и социокультурные тенденции и проблемы. Сост. и отв. ред. Лапин Н. И. М. 2016. 347 с.

Бондаренко Н. Е., Губарев Р. В. Проблема регионального неравенства в социально-экономическом развитии РФ // Вестник РЭУ им. Г.В. Плеханова 2020. Т. 17, № 5 (113) С. 56-68. DOI: <http://dx.doi.org/10.21686/2413-2829-2020-5-56-68>.

ИНАБ № 1 – 2012. Конкурентоспособность отечественных ИТ-компаний (по материалам интерактивного исследования). М.: Институт социологии РАН, 2012. 53 с. URL: http://www.isras.ru/inab_2012_01 (дата обращения: 08.07.2023).

Кирдяшкина С. С. Моделирование влияния социального неравенства на состояние человеческого потенциала в регионе // Современная экономика: актуальные вопросы, достижения и инновации: сборник статей XXXV Международной научно-практической конференции, Пенза, 05 мая 2020 года. Пенза: «Наука и Просвещение» (ИП Гуляев Г. Ю.), 2020. С. 138-141.

Корнилович В. А. Стратегическое управление: социологический подход: [монография]. М.: Институт социологии РАН, 2015. 272 с.

Кругман П. Пространство: последний рубеж // Пространственная экономика. 2005. № 3 (03). С. 121-137.

Медведева Н. В., Фролова Е. В., Рогач О. В. Взаимодействие и перспективы партнерства территориального общественного самоуправления с местной властью // Социологические исследования. 2021. № 10. С. 72-82. DOI 10.31857/S013216250015275-5.

Мерзляков А. А., Богданов В. С. Об исследовании социолого-управленческих аспектов регулирования социальных неравенств в регионах России // Вестник Института социологии. 2022. Т. 13, № 4. С. 130-143.

Савельев И. А. Контент-анализ официальных сайтов органов власти и управления субъектов Российской Федерации с различным

уровнем социокультурной модернизации как информационного ресурса регионального группобразования // Реформирование властно-управленческой вертикали в условиях реализации национальных проектов и активизации процессов спонтанного группобразования: [монография] / А. В. Тихонов [и др.]; отв. ред. А. В. Тихонов; А. А. Мерзляков. ФНИСЦ РАН. М.: ФНИСЦ РАН, 2021. С. 283-302.

Савельев И. А. Реализация стратегии социально-экономического развития регионов РФ в контексте снижения негативных последствий социально-экономических неравенств // Вопросы управления. 2022. № 6. С. 36-47. URL: <https://journal-management.com/issue/2022/06/03>. (дата обращения: 08.07.2023). DOI: 10.22394/2304-3369-2022-6-36-47.

Стоянов А. С., Гущина Л. М. Ожидания как фактор ретрансляции ответственности в дошкольном образовании: родители vs профессионалы // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2020. № 5 (68). С. 193-204. DOI 10.26105/SSPU.2020.68.5.022.

Стоянов А. С., Ермолаева А. В. Ожидания как фактор миграции трудоспособного населения // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2022. № 2 (77). С. 67-80. DOI 10.26105/SSPU.2022.77.2.008.

Смолина Е. Г. Взаимодействие органов местной исполнительной власти и населения в интернет-пространстве: управленческий аспект (на материалах г. Волгограда) // Автореферат на соискание ученой степени кандидата социологических наук. Нижний Новгород, 2020. 23 с.

Сморгунов Л. В., Игнатьева О. А. Факторы гражданского участия на электронных платформах // Социологические исследования. 2021. № 7. С. 101-112. DOI 10.31857/S013216250013854-2.

Тихонов А. В., Мерзляков А. А. Что мешает «прорывному» российскому проекту «Наука» стать действительно прорывным? // Научный результат. Социология и управление. 2020. Т. 6, № 4. С. 112-127. DOI: 10.18413/2408-9338-2020-6-4-0-7.

Тихонов А. В., Богданов В. С., Гусейнова К. Э., Мерзляков А. А., Почестнев А. А., Просянюк Д. В., Савельев И. А., Смирнова А. С., Щербина В. В. Реформирование властно-управленческой вертикали в условиях реализации национальных проектов и активизации

процессов спонтанного группообразования: [монография] / А. В. Тихонов [и др.]; отв. ред. А. В. Тихонов; А. А. Мерзляков. ФНИСЦ РАН. М.: ФНИСЦ РАН, 2021. 455 с.

Узунов В. В. Институциональная инерция в инновационном развитии российских регионов: теоретический дискурс // Гуманитарий Юга России 2019. Том 8, №1. С. 56-66. DOI 10.23683/2227-8656.2019.1.3

Усков В. С. Научно-технологическое развитие российской экономики в условиях перехода к новому технологическому укладу // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2020. Т. 13, № 1. С. 70-86. DOI: 10.15838/esc.2020.1.67.4.

References

Aksenova, O. V. (2019), "Strategy of the Russian regions' development: reality", *Vlast*, (1), 9-17. (In Russian).

Lapin, N. I. (ed.) (2016), *Atlas modernizatsii Rossii i ee regionov: sotsioekonomicheskie i sotsiokulturnye tendentsii i problemy* [Atlas of Russia and its regions modernization: socio-economic and socio-cultural trends and problems], VesMir, Moscow, Russia. (In Russian).

Bondarenko, N. E., Gubarev, R. V. "The problem of regional inequality in the socio-economic development of the Russian Federation", *Bulletin of the REU*, G.V. Plekhanov, (5), 56. (In Russian).

SUIN № 1 (2012), The competitiveness of domestic IT companies (based on interactive study), Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences, Moscow, [Online], available at: http://www.isras.ru/inab_2012_01 (Accessed 08 July 2023.). (In Russian).

Kirdyashkina, S. S. (2020), "Modeling the impact of social inequality on the state of human potential in the region", *Modern economy: topical issues, achievements and innovations*, 138-141. (In Russian).

Kornilovich, V. A. (2015), *Strategicheskoe upravlenie: sotsiologicheskyy podkhod* [Strategic management: a sociological approach], Moscow, Russia. (In Russian).

Krugman, P. (2005), "Space: The Last Frontier". *Spatial Economics*, (3), 121-137. (In Russian).

Medvedeva, N. V., Frolova, E. V., Rogach, O. V. (2021), "Interaction and prospects for partnership of territorial public self-government with

local authorities", *Sociological research*, (10), 72. (In Russian).

Merzlyakov, A. A., Bogdanov, V. S. (2022), "On the study of sociological and managerial aspects of the regulation of social inequalities in the regions of Russia", *Bulletin of the Institute of Sociology*, (4), 130-143. (In Russian).

Saveliev, I. A. (2021), "Content analysis of the official websites of the authorities and administration of the constituent entities of the Russian Federation with different levels of socio-cultural modernization as an information resource of regional group formation", *Rossiya: reformirovanie vlastno-upravlencheskoy vertikal' v kontekste problem sotsiokulturnoy modernizatsii regionov* [Russia: reforming the power and management vertical in the context of the problems of socio-cultural modernization of the regions], FNISC RAN, Moscow, Russia. (In Russian).

Saveliev, I. A. (2022), "Implementation of the strategy of socio-economic development of the regions of the Russian Federation in the context of reducing the negative consequences of socio-economic inequalities", *Management issues*, (6), 36-47. (In Russian).

Stoyanov, A. S., Gushchina, L. M. (2020), "Expectations as a Responsibility Relay Factor in Preschool Education: Parents vs. Professionals", *Bulletin of Surgut State Pedagogical University*, (5), 193-204. (In Russian).

Stoyanov, A. S. Ermolaeva, A. V. (2022), "Expectations as a factor in the migration of the working population", *Bulletin of Surgut State Pedagogical University*, (2), 67-80. (In Russian).

Smolina, E. G. (2020), "Interaction between local executive authorities and the population in the Internet space: a managerial aspect (on the materials of the city of Volgograd)", Abstract for the degree of candidate of sociological sciences. Nizhny Novgorod, Russia. (In Russian).

Smorgunov, L. V. Ignatieva, O. A. (2021), "Factors of civil participation on electronic platforms", *Sociological research*, (7), 101-112. (In Russian).

Tikhonov, A. V., Merzlyakov, A. A. (2020), "What prevents the "breakthrough" Russian project "Nauka" from becoming truly breakthrough?", *Research Result. Sociology and Management*, (4), 112-127. (In Russian).

Tikhonov, A. V. (2017), *Rossiya: reformirovanie vlastno-upravlencheskoy vertikal' v kontekste problem sotsiokulturnoy modernizatsii re-*

gionov [Russia: reforming the power and management vertical in the context of the problems of socio-cultural modernization of the regions], FNISCRAN, Moscow, Russia. (In Russian).

Uzunov, V. V. (2019), "Institutional inertia in the innovative development of Russian regions: theoretical discourse", *Humanitarian of the South of Russia*, (1), 56-66. (In Russian).

Uskov, V. S. (2020), "Scientific and technological development of the Russian economy in the context of the transition to a new technological order", *Economic and social changes: facts, trends, forecast*, (1), 70-86. (In Russian).

Статья поступила в редакцию 30 августа 2023 г. Поступила после доработки 09 сентября 2023 г. Принята к печати 15 сентября 2023 г.

Received 30 August 2023. Revised 09 September 2023. Accepted 15 September 2023.

Конфликты интересов: у автора нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: The author has no conflict of interest to declare.

Савельев Иван Александрович, кандидат философских наук, доцент, старший научный сотрудник Института социологии Федерального научно-исследовательского центра Российской академии наук, Москва, Россия.

Ivan A. Savelev, PhD in Philosophy, Senior Researcher, Institute of Sociology, Federal Center for Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.